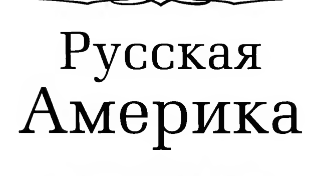
В.Н. Бурлак

Русская Америка

В.Н. Бурлак



Русская Америка

Москва
«Вече»
2009

УДК 94
ББК 63.3(0)
Б90

Бурлак В.Н.

Б90 Русская Америка / В.Н. Бурлак. — М. : Вече, 2009. — 384 с. — (Русские за границей).

ISBN 978-5-9533-3687-1

Для чего нужно было создавать русские колонии в Новом Свете? Почему потом их уступили Соединенным Штатам Америки, к тому же на невыгодных для России условиях? Как сложилась судьба русских на Аляске после знаменитой сделки 1867 года? Автор книги, известный путешественник, писатель и журналист, В.Н. Бурлак делает попытку раскрыть истинный смысл Русской Америки для нашего Отечества. Но нет ответов на многие ее загадки. Не все ее документы найдены. Интерес к ним не ослабевает. Поиски продолжаются... Ибо недолгая история Русской Америки — неотъемлемая часть великой истории России.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9533-3687-1

«ЗЕМЛИЦА ВЕЛИКАЯ, ЗЕМЛИЦА НЕВЕДОМАЯ»

...все острова, находящиеся в здешнем отделе, не суть произведения вулканического, но остатки первобытного материка, может быть первоначально составлявшего одно целое с Камчаткою, и даже Чукотским носом и Америкою...
...на пространстве Берингова моря некогда существовал материк, который разрушен и низвергнут в бездну моря страшною силою...

Иоанн Вениаминов.
Православный миссионер в Америке,
этнограф, естествоиспытатель.
Первая половина XIX века

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БЕРИНГИИ

...На несказанную мощь в руках и в ногах полагаясь,
Диких породы зверей по лесам они гнали и били
Крепким тяжелым дубьем и бросали в них меткие камни;
Многих сражали они, от иных же старались укрыться...
С воплями громкими дня или солнца они не искали,
В мраке ночном по полям пробираясь, объятые страхом,
Но ожидали, в молчаньи и в сон погрузившись глубокий,
Как небеса озарит светильником розовым солнце...
Древним оружием людей были руки, ногти и зубы,
Камни, а также лесных деревьев обломки и сучья,
Пламя затем и огонь, как только узнали их люди.

Тит Лукреций Кар

Не утраченный интерес

Уж сколько лет прошло с той поры, когда перестали существовать русские колонии на северо-западе Нового Света и совершилась знаменитая сделка — продажа Аляски и многих тихоокеанских островов Соединенным

Штатам Америки, но интерес к этому давнему событию не утрачен.

Нередко и в наше время его подогревают литераторы, ученые, политики, историки, журналисты. Периодически в средствах массовой информации поднимаются вопросы: нужно ли было создавать русские колонии в Новом Свете? Зачем потом их уступили Соединенным Штатам, да еще на не выгодных для России условиях? Как сложилась судьба русских в Америке после знаменитой сделки 1867 года?

Русская Америка!.. Ее история порой приукрашивается или очерняется авторами статей, книг, кинофильмов, очерков. И это тоже свидетельство не утраченного интереса. Но она важна для нынешней и будущей России такой, какой была на самом деле, со своими бедами и житейскими проблемами, борьбой за выживание, большими и малыми победами.

Русская Америка — это не только поселения русских людей, возведенные в XVIII—XIX веках, но и вера, дух, мечты, стремления, мастерство, знания, воля к жизни нашего народа.

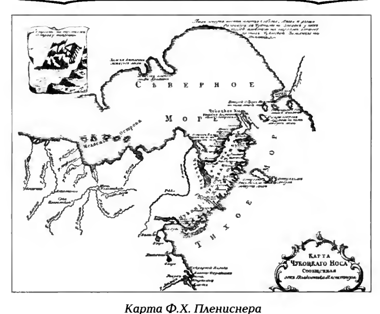
От преданий до научных гипотез

В древние времена у разных племен и народов возникли предания о том, что Атлантический океан не отделял Америку от Европы, а Тихий — Америку от Азии. Конечно, в тех преданиях моря, океаны и материки назывались по-другому.

«Бог наказал людей за грехи, и большая вода разъединила землю», — сообщалось во многих старинных сказаниях.

В Средние века некоторые исследователи, ссылаясь на древние документы и записи, полагали, что когда-то Азия соединялась с Америкой огромным перешейком «Берингия», а Америка с Европой — перешейком «Атлантика».

В XVI столетии испанский монах Хосе де Акоста выдвинул гипотезу о существовании этих сухопутных мостов в древние времена.



Карта Ф.Х. Плениснера

Русский путешественник и исследователь Северо-Восточной Азии Федор Христианович Плениснер во второй половине XVIII века был правителем Анадырского острога, а затем — Охотского и Камчатского округов. После участия в экспедиции Витуса Беринга к берегам Северо-Западной Америки он пришел к выводу, что много тысяч лет назад большой перешеек соединял «Старый и Новый Свет». По этому сухопутному мосту древние племена мигрировали из Сибири в Америку вслед за стадами животных.

Предположение Федора Плениснера во второй половине XVIII века поддержали многие русские ученые и путешественники.

Версия о великой катастрофе

Приблизительно 40—50 тысяч лет назад уровень Мирового океана опустился более чем на 100 метров. Так образовались гигантские перешейки, соединявшие Европу с Америкой в Атлантике, и Азию с Америкой — в Тихом океане.

Палеонтологи подсчитали, что из 54 представителей фауны Нового Света четвертичного периода* 48 имели азиатское происхождение.

Стихийные бедствия, климатические изменения, миграции мамонтов и других крупных животных вынуждали древних людей сниматься с насиженных мест и двигаться вслед за стадами, в поисках лучших жизненных условий и более пригодных для обитания земель.

По мнению специалистов, великое переселение из Сибири в Северную Америку происходило в несколько этапов. Первый начался примерно 35 тысяч лет назад. Возможно, в разные времена какие-то племена кочевников оседали на Берингийском перешейке. Там, согласно версии исследователей древних тайн, якобы возникла цивилизация «Земля Синей звезды».

Предположительно, так называемый Берингийский 1600-километровый мост тянулся с юга, от нынешней Алеутской гряды, на север, до 70-й параллели. Он состоял изо льда и лёсса — рыхлых горных пород. Разъединение Азии с Америкой произошло примерно 11—13 тысяч лет назад в результате очередного изменения климата, планетарной катастрофы, отступления ледников на север. Однако у исследователей есть разные мнения по поводу срока и причины разъединения Старого и Нового Света.

Время гибели Беринги, или Земли Синей звезды, совпадает со временем исчезновения легендарной Атлантиды и Гипербореи. Так полагают романтически настроенные исследователи древних тайн. Однако серьезных доказательств этому пока нет. Впрочем, как и убедительных доказательств существования Земли Синей звезды, Атлантиды, Гипербореи.

Но, по мнению замечательного ученого и мыслителя Владимира Ивановича Вернадского, «научная гипотеза всегда выходит за пределы фактов, послуживших основой для ее построения».

* Четвертичный период — последний в геологической истории земли, продолжающийся и в настоящее время. Длительность исчисляется от 600 тысяч до 1 миллиона лет.

Табу на колесо

Как долго живет произнесенное слово? Могут ли предания, мифы, сказания существовать, передаваться из поколения в поколение десять, двадцать, тридцать тысяч лет?

Мы еще не знаем всех законов существования информации. Законов ее сохранения, самозащиты, консервации вне человека, в самом человеке, в любом живом существе, в неодушевленном предмете.

Каждая клетка организма является своеобразной антенной и накопителем, улавливающей и сохраняющей информацию. Наверное, в будущем ученые откроют способы ее прочтения. Ну а сегодня можно собрать предания о том, как много тысяч лет назад заселяли американский континент древние племена из Северной Азии.

В штатах Колорадо, Оригон, Калифорния и на тихоокеанском побережье Канады даже в середине XX века местные индейцы рассказывали предания о «великом переселении»: «Шли навстречу солнцу люди, одетые в шкуру, покорять неведомую им Великую землю. И удивлялась им земля, ибо никогда еще не видела человека... И люди тоже удивлялись неизвестному им миру».

Рассказывали индейцы тихоокеанского побережья Северной Америки, что много тысяч лет назад их предки добрались до страны, которую населяли могущественные племена, поклоняющиеся Синей Звезде. А страшным оружием их были звук, свет и колесо. Как действовало и выглядело такое оружие, в легенде не сообщалось.

Поклоняющиеся Синей Звезде сказали пришельцам: «Наша земля не прокормит всех. Но мы вас не убьем, а отпустим с миром. Отправляйтесь вслед за стадами быков и мамонтов дальше, навстречу солнцу. Но отныне и на все времена мы запрещаем вам пользоваться колесом. Забудьте, что видели его у нас. И никогда не вспоминайте и не разрешайте новым поколениям его изготавливать...».

Некоторые рассказчики этой легенды полагали: страна могущественного народа находилась на Берингий-

ском перешейке. Но обосновать свое предположение не могли.

Отправились пришельцы невредимыми дальше навстречу солнцу. С собой из вещей они взяли только то, что могли унести в руках, поскольку не было у них колесной техники.

Так объясняли индейцы, почему у них не было колеса. Схожее предание слышали еще в начале XIX столетия русские переселенцы от жителей Аляски.

Уходят века и тысячелетия — стираются из памяти народа многие исторические события. Но даже в наше время можно услышать от сибиряков и жителей Камчатки старинные рассказы о «Землице Великой, землице за океаном».

Поиски археологов

Журналист и автор книг о Сибири Леонид Шинкарев в 80-х годах прошлого века писал: «Новые свидетельства древних контактов Сибири и Америки принесли совместные работы советских и американских археологов на Алеутских островах (1974), а затем на Байкале (1975), когда удалось установить много общего в физическом типе обитателей соседних материков, похожих, как говорили ученые, на одно поселение, разделенное рекой.

При раскопках обнаружили новые сходства в материальной культуре и в образе жизни первобытных племен, населявших Северную Азию и после мигрировавших в Северную Америку».

Профессор Коннектикутского университета (США) Вильям Лафлин после многолетних исследований заявил: «Мы нашли, что коренные жители Америки — эскимосы, алеуты, индейцы — действительно пришли в Новый Свет из Сибири. Первые поселенцы были немногочисленны, их могло быть около тысячи. И, возможно, от этого числа начался тот рост американского коренного населения, которое встретило Колумба уже в количестве трех миллионов человек».

В 1974 году была проведена первая советско-американская археологическая экспедиция. Раскопки произ-

водились на древнейших алеутских стоянках Анангула и Чалука в США.

Результаты экспедиции подтвердили предположение ученых о формировании алеутской нации на североамериканских островах Тихого океана и генетическую связь этого народа с азиатской культурой, возраст которой более 12 тысячи лет. В конце XX века исследователи высказали предположение, что прародина алеутов, эскимосов и других американских племен находилась на Алтае.

ПЕРВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

...предприимчивые русские казаки нашли путь в Америку, невзирая на бесконечные пустыни Сибири, и совершенно самостоятельно и своеобразно открыли эту новую часть света. Всем остальным народам Европы Колумб открыл путь в Америку, с предприятиями же русских плавание Колумба не имеет почти ничего общего... Все другие народы шли с востока, вместе с солнцем на запад. Русские же шли с запада на восток.

Ф. Гельвальд. Немецкий историк.
Вторая половина XIX века

Неразрешенный вопрос

Кто и когда открыл Америку со стороны Тихого океана? Существует немало версий, предположений, высказываний. Профессор университета штата Висконсин К. Стоун в середине прошлого века писал, что еще в 499 году на Аляске побывали китайские мореходы. По мнению Стоуна, русские путешественники добрались до Северной Америки в XVI столетии и даже организовали там поселения.

И другие ученые США согласны, что, возможно, китайские и японские мореходы посещали Калифорнию задолго до экспедиций Колумба в Новый Свет, и не опро-

вергают вероятность появления корейских путешественников на тихоокеанском побережье Северной Америки в Средние века.

В преданиях индейцев встречаются упоминания о том, как много столетий назад со «стороны заката солнца» приходили парусные корабли неизвестного народа. Но кто были чужеземцы и когда точно посещали они Америку, в преданиях не говорится.

Но все же вопрос, — кто и когда открыл Америку со стороны Тихого океана, — пока не разрешен.

Поиски нового пути

В XVI веке английские и голландские мореплаватели стали совершать попытки проникновения из Атлантики в Тихий океан, через северные моря. Самыми известными экспедициями с подобными целями были: под командованием Р. Торна и Д. Рута в 1527 году; Х. Виллоуби — в 1553 году; А. Барро — в 1556 году; М. Фробшера — в 1576—1578 годах; Д. Дэвиса — в 1585—1587 годах; Д. Пита — в 1580 году; В. Баренца — в 1594—1596 годах; Г. Гудсона — в 1596, 1609 годах; В. Баффина — в 1615 и 1616 годах. Несмотря на то что все эти экспедиции не достигли главной цели — северо-западного морского прохода в Тихий океан, они во многом обогатили мировую науку, совершили ряд географических открытий.

Немало средневековых ученых утверждали, что в библиотеках и архивах Лондона, Парижа, Мадрида, Берлина, Рима и Ватикана хранятся старинные документы, в которых упоминается пролив между Азией и Америкой. Кем были составлены эти документы, — так и осталось загадкой.

Как отмечал русский историк Алексей Ефимов, «...многочисленные попытки иностранцев в XVI—XVII вв. узнать, что находится на северо-востоке Азии, не дали сколько-нибудь значительных результатов. Лишь укрепление и рост Русского государства, и успехи его самостоятельной культуры создали условия для решения этой проблемы».

Неудачи и трудности не остановили поиски. Страны Европы нуждались в достижении Индии и Китая мор-

ским путем через Ледовитый и Тихий океаны. Драгоценные камни и металлы, пряности, шелк и другие богатства Востока притягивали и заставляли европейских монархов, купцов, промышленников снаряжать все новые и новые экспедиции.

Соперничество

Проникновение иностранных кораблей в XVI—XVII веках в Белое море, их посещение берегов от Кольского полуострова до Обской губы вызывало недовольство русских купцов, промышленников, рыбаков и зверобоев.

Свою обеспокоенность по поводу участившегося появления иноземных конкурентов в русских водах они выразили в челобитных царю Михаилу Романову.

Сохранились тексты этих документов, относящихся к первой половине XVII века: «...почали торговые немцы ездить в вашей государеве отчине с ярманки от города Архангельского по городам: на Колмогоры и до Устюга и до Вологды...

И поставили дворы свои по городам, покупая у посадских людей тяглую землю. И привозят товары свои и ставят на своих дворах, а не в гостином дворе, а иных товаров и не доявляют, и в том ваши государевы пошлины пропадают; и камни и отласы продают врознь, в партище и в аршин, и от тово по городам чинятца в таможнех недоборы... и у нас государь, холопей и у сирот ваших, торги отняли, и стали мы бес промыслу, оскудели. И те заморские немцы у Архангельского города перекупают соль и возят до Вологды на своих дощениках, и тот промысл у нас, холопей и у сирот ваших отнели ж. И приехав к Архангельскому городу с русскими товары, и теми товары торгуют меж себя у города, а в таможне записывают те товары в проезд, и в том твоя государева пошлина пропадает...»

В XVII веке на Руси немцами нередко называли многих иностранцев. Так что и в приведенном документе подразумевались и английские, и шведские, и голландские купцы. Русские торговцы и производители не раз

просили царя и его приближенных оградить внутренний рынок от иностранного капитала, а для себя — выгодных условий и во внешней торговле, и в северных землях и морях России. Беспокоила их и почти бесконтрольная добыча иностранцами богатств Сибири и Ледовитого океана.

«...И в вашей государеве вотчине у Студеного моря, за немцами рыбные ловли; и на море на промысл, на утбу и на сольную добычу, в поморские реки приходят корабли и хлеб всякой, рожь и конопли и горох, в корабли насыпают, — и о тои, государи, хлебной дорогови на Колмогорах и в Усть-Коле и всее поморские места помирают голодом, и последние людишки оскудели и обдолжали великими долги. И в Сибири немцы торговые и тезики своих промышленников посылают.

И вашим государевым товаром, шелку, икре и соболям, и сукном и всяким руским товаром те немцы, на Руси вызнав цену, и проезжают горами и зимою посылают в свою неметцкую землю...

А при блаженные памяти при государе царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руссии и при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руссии... торговые немцы, дале Архангельсково города и Колмогор не езживали и на промысл морской и на рыбные удбы не отпускивали... а у нас государи, отныне везде промысл, и вашему государеву тавару от их разных промыслов стала поруха великая: расходу не стало вашим государевым всяким товарам».

Не без основания многие исследователи считают, что иностранцев, «приходивших в моря студеные», больше привлекали богатства Европейского Севера и Сибири, чем поиск Северо-Восточного морского прохода в Тихий океан.

«Сообщали странники, сказывали бахари»

Еще во времена Ивана Грозного наведывались в Москву странники с севера и рассказывали горожанам о далекой «Великой землице», что лежит «навстречу солнцу», за «морем неутихающим».

Слово «Америка» впервые появилось на географической карте в 1520 году. А в России в преданиях и рассказах странников «Великую землицу за морем-окианом» лишь в начале XVIII века стали именовать — «Америцкая страна».

Бахари — так на Руси называли профессиональных странствующих сказителей — были почитаемы и гонимы властями. Их принимали в княжеских и боярских хоромах и в избах бедняков, слушали на площадях и ярмарках. Любили их рассказы цари Иван Грозный и Василий Шуйский, Михаил и Алексей Романовы.

Но, бывало, за свои сказки и предания попадали бахари в острог, получали плети, изгонялись из города. Откуда странствующие русские сказители в XVI—XVIII веках знали, что «за Сибирской землицей, за морем неутихающим, навстречу солнцу» расположена «великая страна»? Нет однозначного ответа.

Рассказывали бахари, будто жители той «великой страны, за морем неутихающим» так богаты, что не ценят золото и соболий мех.

Миссия Дмитрия Герасимова

В 1525 году великий московский князь Василий Иванович отправил в Рим к папе Клименту VII посольство. Во главе миссии государь назначил опытного дипломата, переводчика Дмитрия Герасимова. К тому времени послу Василия III исполнилось шестьдесят лет. Он уже побывал во многих странах Европы, в том числе в Италии в 1493 году, объездил все монастыри северной Руси, изучал хранимые там летописи и книги, записывал рассказы и предания поморов.

Считается, что Дмитрий Герасимов первым поведал западноевропейским политикам и ученым о землях, лежащих на востоке от Белого моря, и о возможности достичь Индию и Китай через Ледовитое море, двигаясь на восток.

С его слов римский писатель Павел Иовий в своей книге о России сообщал: «Достаточно хорошо известно, что Двина... мчится в стремительном течении к севе-

Павел Иовий описал в своей книге северо-восточные земли Русского государства

ру и что море там имеет такое огромное протяжение, что по вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли».

Книга Павла Иовия была весьма популярна в Западной Европе. Она переводилась на разные языки в XVI—XVII веках.

Опираясь на рассказы Дмитрия Герасимова, итальянец Аньезе составил, вероятно, одну из первых карт России.

Писатель Джовио отозвался о главе дипломатической миссии великого князя Василия III как о человеке опытном, хорошо разбирающемся в делах государственных, в науках и «сведующем в Священном Писании».

Исследователь истории освоения северных просторов Сергей Марков в первой половине прошлого века писал: «Через два года после выхода в свет книги Павла Иовия два корабля из Бристоля отправляются в поход к берегам Северной Тартарии. Мореходы стремятся к Китаю...

Вскоре рождается загадочный пролив Аниан, неизбежный спутник не менее сказочного мыса Табин средневековых землеописателей. Древний римский географ Помпоний Мела говорил, что путь через Северный океан приводит в Восточное море, мимо земли, обращенной к востоку. За этой землей, за необитаемыми странами и областями возвышается гора Табин...

Дмитрий Герасимов мог еще быть жив, когда на картах мира появился пролив Аниан и у космографов мира родилась догадка о том, что этим проливом можно прой-

ти к берегам Америки, Китая, что Аниан — страж морского пути в Индию...»

Умер Дмитрий Герасимов после 1536 года, когда ему перевалило за семьдесят. Можно лишь предполагать, знал ли он из старинных документов, что от берегов Ледовитого океана можно попасть в Китай и Индию морским путем, или слышал об этом от русских мореходов или народов Севера.

Впервые в песнях и стихах

Вероятно, первым из русских упомянул Америку в поэзии монах, педагог, переводчик и писатель Карион Истомин:

...Америка, часть четверта,
Новоземля взнань отперта.
Волнохищна Америка,
Людми в нравах в царствах дика.
Тысяцми лет бысть незнанна
Морем зело отлиянна...

Конечно, современному человеку не все понятно в стихотворении, написанном более трехсот лет назад. Главное: оно свидетельствует, что в XVII веке в России знали о существовании Америки и даже вдохновлялись неизвестной землей на литературные творения.

Карион Истомин родился в 1640 году. В монахи он постригся в Молченской Путивльской обители. Затем его перевели в московский Чудов монастырь и спустя несколько лет назначили справщиком, т.е. корректором и редактором, Печатного двора.

Кариона Истомина по праву называют пропагандистом научных знаний. Он писал буквари, стихотворные наставления для детей, труды по истории и педагогике. Он создал иллюстрированную книгу «Полис», в которой рассказывается о различных науках. При царевне Софье Алексеевне Карион Истомин стал еще и придворным поэтом.

Ему не довелось путешествовать в далеких морях и землях. Зато он сумел собрать немало зарубежных книг с

описанием разных стран и народов. Были среди них труды и о еще мало известной русским людям Америке.

Вдохновленные строки Истомина о загадочной земле слушал юный царевич Петр. Как знать, может, с этих поэтических творений началось увлечение государя морским делом, географией, возник интерес к далеким странам.

Монах и просветитель некоторое время был воспитателем сына Петра I царевича Алексея и начальником Печатного двора.

Во времена правления Анны Иоанновны другой русский поэт, Василий Тредиаковский, вдохновенно упоминал в своих строках Америку, разумеется, воспевая императрицу:

...Купля благословенна
Придет оботашенна,
Нам содружат народы,
Американски роды,
Счастьем богом данны
Самодержицы Анны...

В середине XVIII века в России зазвучали песни об Америке:

Бежит, бежит мой корабль резво,
К берегу туманному,
Америкой званному...

Не обошел поэтическим вниманием «Новый Свет» и великий Михаил Ломоносов:

В Камчатский порт, веселья полны...
Уже Американски волны
К тебе от восточных стран спешат...

«Ажели тебе приснился незнамый берег...»

По-разному относятся люди к предсказаниям и гаданию. Но несомненно, что узнать свою судьбу, заглянуть в будущее мечтают многие. В любом виде гадания используются комбинации из понятных и загадочных, для непосвященных, слов. «Поведайте, каким способом пред-

сказывают и гадают в стране, какая часть ее населения увлечена этим, — и будет ясно, что ожидает страну», — говорили в Средние века восточные мудрецы.

В России понятие «Америка» вошло в лексикон предсказателей в конце XVIII века.

У Александра Пушкина в V главе «Евгения Онегина» есть строки:

...Хоть не являла книга эта
Ни сладких вымыслов поэта,
Ни мудрых истин, ни картин;
Но ни Виргилий, ни Расин,
Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека,
Ни даже Дамских мод Журнал
Так никого не занимал:
То был, друзья, Мартын Задека,
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.
....
Татьяна в оглавленье кратком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит;
Но сон зловещий ей сулит
Печальных много приключений...

В конце XVIII века упомянутая Пушкиным книга была весьма популярна и в дворянской среде, и у простолюдинов. Ее полное название: «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартина Задека... с приложением его ж, Задека, предсказание любопытнейших в Европе происшествий...»

Под этим наименованием в России с 1770 по 1914 год издавались многочисленные сборники предсказаний, сонники, наставления, как надо гадать, а также описания фокусов и различных игр и развлечений.

«Ажели тебе приснился незнамый берег Америки — ждет тя разлука с родными... Но возвращение в отчий

дом будет радостен, с преумножением добра... — сообщалось в книге Мартына Задека. — ...А завьются, на Яву, над головой чижи... — скоро отправляться в долгий путь либо в Китай, либо в Америку...».

Какая связь между чижами и далекими странами, — не объяснялось.

Несколько экземпляров популярной книги предсказаний имелись и у жителей Русской Америки, и в библиотеке на острове Ситха. Видимо, русские купцы, мореходы, казаки, промысловики не гнушались обращаться к «Мартыну Задеке» и во время опасных путешествий, и в часы досуга вдали от родины.

В 80-х годах прошлого века одна из этих книг еще хранилась в Сан-Франциско, у потомка жителей Русской Америки.

Можно не воспринимать всерьез гадание, но все же трудно не согласиться, что это увлечение в какой-то мере отражает воззрения, духовное состояние общества. А появление слова «Америка» в системе гаданий подтверждало интерес русского народа к «Новому Свету».

СТАРИННЫЕ ЛЮДИ У ХОЛОДНОГО ОКЕАНА

Приказал поморам царь Иван Грозный идти кораблями из Белого моря в Ледовитый океан, а далее навстреч солнцу, пока не выйдут к другому океану. Там велел государь обследовать великую землю. Еще не знал он, что зовется та земля Америкой. Исполнили его волю поморы, но корабли их разбились, и остались они навсегда на неизведанной земле...

Предание, записанное в США в конце XIX века

Русское Устье

Находилось оно в Восточной Сибири, на реке Индигирка, примерно в 85 километрах от Северного Ледовитого океана. Впервые о жителях Русского Устья поведал

Разрушенная церковь. Русское Устье

читателям политический ссыльный, исследователь и литератор Владимир Михайлович Зензинов. В 1913 году был опубликован его очерк в «Этнографическом Обозрении», а спустя несколько месяцев в Москве вышла книга «Старинные люди у Холодного океана».

О суровых природных условиях этого уголка России Зензинов писал: «Местность тундряная, сильно болотистая, с массой озер, протоков и речек...

Лето здесь очень коротко: вскрывается Индигирка в последних числах мая — первых июня, замерзает — в середине сентября. Последний снег сходит с тундры в первой половине июня, в августе высыпает свежий. И зиму и лето часты сильные ветры — зимой они приносят пургу, летом — поднимают на реке и озерах высокие валы, и в том и в другом случае они заставляют сидеть дома, так как единственными способами передвижения являются: зимой — «собаки, летом — «ветки» (маленький одновесельный челн)».

Кто они и откуда?

Как попали русские люди еще в XVI веке на Индигирку? Владимир Зензинов сообщал: «По сохранившемуся от стариков преданию, предки здешних мещан были вы-

ходцами из России. Спасаясь от тягостей ратной службы, жители разных городов еще при Иване Грозном на ботах и качах вышли из России морем и двинулись на восток и осели в устье реки Индигирки среди инородцев, назвав свой первый поселок Русским Устьем (Русское Жило). Здесь были выходцы из Астрахани (Шелоховские), из Вятки, Великого Устюга...

Целое столетие прожили они здесь безвестные и никем не тревожимые, и только при Алексее Михайловиче (40-е годы XVII ст.) на них наткнулись русские казаки, двинувшиеся из Якутска к Колыме в поисках за новой «землицей» и ясаком...».

Правда, Владимир Зензинов допускает, что Русское Устье могло возникнуть не при Иване Грозном, а значительно позже, во времена правления царя Алексея Михайловича.

Воспоминания старожилов

Сосланный в Русское Устье за революционную деятельность, Владимир Михайлович помогал местным жителям в составлении прошений, вел дневник, записывал их рассказы о далеком и недавнем прошлом. В своей книге Зензинов приводит беседы с некоторыми из них.

«...Егор Голыженский: "Слышал я от старых, совсем старых людей, что ране река была вовсе юкагирская. Собрались люди с разных губерний и поплыли на лодках морем — от удушья спасались, болезнь такая. И доехали они до самой Индигирки и здесь поселились. А в России их вовсе потеряли. Люди были дворянских фамилий..."

Зензинов был убежден, что «предки теперешних верхоянских мещан пришли из России северным морским путем, а не обычным путем через Якутск... На это указывают старинные особенности языка (XVI—XVII вв.) и многие сохранившиеся русские обычаи, давно исчезнувшие среди остального русского населения Якутской области, их песни и былины, а главное, их необыкновенная национальная устойчивость.

На Индигирке русские живут столетия — живут, окруженные сплошным кольцом из якутов, юкагиров, ламу-

тов, тунгусов, чукчей, — и тем не менее они сумели сохранить русский тип лица, русский язык и обычаи».

Старожилы Русского Устья рассказывали Зензинову: «...предки наши, деды и отцы, имели жительство по реке Индигирке, на местах Уяндине, Ожогине, Шанском и Русском Устье, но с какого позволения, вовсе нам неизвестно; впоследствии времени, опытностью, от старших дознано нами токмо то, что река сия первоначально найдена какими-то русскими качами, потом предки наши имели постоянное жительство при Шанском посте, тут же земскую избу и молитвенный дом...»

Спустя несколько лет после пребывания Владимира Зензинова в Русском Устье в журналистских и научных кругах Санкт-Петербурга стали поговаривать о необходимости проведения экспедиции по маршруту от устья Индигирки и Яны до Аляски, с целью исследовать там русские поселения, возникшие еще до XVIII века. Неизвестно, насколько серьезны были эти замыслы и кто конкретно собирался организовать такую экспедицию.

Первая Мировая война порушила многие планы.

Верования, традиции, занятия

Некоторые американские ученые, в том числе и уже упомянутый в этой книге профессор Стоун, после того как в США появились публикации Владимира Зензинова, пришли к выводу, что образ жизни, традиции, занятия людей Русского Устья и русских, поселившихся на реках Аляски до XIX века, мало чем отличались.

Профессор Г.А. Аганат отмечал: «Указание на появление русских на Аляске в XVI веке связано с известной версией о том, что якобы в 1571 году группа новгородцев, наказанных Иваном IV за сношения с Литвой, бежала на север Сибири и оттуда — на Аляску, где основала колонию. А.В. Ефимов считает, что в настоящее время мы еще не располагаем достаточно вескими доказательствами, чтобы принять или опровергнуть такую гипотезу. В американской литературе она продолжает находить сторонников».

С тех пор как Владимир Михайлович Зензинов, после многих лет революционной и научной деятельности,

ссылок и тюрем, переселился в США, там стали публиковать его исследования. В первую очередь — о так называемых «старинных людях».

О традициях, образе жизни, занятиях жителей Русского Устья он писал: «Основной промысел индигирца — рыба.

Как только с берега стает снег и вдоль реки протянутся забереги, начинают неводить... Неводьба все это время до прихода льда идет непрерывно — здесь на реке попадается нельма, иногда налим. Около невода живут бабы и подростки... сетями заняты мужики на «ветках» (специальных лодках)...

Рыба кормит индигирцев, песец дает им деньги... В конце сентября идут на собаках — кто имеет оленей, — на оленях — песцовать. Осеннее песцование возможно лишь в том случае, если снег падает в тихую погоду, — как только снег «изломает» пурга, песец становится неуязвим по насту...

Существенной подмогой рыбному промыслу является гусевание (охота на гусей)...

Промыслом нужно считать добывание мамонтовой кости. Ее ищут попутно по морскому берегу...

«Песец дает индигирцам деньги...»

Религиозный мир индигирца — это почти фантастическая смесь христианских и языческих верований и представлений. Приняв, как все славяне, обряды христианства, он сохранил душу язычника.

В течение столетий речь индигирца подверглась очень сложному влиянию, такое влияние оказывали якуты, колымчане с особенностями их речи, наконец, русские, поселившиеся издавна в Якутской области, которые также выработали благодаря оторванности от России свои особенности русского языка. Несмотря на это, русскоустинцы сохранили в своем лексиконе слова и выражения, характерные исключительно для них...»

Зензинов был уверен, что его новые знакомые говорят на русском языке времен Ивана Грозного, возможно, лишь слегка измененном за три с половиной столетия.

Когда Зензинов обосновался в США, американские историки предложили ему заняться «сравнительным анализом лексики жителей Русского Устья и потомков русских, издавна проживающих на Аляске. Ему обещали организовать поездку по местам, где находились селения Русской Америки. Однако Владимир Михайлович не успел осуществить этого. Умер он в Соединенных Штатах.

Анализируя его записки и другие исторические материалы, некоторые исследователи пришли к выводу, что, вероятно, в устье Индигирки более четырехсот лет назад поселились люди с потерпевших крушение двух или трех кораблей. А остальные суда якобы отправились дальше, «навстречу солнцу», и достигли американского берега. Русские мореходы навсегда остались там, на «землице великой, землице неведомой».

И МОРЕМ И СУШЕЙ

...на утлых кораблях совершали наши ученые моряки свои смелые путешествия и, пересекая океаны по разным направлениям, отыскивали и изучали новые, еще неизвестные страны. Описи и съемки, которые они сделали, и по сие время служат для руководства мореплавателям, а замечания и наставления цитируются лоциями всех наций. Да послужат труды этих исследователей драгоценным заветам дедов своим внукам, и да найдут в них грядущие поколения наших моряков пример служения науке.

Степан Осипович Макаров,
флотоводец, ученый.
Из книги «Витязь и Тихий океан». 1894 г.

ВЕК ДАЛЬНИХ ХОЖДЕНИЙ, ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ОТКРЫТИЙ

И Тихий океан манил русского человека неизвестными берегами, полными сказочных природных богатств, навевал мечты о счастливой жизни в новых землях.

Предание о Русских в Аляске.
Записано в штате Оригон
в конце XIX века

Им нельзя было отказать в смелости и отваге. Они пренебрегали опасностью плавания в неизвестных водах и без карт изучали вероломные течения, проливы и рифы, предостерегающие неосторожных моряков.

Американский историк С.Р. Томкинс
о русских мореплавателях

Стремительное движение

Конец XVI века. Победы дружины Ермака над войсками властителя Сибири хана Кучума. В повести «Описание новые земли, сиречь Сибирского царства» говорилось: «...и тако Божиею милостию и государским счастием и промыслом и радением атаман Ермака с товарищи сибирских иноверцов многих орд и язык ратных людей на том бою побили и живцом взяли... Царь же Кучум, видя силу свою людей множество побитых, из города с небольшими людми убежа к жене своей царице и к детем в любимое село свое на Обалак, от Тоболска...»

Одни вожди сибирских племен перешли на сторону русских, другие продолжали какое-то время сопротивляться напору казаков и служилых людей московского царя.

В XVII столетии европейские политики удивлялись: как всего за пятьдесят пять лет «московиты смогли стремительно продвинуться от Уральских гор до побережья Тихого океана». Удивляло их и то, что в результате этого продвижения на огромной территории Сибири так же быстро возводились новые русские селения, города, православные храмы, организовывались промышленные предприятия, возникали крестьянские хозяйства и, что не менее важно, налаживалось сотрудничество русских с сибирскими племенами и народами.

На пути к неизвестному океану

«Лета 7146, августа в 6 день (1638 г. 6 августа) государь царь и великий князь Михайло Федорович и всеа Руси, велел ехати столникам и воеводам Петру Петровичу Головину, да Матвею Богдановичу Глебову, да дьяку Ефиму Филатову в Сибирь, в Тоболеск, а из Тоболска в Енисейский острог, а из Енисейского острогу на великую реку Лену...».

Этот царский наказ об учреждении якутского воеводства появился через шесть лет после основания на Лене

Якут — представитель одного из многочисленных народов Восточной Сибири

острога Якутск. «...та великая река Лена угодна и пространна, и людей по ней розных землиц кочевных и сидячих и соболей и иного всякого зверя много; и как де на ту великую реку Лену укажет государь послати сибирских людей с лишком и велит поставить город или остроги, где пригоже, и велит по той великой реке Лене и по иным рекам новых землиц людей приводити под свою государеву царскую высокую руку...».

Основанный в 1632 году Якутск стал своего рода базой для обследования Восточной Сибири, Тихого океана и берегов Северной Америки.

«...А по великой де рек Лене вниз идти греблею до полунощного окияна два месяца и больши, а парусною погодою добежит и неделею.

А по обе стороны великие реки Лены и до устья полунощного окияна якуты, тунгусы, маяды, панагиры, кояты, каригилы и иные многие кочевные и сидячие люди. Да в тое же де великую реку Лену ниже Вилюйского устья спали с обе стороны многие великие реки, а по тем рекам живут осеи, тунгусы, шамагири, баяхты и иные многие люди, а соболей и всякого зверя и рыбы по тем по всем рекам много же...».

Отправляясь из Якутска, русские первопроходцы добрались до рек Индигирка, Алазея, Колыма. В сороковых годах XVII века казак и мореход Михаил Стадухин построил на Колыме три укрепленных зимовья. Эти небольшие селения позволяли русским освоиться, надежно обосноваться в этом районе и осуществлять походы к берегам Ледовитого и Тихого океанов.

Сохранилось немного имен славных землепроходцев и мореходов тех времен — участников путешествий от Лены в неизведанные земли. Среди них: Елисей Юрьев, Елеска Буза, Иван Ребров, Илья Перфильев. Со своими товарищами они совершали географические открытия, прокладывали пути к океану и к материку, еще не зная, что океан назван Тихим, а материк — Америкой.

Девяносто отважных

Согласно историческим документам, русские путешественники достигли берегов Тихого океана в 30-х годах XVII столетия. Но, возможно, это произошло раньше.

Великий водный простор с его неукротимым нравом стал понемногу открывать свои тайны первопроходцам. Одним из покорителей и исследователей тихоокеанского побережья был Семен Иванович Дежнев. Служил он в Енисейске, Тобольске, Якутске. Некоторое время состоял в отряде Михаила Стадухина на реке Оймякон.

В 1647 году приказчик устюжского купца Федот Алексеев (известный под фамилией Попов) собрал команду,

Семен Дежнев возглавил экспедицию по «Ледовому морю» к устью Индигирки

чтобы отправиться Ледовитым морем на Восток, от устья Индигирки. Его интересовала добыча моржа. Экспедиции было также поручено исследование «неизведанных берегов» и поиск новых «неясачных людей».

Отряд возглавил Семен Дежнев. К тому времени сорокадвухлетний казак за свою смелость, опыт и деловую хватку был хорошо известен и уважаем среди мореходов, служивых и торговых людей от берегов Лены до Колымы.

На четырех кочах отряд под командованием Дежнева вышел в Восточно-Сибирское море. Но в то лето необычно мощное скопление льдов не позволило совершить намеченное плавание.

В июне 1648 года поход повторился. На этот раз в экспедиции участвовало 90 человек. Семь кочей вышли из устья Колымы и направились на Восток.

Существуют разные версии о том, что произошло с этими судами. По одной — несколько судов погибло во время шторма, по другой — их отнесло к берегам Америки, и спасшиеся русские мореходы навсегда обосновались на Аляске.

Семен Дежнев в своем отчете упоминал: «И того Федота (Федота Алексеева Попова) со мною Семейкою, на море разнесло без вести. И носило меня, Семейку (так называл себя в записке Дежнев), по морю после Покрова Богородицы (после 1/14 октября) всюду неволею, и выбросило на берег в передний конец за Анадырь реку. А было нас на коче всех двадцать пять человек. А шел я, бедный Семейка, с товарищи до Анадырь ровно десят недель...»

Нет однозначного мнения о дальнейшей судьбе участников экспедиции. Но бесспорно: три коча из семи, обогнув с севера Чукотский полуостров, прошли пролив между Азией и Америкой. Плавание Дежнева и его товарищей доказало, что эти два материка разделены водой.

Оставшиеся в живых участники экспедиции основали Анадырский острог, исследовали и нанесли на карту берега реки Анадырь. Впоследствии Семен Иванович совершил еще не мало походов по северо-восточным рекам Сибири. В Москве высоко оценили его заслуги. Царь Алексей Михайлович присвоил Дежневу чин казачьего атамана. В 1667 году, благодаря открытиям и исследованиям Семена Ивановича, на географической карте «Чертеж Сибирской Земли» было нанесено изображение Северо-Востока России. Однако отчет славного первопроходца о существовании пролива между Азией и Америкой долго оставался невостребованным в архиве.

Лишь в 30—40-х годах XVIII века во время Великой Северной экспедиции член Петербургской академии наук Герард Фридрих Миллер отыскал и опубликовал этот документ.

«Жил там некто Федот»

В справочной литературе о Федоте Алексееве Попове сказано: «Годы рождения и смерти неизвестны». Осталось тайной и что на самом деле произошло с ним после того, как шторм разъединил экспедиционные суда. Есть предположение, что коч, на котором находились Федот Алексеев Попов и казачий десятник Герасим Анкудинов с товарищами, дошли до Камчатки.

Сохранилось немало отрывочных сведений об их дальнейшей судьбе. В своем донесении Семен Дежнев сообщал: «...отгромил я, Семейка, у кореяков якуцкую бабу Федота Алексеева. И та баба сказывала, что де Федот и служилой человек Герасим померли цингой, а иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали в лодках с одною душею, не де куда».

Член Петербургской академии наук Г.-Ф. Миллер

Почти век спустя после экспедиции 1648 года ученый и путешественник Степан Петрович Крашенинников писал: «Кто первый из русских был на Камчатке, о том не имеют достоверного свидетельства, а по словесным известиям приписается сие некому торговому человеку Федоту Алексееву, по которому имени впадающая в Камчатку речка Федотовщиною называется».

Версию о пребывании Федота Алексеева Попова на полуострове упоминал в своих записках и академик Герард Миллер: «Носящийся между жителями на Камчатке слух, которой от всякого, кто там бывал, подтверждается.

...сказывают, что за много де лет до приезду Володимира Отласова (Владимир Атласов — казак-землепроходец) на Камчатку жил там некто Федотов сын на реке Камчатке на устье речки, которая ныне по нем Федотовкою называется, и прижил де с камчадалкой детей, которые де потом у Пенжинской губы, куды они с Камчатки реки перешли, от коряков побиты. Оной Федотов сын по всему виду был сын вышеупомянутого Федота Алексеева...»

Но эти упоминания о Попове вызывают сомнения у некоторых современных историков. Судьба одного из русских первопроходцев XVII века остается по-прежнему нераскрытой тайной.

Потомки пропавших без вести?

Участник экспедиции Витуса Беринга переводчик Петербургской академии наук Якоб Иоганн Линденау много лет исследовал племена и народы Северо-Восточной Сибири. Его перу принадлежит известный в XVIII веке

труд: «Описание пеших тунгузов, или так называемых ламутов».

Линденау удалось записать рассказы чукчей о Тихоокеанских северных островах и берегах Нового Света. Конечно же, слово «Америка» в то время не было известно этому народу.

«У Чукоцкого носа есть под севером один остров да к восточной стороне четыре острова и на тех островах живут чукчи.

А не в дальнем от последнего расстоянии имеется в виду по их званию Большая Земля (подразумевается Аляска), которая так называется потому, что та земля более их Чукоцкой земли и они чукчи от своих жилищь на ту землю ходят байдарами и с той земли привозят посуду деревянную, подобно русской посуде. И по разглагольствованию тех чукчей имеется чрез русских людей известие заподлинно так, что якобы купецким людям двенадцатию кочами минувших лет за семьдесят и более Колымскому среднему зимовью, где прежде ярмонка бывала для торгу пошедших и от сильных морских погод друг от друга разошедшися иные Камчатку проплыли, а иные к тому острову, который Большею землею называетца пристали и тамо жительствующими народами совокупившиеся у них поженились и расплодились».

Ученый натуралист, участник Второй Камчатской экспедиции Георг Вильгельм Стеллер, собравший в 1741 году богатую коллекцию американской флоры, писал: «Среди американцев якобы живет народ, совершенно тождественный русским по фигуре, нравам и обычаям; анадырские казаки того мнения, что это потомки лиц, на кочах выехавших с Лены и пропавших без вести.

Весьма правдоподобно, что их плоские суда были выброшены штормом на сушу, и местное население принудило их здесь остаться».

Сохранились рассказы русских мореходов второй половины XVIII века о том, что аборигены Аляски были язычниками, но при этом знали некоторые библейские предания. Эти предания они слышали от своих предков.

Кто и когда впервые рассказывал жителям Аляски библейские истории? Нет пока достоверного ответа.

В начале 90-х годов XVIII века в Санкт-Петербурге был опубликован «Исторический табель российских плаваний и открытий в Северо-Восточном море».

В этой работе неизвестный автор писал: «Мнение многих иностранных писател[ей] весьма неосновательно будто бы россиане прежде преобщения своего из иностранных обычаев в состояние входственное против ученых еропейских народов не имели толикаго духа и способности, чтоб обратить внимание свое на полезнейшия открытия далее прделов покоренной в 1697 году Камчатской земли. Дух всегда неутомимой россиан не токмо тщательно старался уведать места, земли и народы далее Камчатки лежащия, но вдавался еще и весьма трудным и почти невозможным испытаниям по Ледовитому морю еще и прежде завоевания Камчатки.

...предприят был в 1646 году судовой ход между вечными... [льдами] и Чукоцкой нос лежащей между севером и востоком не в дальном изпытании от американского матераго берега и до неизвестных нам пределов Северной Америки простирающейся, давно уже обойден был морем и следовательно давно известен тот небольшой пролив, который разделяет Азию от Америки, чего другим нациям не удалось прежде узнать».

Неизвестные записки Ивана Рубца

В конце 70-х годов прошлого века автор этой книги встречался в Бостоне с русскими белоэмигрантской волны. Двое из них, Александр Николаев и Иван Позыков, увлекались историей Русской Америки. Выйдя на пенсию, и тот и другой побывали на тихоокеанском побережье — от бывшего Форта Росс до Аляски.

Николаев и Позыков были убеждены, что предводитель отряда казаков Михаил Стадухин, а не Семен Дежнев, первым доказал своим путешествием существование пролива между Азией и Америкой. При этом историки-любители основывались на записках мореплавателя и

землепроходца Ивана Рубца. Этот документ они видели у какого-то калифорнийского антиквара еще перед Второй мировой войной.

Их слова вызвали удивление. Ведь об этом анадырском казаке, жившем в середине XVII века, мало что известно. О его записках не упоминалось в России ни в научной, ни даже в художественной литературе. Лишь отдельные строки старинных документов свидетельствуют о деяниях Ивана Рубца.

В 1661 году в Якутске была сделана запись: «...Июня в 6 день посланы великого государя на службу за море на Анадырь реку десятник казачей Иван Рубец, а с ним служилых людей 6 человек. И тем служилым людем дан коч...»

Как следует из документов XVII века, летом 1662 года Ивану Рубцу и его товарищам удалось пройти пролив, разделяющий Азию и Америку. Однако нет упоминаний, что казачий десятник доложил об этом письменно начальству.

В XVII веке немало государственных деятелей, мореплавателей, купцов и ученых Европы внимательно следили за открытиями русских в Ледовитом и Тихом океанах и возможными посещениями северо-западных берегов Америки.

В 1664 году в Москву прибыл голландский географ Николаас Витсен. Он собирал сведения об экспедициях русских мореплавателей и землепроходцев в Восточной Сибири. Особенно голландца интересовало: удалось ли им отыскать пролив между Азией и Америкой.

Впоследствии, после возвращения на родину, Витсен писал, что северо-западное побережье Америки посещалось русскими, и ему удалось собрать немало подтверждающих документов. «Когда я делал свою первую карту, я написал внизу: "Неизвестно, не соединен ли один полуостров с Америкой". Но с тех пор я получил более подробные сведения и теперь твердо знаю, что все это раздельно, так что я сам в свою карту внес теперь поправку», — сообщал Николаас Витсен.

В 1692 году в Париже была опубликована книга иезуита д'Авриля. Ссылаясь на свои беседы в русским во-

еводой Мусиным-Пушкиным, он писал, что азиатских охотников за моржами ветры и течения иногда уносят на льдинах в неизвестные земли: «...Не сомневаюсь, что многие из охотников, таким же образом захваченных, доплывают на льдинах к северному мысу Америки, весьма недалекому от этой части Азии, оканчивающейся Татарским (вероятно, д'Авриль подразумевал Чукотский полуостров). Меня убеждает в мнении моем то, что американцы, обитающие на выдавшейся далее других в море в сей стороне части Америки, одинакового вида с островитянами...»

Один из первых

Существует немало фактов, когда европейские ученые, дипломаты и путешественники в XVII веке, ссылаясь на русские источники, заявляли о возможности проникновения в Тихий океан через Северно-Ледовитый, о возможности достижения берегов Америки и продвижения в Индию и Китай.

В те времена иностранцы, наведываясь в Московию, не только записывали со слов осведомленных людей рассказы о странствиях русских мореплавателей и землепроходцев, но и покупали и даже воровали документы и карты экспедиция. По мнению Николаева и Позыкова, таким образом и записи Ивана Рубца могли оказаться за границей, а потом попасть в руки калифорнийского коллекционера.

Во многих европейских странах и сегодня хранятся раритеты и документы, связанные с путешествиями русских к берегам Америки.

Действительно ли существуют записи Ивана Рубца? Если да, то у кого конкретно они хранятся? Выяснить не удалось. Может, повезет будущим исследователям.

Кто-то из исследователей истории Русской Америки назвал XVII столетие для России «веком давних хождений, знаменательных открытий»... А еще — «временем прикосновения Руси к Америке».

Возможно, казачий десятник Иван Рубец стал одним из первых русских, кто совершил это «прикосновение».

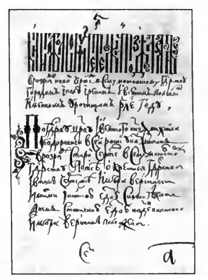
ЗНАКИ НА КАРТАХ

Терра инкогнита — эти слова будоражат воображения. Древних людей влекли в неведомые земли голоса сирен; эхо этих голосов звучит в наших сердцах и сейчас, когда на современных картах мы видим пространства, обозначенные как не исследованные... Географов привлекала возможность нанести на карты очертания Ойкумены и показать, как распределяются внутри нее различные, свойственные ей явления, а также ставили перед ними сложнейшую задачу объединения отдельных элементов сущего для создания связанного представления о целом.

Джен К. Райт. Президент Ассоциации американских географов. XX в.

Первые опыты русской картографии

Открыть неизвестную землю в древние времена можно было без географических карт. В истории немало примеров, когда по воле штормов оторванные льдины с людьми или корабли прибивало к незнакомым берегам. Случалось, что мореплаватели искали одни географические объекты, а открывали совершенно другие.



Первый лист «Книги Большому чертежу»

Освоение Сибири, определение границ государства, урегулирование отношений с соседними странами, поиск морского пути из Ледовитого океана

в Индию и Китай, — а значит, разрешение вопроса, отделена ли Азия и Америка, — требовало развития картографии в России. Еще в XV столетии, когда Московия стала объединяться в могущественное государство, совершались попытки создания географических карт страны.

В первой половине XVI века по приказу великого московского князя Василия III проводилась перепись населенных пунктов, составлялись межевые, порубежные, дорожные чертежи. Эти документы стали основой создания географических карт России.

В годы правления Ивана Грозного европейские ученые, исследователи, дипломаты Антон Вид, Сигизмунд Герберштейн и другие использовали работы русских картографов в своих трудах.

Самая известная географическая карта России XVI века, составленная в конце правления Ивана Грозного, называлась «Большой чертеж».

Наследник престола — картограф

При царе Борисе Годунове два его родственника были связаны с развитием русской картографии.

Юный сын монарха Федор Борисович получил достойное для своего времени образование. Лет в 13—14 он увлекся рисованием карт. Есть предположение, что царь обнаружил в архивах какие-то старинные географические документы. Они были в плачевном состоянии и требовали реставрации. Борис Годунов все же сумел разглядеть на них неизвестные земли и моря. Царь решил: ветхие карты надо хранить до поры до времени в секрете, даже от своих приближенных.

Но кому поручить тайную реставрацию важных документов?

Борис Годунов выбрал своего сына. Пятнадцатилетний Федор не только справился с непростым заданием отца, но и принял участие в составлении лучшей для того времени карты России.

После смерти царя Бориса он взошел на престол, но вскоре, в возрасте 16-ти лет, был подло убит предателями родины, сторонниками Лжедмитрия I.

Борис Годунов в комнате своего сына Федора.
Художник Н. Некрасов

Польские интервенты с помощью русских приспешников в июне 1605 года захватили Москву. Завоеватели вывозили из России не только материальные ценности. Их интересовали книги, архивные документы и географические карты. Они изъяли все попавшие им в руки работы Федора.

Тайна, унесенная главой политического сыска

Троюродный брат царя Бориса Семен Никитич Годунов возглавлял при нем политический сыск. В конце 1604 года Семен Никитич вернулся в Москву из Астраха-

ни. Там он вел переговоры с ногайским князем Иштереке и сумел убедить его перейти на сторону России. Привез брат царя с собой из ногайских владений географическую карту, неизвестно кем и когда изготовленную, хотя названия и пояснения на ней были на русском языке. Однако больше всего удивили в ней Семена Никитича очертания северо-восточной окраины Сибири и отделенной проливом «неведомой земли». Согласно историческим документам, к началу XVII века русские землепроходцы еще не бывали восточнее берегов Оби.

После захвата Москвы Лжедмитрием I Семена Годунова сослали в Переяславль. Но там он прожил недолго. Вначале из столицы к нему наведался какой-то иностранец. Выпытывал, где спрятана географическая карта, привезенная из ногайских владений.

Чем закончился допрос, неизвестно. Вскоре Семен Годунов был убит. Существовала ли на самом деле карта, изготовленная до XVII века, с изображением северовосточной Сибири и пролива, разделяющего Азию и Америку? Поиски в архивах России и США пока не дали на это ответ.

Памятник русской историко-географической мысли

Составленная в 1570 году в Московском Разрядном приказе карта «Большой чертеж» получила высокую оценку ученых и специалистов Европы. Но время шло, открывались новые земли, реки, озера, морские побережья, расширялись границы Русского государства. «Большой чертеж» нуждался в усовершенствованиях и дополнениях. Такая работа была проделана в 1627 году. Вдобавок к географической карте появилась «Книга Большому чертежу». Она представляла собой описание Московского государства.

Во введении этого замечательного памятника русской историко-географической мысли отмечалось: «По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа России указу сыскан в Розряде старои чертеж всему Московскому государству по все окрестные государства, и в том чертеже и мера верстами, и милями, и конскою

ездою, сколько ехать днем станичною ездою на день, написано, и мера верстам положена.

И тот старои чертеж ветх, впредь по нем урочищ смотрить не мочно, избился весь и розвалился...

И в Розряде дьяки, думной Федор Лихачев да Михайло Данилов, велели, примеряясь к тому старому чертежу, в тое ж меру зделать новои чертеж всему Московскому государству по все окресные государства... от усть реки Тенуя, морским берегом к востоку до усть Кола; и от усть Кола морским берегом до Соловецкого завороту до устья реки Нцвы на восток морским берегом до Сумского острогу и до усть реки Онеги; и от Онеги до усть реки Двины; и от Двины до усть реки Печоры, до Пусто озера, и от Пустоозера до устья реки Князковои и берегом Нарымским до реки до Оби, реки и всякие урочища; и за реку за Обь морским берегом до реки Таза и реки Пура до Мангазеи; и по Енисею реку...».

Хоть и отразила «Книга Большому чертежу» расширение просторов Московского государства, однако в ней еще не было ни Чукотского полуострова, ни Тихого океана, ни побережья и островов Америки. Все эти географические объекты появились на картах лишь в XVIII веке.

До нашего времени дошли только копии «Книги Большому чертежу», а сама карта не сохранилась.

«И Сибирь обретает контуры»

В 1667 году тобольский воевода Петр Иванович Годунов составил новую карту Сибири. К тому времени русские первопроходцы на северо-востоке Азии совершили экспедиции на Лену, на Индигирку и Колыму, основали поселения на Лене и в других восточносибирских землях. А казаки, торговые люди, охотники за пушниной уже немало слышали от северных народов о загадочной «великой земле», к которой можно добраться, двигаясь «навстреч солнцу».

В самом конце XVIII столетия царь Петр I, изучая карту воеводы Годунова, на которой еще не было ни Таймыра, ни Чукотки, ни Камчатки, заявил: «И Сибирь обретает контуры». К этому государь сам приложил немало сил.

В 1698 году историк, географ и картограф Семен Ульянович Ремезов составил «Чертеж всей Сибири». Его работа получила одобрение Петра I. Вдохновленный успехом и царской похвалой, Ремезов продолжил занятия картографией. В помощь он привлек своих сыновей — Ивана, Леонтия и Семена.

К 1701 году ими была завершена «Чертежная книга Сибири». Кроме того, они составили так называемую «Ремизовскую летопись». В ней детально отражались события завоевания и освоения русскими зауральских земель с 1576 по 1598 год.

Как отмечал в начале прошлого века известный историк профессор С.В. Бахрушин: «Ремезов, автор замечательного географического атласа Сибири... Его описание покоренных земель давали богатый материал по этнографии края». Бахрушин также подчеркивал, что работы Семена Ульяновича и его сыновей «...раскрыли перед Западной Европой до тех пор неведомый угол Азии: по русской карте, скопированной шведами, тотчас по появлении ее в свет, была корректирована устаревшая карта Герберштейна...».

В XVIII веке дальнейшее распространение русских владений за Уралом шло в двух направлениях: на северо-востоке на Чукотский полуостров и острова Ледовитого и Тихого океанов, к берегам Америки, и на юг — к верховьям Оби, Иртыша, Ишима и Енисея. Это продвижение отражалось в работах Семена Ремезова и его сыновей.

«Чертежная книга», составленная ими, по всей видимости, является первым русским Географическим атласом, т.е. систематическим собранием карт, оформленных в виде альбома и объединенных общей идеей. Этот атлас имел 23 географические карты, как всей Сибири, так и отдельных ее участков. В нем не были еще обозначены Америка, берега и острова Тихого океана.

Благодаря работам Петра Годунова, Семена Ремезова и его сыновей, а также исследованиям многих русских первопроходцев и мореходов XVII—XVIII веков, Сибирь действительно «обрела контуры» на географической карте.

«Землица вновь проведана»

Многие исследователи считают, что очертания Аляски и некоторых северо-тихоокеанских островов Америки появились на русской карте в 1700 году. Ее создателем был якутский воевода Дорофей Траурнихт. На так называемом «Траурнихтовом чертеже» на восток от Чукотки располагался большой остров с названием «Землица вновь проведана». Так Дорофей Траурнихт называл в своей работе Аляску. Слово «Аляска» войдет в обиход в России лишь спустя десятилетия.

В 1697 году якутский воевода получил из Москвы приказ организовать экспедицию для поиска пути из Ледовитого океана в Тихий. Сам Траурнихт в походах не участвовал, но собирал географические сведения от русских первопроходцев. Одним из таких первооткрывателей земель в северной части Тихого океана был казак Владимир Васильевич Атласов. Еще в 1672 году он был принят на службу для «приискания новых земель». Его по праву называли «камчатским Ермаком», а в справочной литературе писали, что Атласов — выдающийся землепроходец, «завершивший исследованием Камчатки великие русские географические открытия XVII века в Сибири».

Сохранились записи казачьего пятидесятника Владимира Атласова о его походе. В них упоминаются неизвестные острова: «А меж Колымы и Анандыря реки необходимой нос, которой впал в море (который невозможно обойти), и по левой стороне того носу на море летом бывают льды, а зимою то море стоит мерзло: а по другую сторону того носу весною льды бывают... А на том необходимом носу он Володимер (Атласов) не бывал.

А тутошние иноземцы чюкчи, которые живут около того носу и на устье Анадыря реки, сказывали, что против того необходимого носу есть остров; а с того острову зимою, как море замерзнет, приходят иноземцы, говорят своим языком и приносят соболи худые, подобны зверю хорьку; и тех соболей... он Володимер видел. А хвосты у тех соболей длиною в четверть аршина, с полосами поперечными черными и красными».

Скорее всего, Атласов видел шкуры енотов с полосатыми хвостами, которые водились лишь в Северной Америке. В своих отчетах он сообщал о природе, о нравах и обычаях народов Камчатки, Чукотки, Аляски.

Новые подтверждения

В 1713 году исследователь и путешественник Григорий Новицкий завершил свой труд под названием «Краткое описание о народе остяцком, иже в пределах полнощных царства Сибирского обретается». В этой книге он упоминал неизвестную землю — вероятно, Аляску, и пролив, по которому можно попасть из Ледовитого океана в Тихий.

Задолго до экспедиции Витуса Беринга русские первопроходцы северо-восточной Сибири не только слышали о племенах Америки, но и встречались с их представителями.

В книге, изданной в 1758 году, «Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю», академик Петербургской академии наук Герард Миллер привел интересную запись. Относится она примерно к 1715 году. В ней сообщалось о жителе Аляски, попавшем волей случая к русским: «...Жил в Камчатке человек иностранный, который... объявлял о себе, что он родился в такой земле, где растут кедровые дерева высокие, а на них орехи гораздо крупнее камчатских; а сия де земля лежит от Камчатки на восток...

В ней де есть большие реки, которые впали в Камчатское море (так в то время называли Берингово море). Жителям де имя тонталы; они обыкновениями схожи с камчадалами и употребляют к водяному ходу такие же кожаные суда или байдары, как и камчадалы. Назад де тому много лет приехал он с земляками своими на Карагинский остров, где товарищи его от тамошних жителей убиты, а он, оставшись один, ушел на Камчатку...»

Кто-то из казаков, со слов жителя Аляски, попытался набросать карту «великой земли» «за морем на восток». Она была направлена в Якутск. Утерян ли этот географический документ или до сих пор хранится в архиве или в чьей-то коллекции, — неизвестно.

Во все времена за каждым знаком на географической карте стояли судьбы людей, опасные приключения, поиски, открытия удачные или неудачные путешествия. Знаки на карте — это и зов в дальний путь, и итог этого пути. Они вехи в движении к познанию планеты.

В ИНТЕРЕСАХ РОССИИ, ПО ВОЛЕ ПЕТРА

...за несколько дней до смерти вспомнил он давнюю свою мысль об отыскании дороги в Китай и Индию Ледовитым океаном. Уже страдая предсмертными припадками, он спешил написать инструкцию Камчатской экспедиции Беринга, которая должна была расследовать, не соединяется ли Азия на северо-востоке с Америкой...

Василий Осипович Ключевский
о Петре I. 1901 год

Наказ экспедиции Евреинова

«Я предчувствую, что россияне когда-нибудь, а может быть, при жизни нашей пристыдят самые просвещенные народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величеством твердой и громкой славы», — писал Петр I.

Стремление выяснить, существует ли пролив между Ледовитым океаном и Тихим, возникло у него еще во время его поездки по странам Европы в конце XVII века. Вероятно, этому способствовали встречи и беседы с иностранными учеными. Однако в то время Россия еще не имела своего военного флота, да и внешние и внутренние дела страны не позволяли молодому государю оснащать экспедиции к берегам Тихого океана.

Но победы над шведской армией в 1709 году, победа молодого русского флота при Гангуте в 1714-м, освоение Сибири, развитие мореходства, промышленности и науки в стране позволили Петру I вернуться к давним замыслам.

В начале 1719 года он поручил геодезистам Ивану Евреинову и Федору Лужину отправиться на Тихий океан и разведать, есть ли пролив между Азией и Америкой. Зачем понадобилось выяснять то, что было открыто русскими первопроходцами в XVII веке? Но — документы теряются, а многие находки прошлого подвластны забытью.

Правда, есть версия, что Петр все же знал о походах Попова, Стадухина, Дежнева и других славных путешественников. А выяснение существования пролива между Азией и Америкой было лишь прикрытием истинных замыслов государя.

Как отмечали отечественные и зарубежные исследователи, в начале XVIII века Россия нуждалась в новых землях, богатых пушным зверем. К тому времени добыча ценной пушнины в Сибири сократилась. Таким образом, чтобы не вызывать недовольства конкурентов — европейских колониальных стран (Англии, Испании, Голландии, Франции), Петр I засекретил исследования тихоокеанского побережья Северной Америки.

В царской инструкции Ивану Евреинову и Федору Лужину подчеркивалось: «Ехать вам до Тоболска и от Тоболска взять провожатых ехать до Камчатки и далее куда вам указано. И описать тамошние места, где сошлалася ли Америка...»

Евреинов и Лужин завершили экспедицию и прибыли в 1722 году к Петру I на доклад. Однако маршрут их путешествия не соприкоснулся с Америкой. Были обследованы и нанесены на карту северная часть (до острова Симушир) Курил, определены координаты 33 пунктов Камчатки и Сибири.

Государь одобрил результаты экспедиции Ивана Евреинова и Федора Лужина. Биограф Петра I Иван Голиков об этой встрече писал, что император «...с великим любопытством провел несколько времени с ним (с Евреиновым. — *Авт.*) в разговоре и с удовольствием рассматривал сочиненную им и товарищем его, Лужиным, карту Камчатки и помянутыми островами и описание всего их вояжа».

В документах того времени не отмечено, упоминал ли при этой встрече Петр I о «земли на другой стороне Тихого океана». Ведь путешественники не исполнили инструкцию: «...описать тамошние места, где сошлалася ли Америка».

Такое умалчивание вызвало у некоторых исследователей подозрение: а может, Евреинов и Лужин все же побывали у берегов Нового Света?.. Но, вероятно, государь решил до поры до времени держать в строжайшем секрете их плавание к Америке.

Открытие Нового Света со стороны Тихого океана таит еще немало загадок.

Последняя инструкция императора

В конце 1723 года Петр I снова приказал вызвать к нему Евреинова. Иван Михайлович в то время работал топографом в Вятке. Государь хотел поручить ему второй раз отправиться в экспедицию, чтобы изучить американский берег «близь Азии».

Царский приказ не был исполнен. Евреинов умер в феврале 1724 года. Кого назначить вместо опытного путешественника и геодезиста? Петр выбрал Витуса Беринга.

6 января 1725 года, за несколько дней до смерти, император написал инструкцию для новой экспедиции:

«1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах [плыть] возле земли, которая идет на норд и чаянию (понеже оной конца не знаю) кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкою,

Витус Беринг по приказу Петра I возглавил экспедицию для изучения американского берега «близ Азии»

но и чтоб доехать до какого города европейских владений или, ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной куст (берег) называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту, приезжать сюды...»

Это был один из последних документов, подписанных Петром I. Через девятнадцать дней, 28 января 1725 года, он умер.

Первая Камчатская экспедиция

В первой четверти XVIII века русские первопроходцы стремились к берегам Америки не только по приказу из столицы. В 1720—1725 годах состоялась морская экспедиция промышленника и морехода Прокопия Нагибина. В результате этого путешествия удалось собрать некоторые сведения о тихоокеанском побережье Нового Света.

В те же годы и другие русские люди смогли побывать на Аляске и на Алеутских островах. Но их отчеты, вероятно, были утеряны.

Выходец из Дании Витус Беринг поступил на службу в Русский флот в 1704 году. Ему исполнилось тогда 23 года. Ко времени назначения начальником Первой Камчатской экспедиции он приобрел богатый опыт мореплавателя.

Помощниками Беринга стали офицеры флота Алексей Чириков и Мартин Шпанберг. В распоряжение экспедиции было предоставлено 158 человек: геодезисты, кузнецы, матросы, солдаты, плотники и т.д. В конце января 1725 года передовой отряд Первой Камчатской экспедиции под руководством Алексея Чирикова и мичмана Петра Чаплина вышли с обозом из Петербурга на восток. Сам командор присоединился к ним спустя несколько недель.

Лишь через 3 года отряд Беринга, преодолев примерно 10 тысяч километров, добрался до Нижне-Камчатского острога. Спустя несколько месяцев рядом с этим поселением было построено экспедиционное судно-бот «Св. Гавриил».

Плавание началось в июле 1728 года. «Св. Гавриил» вышел в Тихий океан, взял курс на север вдоль побережья Камчатского полуострова, а затем направился к Чукотке.

Первая Камчатская экспедиция открыла землю, которая была названа островом Св. Лаврентия, и достигла широты 67 градусов и 18 минут. Беринг, несмотря на возражения Чирикова, решил не продолжать движение на север, поскольку посчитал, что вопрос о существовании пролива между Азией и Америкой решен.

На обратном пути был открыт остров, получивший название Св. Деомида. Впоследствии выяснилось, что на самом деле это два острова. В наше время один из них, остров Ратманов, принадлежит России, другой, остров Крузенштерна, — США.

Экспедиция вернулась на Камчатку и, перезимовав там, летом 1729 года снова отправилась в плавание. На этот раз Витус Беринг намеревался достичь берегов Америки. Однако погодные условия не позволили осуществить этот замысел.

Адмиралтейств-коллегия посчитала неудовлетворительными результаты Первой Камчатской экспедиции. Но Витус Беринг не получил взысканий. Учитывая опыт и знания мореплавателя, его снова назначили начальником экспедиции, получившей название «Второй Камчатской».

Как отмечали русские и зарубежные исследователи, Вторая Камчатская, или Великая Северная, экспедиция по своим задачам, количеству участников, охватом водных и сухопутных территорий и научным результатам превосходила все известные в истории. Она состояла из нескольких отрядов путешественников, которые изучали огромное водное пространство и берега Ледовитого и Тихого океанов.

Путешествие Гвоздева и Федотова

Незадолго до начала Второй Камчатской экспедиции, летом 1732 года, подштурман Иван Федотов и геодезист Михаил Гвоздев совершили плавание и достигли Аляски.

На корабле «Св. Гавриил», сохранившемся от экспедиции Беринга, путешественники достигли восточной оконечности Азии. Затем они пересекли пролив, отделяющий Азию и Америку, и оказались у побережья Аляски.

Михаил Гвоздев писал об этом событии: «Августа 21 дня пополуночи в 3-м часу стал быть ветер, подняли якорь, парусы распустили и пошли к Большой Земле, стали на якорь и против того жилищ никаких не значилось, и подштюрман Иван Федотов приказал поднять якорь. И пошли подле Земли к южному концу...

От южного конца к западной стороне видели юрты — жилья версты на полторы, и ко оным де юртам за ветром близко подойтить было нельзя, и пошли подле земли на южную сторону, и стало де быть мелкое место, бросили лоты, глубины 7 и 6 сажен, и с того места возвратились назад и стали лаверить подле Большой Земли (Аляска. — *Авт.*), чтоб к земле подотить, и стал де быть ветр велик от земли противной...

И от оной Большой Земли таким великим ветром отнесло, а ветр де был норд-норд-вест. А с четвертого де острова пригреб к борту чюкча в малом ялыче по их называетца Кухта, ...Гвоздев, ево чрез толмача спрашивал о Большой Земли: какая земля, и какие на ней живут люди, и есть ли лес, также и реки, и какой зверь. И он де, чюкча, сказывал толмачу и назовал Большой Землей, и на ней де живут их же чюкчи, и лес де имеетца, также и реки, а про зверей сказывал, что имеетца алень дикой, куницы и лисицы, и бобры решенные».

Русским путешественникам, из-за погодных условий, не удалось высадиться на американскую землю. Как предполагают исследователи, корабль «Св. Гавриил» подошел к Аляске около мыса принца Уэльского, а спустя сутки побывал у острова Кинг, или Укивок. Там и состоялась встреча русских с местными жителями.

В сентябре 1732 года экспедиция Михаила Гвоздева и Ивана Федорова вернулась на Камчатку. Благодаря этому путешествию, на географической карте впервые были правильно изображены участки азиатского и американского побережья, разделенные проливом Дежнева.

Вскоре после завершения плавания Иван Федоров умер, а Михаил Гвоздев оказался в тюрьме. Несколько лет записки их путешествия к «Большой Земле» оставались никому не известными.

Участникам Второй Камчатской экспедиции все же удалось отыскать часть этих документов и познакомиться с отпущенным на свободу Михаилом Гвоздевым. Но как отмечал писатель и исследователь Сергей Марков, карта путешествия 1732 года на «Св. Гаврииле» пропала, и ее лишь приблизительно восстановили по записям Ивана Федорова.

МАНЯЩИЕ ОГНИ

...Колумбы Росские,
презрев угрюмый рок,
Меж льдами путь отворят на восток
И наша досягнет в Америку держава...

Михаил Ломоносов

У племени ситка имеется глухое предание о белых людях, выброшенных на берег много лет тому назад.
...Вождь Аннахуц оделся в медвежью шкуру и вышел на берег. Он с такой точностью изображал переваливающуюся походку зверя, что русские, увлекшись охотой, углубились в лес, где туземные воины перебили их всех до единого.

Т.Л. Эндрьюс

Нет имени ему

Долгий, утомительный перелет из Нью-Йорка на Аляску.

А вслед за этим ко мне явилась неудача...

В каких бы морях и землях она ни настигала тебя, у нее одни и те же повадки.

Неожиданный удар по замыслам и планам. Мечта разлетается на множество осколков и словно проваливается в незримую бездну. Люди вокруг становятся хмурыми и не смотрят в глаза. По-другому звучат голоса птиц. Обес-

силенно кланяются ветру деревья и травы. Злятся морские волны. А еще начинаются затяжные дожди...

Так приходит неудача.

Ветер с океана пытался вломиться в окно моей комнаты. Стук дождевых капель то усиливался, то ослабевал. И от этих звуков было понятно, что непогода пришла надолго.

Неудача.

А это значит, что обещанный мне вертолет не поднимется над городком Джуно, гордо именуемым административным центром Аляски. И мне уже не побывать на острове, где почти два с половиной столетия назад высадились и почему-то не вернулись назад русские моряки.

Неразрешимая загадка!

Навечно?

Или все же кому-то повезет, и неудача отпустит его для поиска ответа? Мне же она пока оставила дожди и ветры да еще холодные рассудочные мысли. Что ты хотел найти на том острове? Неужели надеешься, что за два с половиной столетия остался хоть какой-то знак пребывания исчезнувших путешественников?..

Мир стал иным. Неузнаваемо изменились земля и воды. Выросли другие травы и деревья. Даже на камнях давность наверняка стерла следы человеческих рук...

И неудача бывает права.

Смириться? Выждать еще день-два, а потом вернуться в Нью-Йорк, даже не прикоснувшись к тайне?

Но, может, я все же смогу разглядеть в сумерках ненастья заветные огоньки «тропы в неведомое»?

Если верить рассказам местных жителей, дух страстей и азарта любит играть с людьми. Он сбрасывает небесные огоньки, и на земле они образуют «тропу в неведомое». Игривый дух манит людей шагнуть на эту тропу, опьяняя ощущением близкой удачи и счастливых перемен...

Не он ли в далеком 1741 году зачаровал русских мореходов и завел в неведомое?

Я спросил у своих знакомых из Джуно, как зовется этот загадочный дух страстей, азарта, неизвестности?

И мне ответили: нет имени ему.

Пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел»

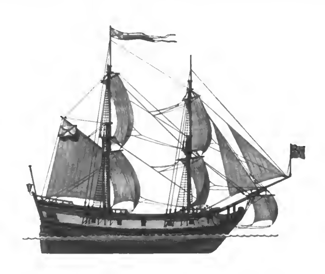
Вторая Камчатская экспедиция длилась с 1733 по 1743 год. В ней приняло участие более 600 человек, было задействовано 13 кораблей.

Летом 1740 года в Охотске завершилось строительство кораблей «Св. Петр» и «Св. Павел». Они предназначались для плавания по Тихому океану. По оценкам современников суда были пригодны к любым морским испытаниям. Из Охотска пакетботы совершили переход в Авачинскую бухту Камчатки. Там продолжилась подготовка к далекому плаванию.

Наконец 4 июня 1741 года пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» покинули Камчатку и взяли курс к берегам Америки...

Разлука в тумане

«...вышли из гавани святых апостолов Петра и Павла на рейд в Авачинскую губу майя 29 числа, в которой за противным ветром умешкали июня до 4 числа, а 4 чис-



Пакетбот «Св. Петр» строился для участия во Второй Камчатской экспедиции

ла со штилем вышли на море и следовали определенным куршом к земле Ианде Гамма...».

Так сообщал Алексей Чириков о начале плавания в Адмиралтейств-коллегию в декабре 1741 года.

Экспедиция, предначертанная Петром Великим, продолжалась.

Заместитель Беринга и командир корабля «Св. Павел» капитан-лейтенант Алексей Ильич Чириков, по свидетельству современников, был одним из лучших офицеров и надеждой русского флота.

В адмиралтейской инструкции экспедиции отмечалось, что, когда будут достигнуты берега Америки, «...то на оных побывать и разведать подлинно какие там народы и как то место называется и подлинно ли те берега американские и учиня то... поставить все на карту и потом итти для того же разведывания подле тех берегов сколько время и возможность допустит...».

Первые дни экспедиционные корабли шли вместе. Но 20 июня 1741 года начались сильные туманы. Ни опыт Беринга и Чирикова, ни звуковые сигналы не помогали. Пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» потеряли друг друга.

Туман разлучил Витуса Беринга и Алексея Чирикова навсегда.

Неведомая земля

После безрезультатных поисков друг друга корабли Второй Камчатской экспедиции продолжили путь к берегам Америки, но уже каждый своим курсом. Экипаж Чирикова, состоявший из 75 человек, по-прежнему совершал будничную работу: астрономические наблюдения, замеры океанских глубин, изучение течений и ветров, внесение поправок на карту, подготовку к встрече с неизвестным тихоокеанским побережьем Америки.

Наконец, 15 июля путешественники увидели землю — остров, названный на современных картах Бейкер, который находится у берегов Северной Америки южнее Аляски.

С волнением разглядывали русские моряки неведомую землю. Заснеженные горы, небольшие бухты, мор-

ские птицы и звери — все это напоминало Камчатку. И все же было в увиденном нечто новое, своеобразное.

Думал ли кто-нибудь в те часы на пакетботе «Св. Павел», что является первооткрывателем Америки со стороны Тихого океана?

В своем рапорте, без всякого победоносного пафоса и восторгов, как-то по-будничному, Чириков отмечал: «...июля 16 дня с полудни в 8-м часу, понеже места к якорному стоянию не нашлось, для опасения пошли от берега и в ношное время, удалясь от берегу, по полуночи в 5-м часу, понеже ветр был нам способной, поворотили к северу на тот румб, как лежала последняя часть земли, виденная от нас к северу минувшего вечера, а по полуночи в 10-м часу по оной земли прошли расстоянием за полверсты, понеже было весьма туманно, и для того, удалясь от оной, несколько шли в паралель оной меж норда и веста... и, ежели б не воспрепятствовал несчастливый случай, о котором ниже сего явствует, то надеялся я немалую часть Америки описать...»

В ответ — недобрая тишина

18 июля Чириков приказал отправить на берег ялбот. В лодке разместились десять моряков во главе со штурманом Аврамом Дементьевым.

Чириков написал подробную инструкцию, что делать и как вести себя на американском берегу.

«...когда, с Божиею помощию, на берег пристаните, то посмотреть, есть ли на нем жители и, ежели жителей увидите, то являть к ним приятность и дарить подарками...

...а ежели языка никто не будет знать, то хотя признаками, — какая это земля и люди под чьею властью и звать их несколько человек, чтобы побывали у нас на судне;

...осмотреть, есть ли удобное место к приходу судном с моря где б можно было безопасно стоять и такую гавань вымерять лотом и чертеж зделать...

...осмотреть какие на берегу ростут леса и травы;

... нет ли каких отменных камней и земли в которой можно чаять быть богатой руде...

...от жителей, сколько можно, осведомиться куды эта земля простирается и есть ли из нее впадающие в море реки и где те реки впали в море;

...ежели жители будут обращаться неприятельски, то от них оборонятся и, как возможно скорее, на судно возвращаться, а самому никакого озлобления им не делать...

...возвращаться к судну того ж дня, или, по крайней мере, на другой день...

...как Бог принесет на берег, то для ведома нам пустить ракету... и на берегу будучи, раскласть большой огонь, ежели увидите, что нам оной можно видеть будет...».

Увы, сигналов от отряда Дементьева не последовало ни в тот день, ни на другой.

Медленно потянулись часы тревожного ожидания. Моряки по очереди поднимались на мачту пакетбота, чтобы сквозь туман получше разглядеть берег.

Несмотря на неблагоприятную погоду, Алексей Чириков держал корабль под малыми парусами в рискованной близости от острова.

Лишь спустя семь дней на берегу вспыхнул долгожданный огонь.

Костер! Живы!

Радостно заволновались на борту «Св. Павла»: очевидно, у Дементьева что-то случилось со шлюпкой и его команда не может вернуться на судно. Спешно стали собирать новый отряд на остров.

На пакетботе осталась последняя лодка. Выручать товарищей отправились боцман Сидор Савельев и еще три матроса.

Чириков приказал несколько раз выстрелить из корабельных пушек, чтобы на берегу знали — помощь близка. Но ответных сигналов не последовало.

На острове — туман и недобрая тишина.

В обратный путь

«...И понеже тогда стояла весьма тихая погода, то ево тем временем на берег и отпустили и сами за ним к берегу следовали и приходили очень близко и видели, что боцман на лодке приближился к берегу о полудни в 6-м

часу, точно определенных от меня сигналов не чинил и в чаятельное время к нам не возвратился, а погода стояла самая тихая...».

Так отмечал в рапорте Алексей Чириков.

На пакетботе не осталось лодок, а это значит — потеряна связь с берегом. Ни помочь своим товарищам на острове, ни набрать питьевой воды путешественники уже не могли.

25 июля с корабля заметили две лодки. Они шли от залива, где высадились команды Дементьева и Савельева.

Тлинкиты

Чириков приказал направить пакетбот навстречу лодкам.

Радостное настроение на борту «Св. Павла» быстро угасло. Путешественники вскоре увидели, что это не их лодки.

Несколько гребцов на них были, скорее всего, из племени тлинкитов. Подплыв поближе к кораблю, индейцы вскочили на ноги и крикнули: «Агай! Агай!»

Потом они замахали руками. Ни их слов, ни жестов русские моряки не смогли понять.

Тлинкиты снова взялись за весла и повернули к острову. Тяжелый пакетбот не смог догнать проворные индейские лодки. Корабль шел за ними до опасного предела. Подходить ближе к берегу было нельзя. Оказаться на мели — означало верную гибель и корабля, и всего экипажа.

Путешественники теперь поняли, что пятнадцать их товарищей либо погибли, либо находятся в плену у враждебно настроенных индейцев.

Горько было осознавать такую потерю и свое бессилие, невозможность помочь товарищам.

«...мы до вечера близ того места ходили, поджидая своих судов, токмо ночью для опасения от берегу поудалились, да и ночью имели на кормовом флакштоке фонарь с огнем, дабы, ежели паче чаяния, выдут, то чтоб могли к нам и ночью притить...» — вспоминал Алексей Чириков.

Запасов пресной воды на корабле оставалось совсем мало. До Камчатки не дотянуть. Продолжать экспедицию и исследовать новые земли без лодок было невозможно.

В последний раз пакетбот «Св. Павел» прошел мимо зловещего, таинственного берега. Еще один залп из пушек — и корабль двинулся в обратный путь на Камчатку.

12 октября 1741 года пакетбот «Св. Павел» вошел в Петропавловскую гавань.

Несмотря на человеческие потери, болезнь многих моряков, нехватку воды, исчезновение лодок, экспедиционный отряд под командованием Алексея Чирикова свою задачу выполнил — открыл тихоокеанское побере-

жье Северной Америки. Более 400 километров ее берега были впервые нанесены на карту.

Разные версии

Услышав от Алексея Чирикова рассказ об исчезновении моряков, Свен Ваксель пришел к выводу: «Можно предполагать с полным основанием, что когда они (матросы под командованием Дементьева) подошли к берегу, американцы (индейцы), вероятно, спрятались, и что люди, прибывшие на лодках, не подозревая о грозящей им при высадке на берег опасности, разошлись в разные стороны за водой.

Таким образом, они, надо полагать, были разобщены друг от друга, когда американцы, улучив, наконец, удобное время, появились вдруг между ними и лодкой, преградив обратный путь...»

Писатель, автор книги «Беринг» Николай Чуковский был не согласен с выводами Свена Вакселя. Он считал, что побережье, где исчезли моряки с корабля «Св. Павел», населяли миролюбивые индейцы — тлинклиты, которые не стали бы нападать на чужеземцев.

К тому же не так-то просто одолеть вооруженный ружьями и пистолетами отряд моряков, применяя лишь копья и луки.

Николай Чуковский склонялся к версии, что обе шлюпки пакетбота «Св. Павел» погибли в водовороте. Опасные для небольших судов водовороты нередко образуются во время приливов у северо-западного побережья США. В восьмидесятых годах XVIII века примерно в тех местах, где пропали моряки с корабля «Св. Павел», погибли в водовороте шлюпки французского путешественника Жана Франсуа Лаперуза.

«Агэой» — огоньки с небес

Спустя чуть больше тридцати лет после Второй Камчатской экспедиции испанский двор получил сообщение из своей американской колонии, что в Калифорнии есть поселение русских людей. Как эти люди оказались там — неизвестно. Со времени Второй Камчатской экспедиции

к берегам Америки пока еще не приходил ни один русский корабль.

Мой дед Григорий Бурлак в начале XX века в поисках работы объездил тихоокеанское побережье Соединенных Штатов от Калифорнии до Аляски. Довелось побывать ему и на архипелаге Александра, открытого экспедицией Алексея Чирикова.

На одном из островов архипелага дед услышал от местных жителей историю о том, как много лет назад светлые бородатые люди, приплывшие на большом корабле от «земли, куда уходит солнце», были заколдованы «Агэой».

Когда мой дед поинтересовался, что означает это слово, ему объяснили: «Агэой» — упавшие с неба огоньки.

Какая беда случилась потом с бородатыми светлыми людьми — говорили разное. Одни уверяли, что «тропа небесных огоньков» увела пришельцев в волшебную страну Гэмм. Другие рассказывали, что дух, не имеющий имени, велел бородатым людям делать лодки и плыть навстречу солнцу к большой земле и там начинать новую жизнь.

Тогда эта история не заинтересовала моего деда. Лишь много лет спустя, когда он прочитал об экспедиции Чирикова и о пятнадцати пропавших без вести моряках, дед вспомнил легенды, услышанные на архипелаге Александра.

В отчете экспедиции упоминалось, что индейцы тлинкиты, приплывшие с острова, выкрикивали слово «Агай». Может, на пакетботе не расслышали и неправильно записали «Агай» вместо «Агэой»?..

Конечно же, мой дед потом пожалел, что не расспросил подробно и не записал рассказы жителей архипелага. Снова побывать там ему не довелось.

Кто знает, может, старинные индейские легенды хоть немного приоткрыли бы завесу над тайной исчезновения пятнадцати русских моряков?

«Тропа в неведомое» из упавших с небес огоньков...

Каждый видит в этих огоньках то, что хочет видеть, когда начинает свой путь по «тропе в неведомое». Но в конце пути «каждый получает то, что заслужил»...

Так говорили мои знакомые из Джуно. Так говорил им дух страстей и азарта, у которого нет имени и который опьяняет людей ощущением близкой удачи и счастливых перемен.

Одним, ступившим на «тропу в неведомое», кажется, что это праведный путь. Другим манящие огни представляются драгоценными камнями, что ведут к земному богатству. Третьи видят в них нечто таинственное, что обязательно надо постичь и испытать...

Я возвращался в Нью-Йорк, так и не побывав на земле, хранящей тайну пятнадцати русских мореходов.

В иллюминаторе самолета, в темноте, едва просматривались какие-то острова. Может, это и есть архипелаг Александра?

Мне хотелось в это верить. Как и в то, что разноцветные огоньки внизу — загадочная «тропа в неведомое» духа страстей и азарта, а не просто свет электрических лампочек поселений и морских кораблей.

От океана до океана

В Нью-Йорке я рассказал историю о пропавших без вести русских моряках известному американскому журналисту Арту Шилдсу. Когда-то он работал корреспондентом в Москве, а перед Первой мировой войной много месяцев жил на Аляске.

Оказалось, что в свое время Арт изучал материалы Второй Камчатской экспедиции и даже записал несколько преданий, связанных с таинственным, по его мнению, исчезновением моряков с пакетбота «Св. Павел».

У одного русского эмигранта, жившего в Нью-Йорке, Шилдс познакомился с рукописной копией записок известного предпринимателя и исследователя Григория Ивановича Шелехова.

Во второй половине XVIII века Григорий Иванович был организатором постоянных русских поселений на Аляске и на островах северных районов Тихого океана.

В 1788 году посланцы Шелехова встретили на Аляске, в заливе Якутат, светлоглазых, светловолосых, рослых белых людей. Жили они в племени индейцев колошей,

говорили на их языке, но отличались манерами и одеяниями.

Когда об этой встрече сообщили Шелехову, он сразу вспомнил рассказы о пропавших моряках с пакетбота «Св. Павел» и решил, что светловолосые индейцы — их дети или внуки.

Примерно в семидесятых годах XVIII века в Нью-Йорке появился необычный молчаливый старик. По-английски он знал всего лишь несколько слов.

Его повстречали охотники в верховьях реки Делавер. Знаками, жестами, отдельными словами старик умудрился объяснить, что много лет назад на берегу океана был захвачен какими-то индейцами. Вначале ему и его товарищам — русским морякам — они дали чашу с горячим отваром.

Потом наступило забытье. Сколько оно продолжалось — старик то ли не знал, то ли не сумел объяснить. Товарищей своих с корабля он больше не видел. Его, тогда еще молодого, крепкого человека, индейцы решили сделать «белым шаманом».

С острова, где он был захвачен, его перевезли на материк. Путь этот оказался неблизким. В лодке будущего «белого шамана» постоянно поили напитком, от которого вначале кружилась голова, а затем терялось сознание.

Как и чему обучал русского моряка «верховный учитель шаманов», старик не смог рассказать. Когда через много месяцев наступил «час посвящения», учитель надрезал моряку на руке вену и попробовал на вкус кровь. Потом пояснил, что кровь — плоха, и чужаку не стать шаманом. А этого индейцы не простят и отдадут бледнолицего в жертву белым волкам.

Чем-то русский моряк приглянулся «верховному учителю шаманов», и он посоветовал неудачливому ученику бежать — все время навстречу солнцу, пока не выйдет он к берегу другого океана. И там, если он не встретит счастья, то, по крайней мере, обретет покой.

Моряк выполнил совет. Более двадцати лет двигался он от берегов Тихого океана к Атлантическому. Преодолевал реки, дремучие леса, озера. Несколько раз мо-

ряк попадал в плен к индейцам разных племен. Иногда он убегал, но чаще индейцы, узнав, какой путь он проделал и сколько ему еще предстоит пройти, в знак уважения отпускали его на волю.

Неизвестно, встретил ли русский моряк счастье в Нью-Йорке — «на берегу другого океана», как напророчил ему «верховный учитель шаманов». Обрел ли покой в незнакомом городе? Состоял ли он на самом деле в экипаже «Св. Павла»?..

Обо всем этом не осталось документальных подтверждений... Еще одна нераскрытая тайна Русской Америки.

НЕУДЕРЖИМАЯ СТРАСТЬ

Эти люди гибли во множестве на промыслах и крушениях, но еще больше возвращались к своему порту без гроша, без одежды, голодные и донельзя изнуренные... Но все же они «заражались» неудержимой страстью к далеким плаваниям... и после короткого отдыха пускались снова и снова на океан, до тех пор, пока не убаюкала их где-нибудь неловкая волна или не изнывали они от цинги на далеком пустынном острове.

Адмирал Д.М. Афанасьев. XIX век

«ШЛИ НЕ ЗА СЛАВОЙ»

Дерзайте отчизну мужеством прославить.

Михаил Ломоносов

Какая бы страшная сила была бы в нашей деятельности, если бы мы совсем не заботились о том, как ее оценят люди.

Лев Толстой

Сбылись худшие опасения

Вряд ли российские первопроходцы XVI—XVIII веков думали, что совершали подвиги и что когда-нибудь их службу и работу потомки будут называть героизмом.

16 июля 1741 года с корабля «Св. Петр» Витус Беринг и его товарищи впервые увидели американскую землю. Из записей в судовом журнале, из воспоминаний участников Второй Камчатской экспедиции известно: путешественники радовались, ликовали, но никто из них не по-

мышлял о славе первооткрывателей. И командор Беринг не мог представить, что когда-нибудь пролив между Азией и Америкой, море и остров в Тихом океане назовут его именем.

Недолго находился пакетбот «Св. Петр» у берегов Нового Света. Витус предупреждал офицеров — участников экспедиции: на обратном пути путешественников караулят две страшные беды — осенние штормы и цинга, и лишь поспешное возвращение домой, на Камчатку, может уберечь от смертельной опасности экипаж «Св. Петра».

Сбылись худшие опасения капитан-командора. Почти семнадцать суток шторм не давал покоя путешественникам. Многих из них одолела цинга. Помощник Витуса Беринга лейтенант Свен Ваксель писал о бедственном положении участников экспедиции: «В нашей команде оказалось теперь столько больных, что у меня не осталось почти никого, кто мог бы помочь в управлении судном.

Паруса к этому времени износились до такой степени, что я всякий раз опасался, как бы их не унесло порывом ветра. Заменить же их другими, за отсутствием людей, я не имел возможности. Матросов, которые должны были держать вахту у штурвала, приводили туда другие больные товарищи, из числа тех, которые были способны еще немного двигаться...

Наш корабль плыл, как деревянная колода, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать...»

4 ноября 1741 года путешественники увидели землю. Многие приняли ее за Камчатку. Но, увы, это был необитаемый остров. Впоследствии, по предложению Свена Вакселя, ему дадут имя Витуса Беринга. А на географическую карту будут нанесены Командорские острова — ответвление Алеутской островной гряды.

«В течение долгого времени мы не могли определить свое положение по солнцу, — писал Ваксель. — Вместе с тем вследствие продолжительного плавания в шторме и непогоде мы не были уверены в правильности сделанных нами определений, встреченные же нами земли были неизвестны не только нам, но и никому на свете.

...5 ноября мы обнаружили, что все главные снасти по правому борту лопнули, а под рукой не было людей, которые могли бы при помощи обычных инструментов их починить. ...Увидя, что мы находимся в таком угрожаемом и беспомощном состоянии, я доложил об этом капитан-командору Берингу, который уже в течение многих недель не покидал постели. Он приказал собрать в его каюту всех старших и младших офицеров, а также всю команду, чтобы держать совет: как поступить лучше всего, чтобы добиться спасения...»

Смерть в песке

Экипаж «Св. Петра» все же сумел добраться до берега. Но какой ценой? Из 77 путешественников в живых осталось 46. Все были истощены и больны.

Через месяц после высадки на необитаемый остров от цинги скончался капитан-командор Витус Беринг.

О последних днях начальника экспедиции Ваксель вспоминал: «Не могу не описать печального состояния, в котором находился капитан-командор Беринг.

Тело его было наполовину зарыто в землю уже в последние дни его жизни. Можно было бы, конечно, найти средство помочь ему в таком положении, но он сам не пожелал этого и указывал, что те части тела, которые глубоко спрятаны в земле, сохраняются в тепле, а те, что остаются на поверхности, сильно мерзнут.

Он лежал отдельно в небольшой песчаной яме-землянке, по стенам которой все время понемногу осыпался песок и заполнил яму до половины...»

Смерть капитан-командора оказалась последней утратой экспедиции на острове. Остальные путешественники сумели перебороть цингу.

Витуса Беринга похоронили неподалеку от его товарищей, на пустынном берегу.

После возвращения на родину

Участники экспедиции, несмотря на болезни и голод, сумели перезимовать на неприветливой земле. Разбитый штормами пакетбот «Св. Петр» пришлось разобрать. Из

его частей и оснастки удалось соорудить небольшое одномачтовое суденышко. 10 августа 1742 года новый корабль был спущен на воду. На нем через несколько дней путешественникам удалось вернуться на Камчатку.

«Я не в состоянии описать радость и восторг, которые каждый из нас испытал, убедившись в своем спасении. От величайшей нужды мы перешли к полному изобилию — целый склад, наполненный продовольствием, теплые и удобные квартиры...», — отметил в своем дневнике Свен Ваксель.

Но Америка нелегко покорялась. Из ушедших в плавание в 1741 году на «Св. Петре» и «Св. Павле» вернулось на Камчатку чуть более половины участников. Но и эти счастливчики ощущали последствия трудного путешествия. Пережитые во время экспедиции голод, холод, цинга сыграли свою роковую роль в судьбе мореходов.

К 1748 году из экипажей «Св. Петра» и «Св. Павла» в живых осталось лишь около двадцати человек. Поразному сложились их судьбы. Одни успешно продолжали службу, другие оказались не угодны властям. Сибирский казак Савва Стародубцев стал дворянином. Талантливый ученый, исследователь Георг Стеллер был обвинен в «бунте». После пыток и побоев в тюрьме он скончался.

Алексей Чириков по возвращении в Санкт-Петербург получил звание капитан-командора и возглавил Морскую академию. Но его деятельность на новом поприще длилась недолго. В конце 1748 года он скончался в возрасте 45 лет.

Несколько участников экспедиции Витуса Беринга стали исследователями сибирских берегов и островов Северного Ледовитого океана.

Поставленная задача — выполнена

Так стоило ли идти на такие жертвы?

Подобный вопрос возникал у людей, знакомых с биографиями путешественников.

Возможно, такой же вопрос задавали самим себе те, кто возвращался из опасных экспедиций. И все же мно-

гие из них снова и снова отправлялись в неведомые земли и моря, навстречу новым приключениям и опасностям, не зная, удастся ли вернуться домой.

Большие географические открытия не обходятся без человеческих жертв — так говорили путешественники в XIX веке. Вторая Камчатская экспедиция открыла часть Алеутских и Шумагинских островов, остров Укамок, исследовала материковый участок Северной Америки, открыла Командорские острова.

Участник похода Витуса Беринга натуралист Георг Стеллер за десять часов пребывания на американской земле сумел сделать научное описание 160 видов растений. Некоторые из них еще не были известны науке. В Новом Свете и на Командорских островах Стеллер также открыл несколько видов птиц.

Вторая Камчатская экспедиция выполнила поставленную перед ней задачу — к такому мнению пришло большинство специалистов и исследователей и в XVIII, и в XXI столетиях. Хоть и звучало немало критических замечаний в России и за рубежом в адрес Витуса Беринга и его помощников, командор исполнил замыслы Петра: окончательно было доказано существование пролива, отделяющего Азию от Америки, состоялось открытие Нового Света со стороны Тихого океана, подтвержденное официальными документами. Вторая Камчатская экспедиция доказала всему миру, что Россия стала морской державой, обладающей флотом, способным покорять океанические просторы, и воспитавшая опытных моряков, ученых, исследователей.

Сделанные в первой половине XVIII века открытия, исследования, записи русских путешественников Михаила Гвоздева, Ивана Федотова, Алексея Чирикова, Степана Малыгина, Дмитрия Лаптева, Дмитрия Овцына, Ивана Елагина, Степана Хитрова, Василия Прончищева и других вызвали интерес ученых многих стран.

Английский географ и историк Д. Бейкер в середине прошлого столетия писал о Великой Камчатской экспедиции под командованием Витуса Беринга: «...Этими путешествиями были решены все важнейшие проблемы се-

верной части Тихого океана в той мере, в какой они были предусмотрены данным Берингу заданием».

ОТКРЫТИЯ — ТРЕБУЮТ ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Освоение новых мест на материке требовало не только обширных экспедиций, но и основания прочных заселений. Укрепляться внутрь страны было невозможно без создания укрепленных опорных пунктов, без систематической посылки экспедиций для их снабжения, без планомерной деятельности.

Профессор С.Б. Окунь. «Российско-Американская Компания». 1939 г.

Весть о пушных богатствах

В столице Российской империи государственные деятели и предприниматели с интересом отнеслись к сообщениям путешественников об изобилии земных и морских зверей в Новом Свете.

Каланы — «морские бобры»

В начале XIX века академик Василий Берх писал: «Последнее путешествие капитан-командора Беринга к Америке познакомило жителей северо-восточной Сибири с сею неведомою им частию света. Возвращение же капитана Чирикова (1741) обратило на оную особенное их внимание: большая часть команды его вывезла, кроме множества драгоценных мехов, 900 бобровых шкур.

Молва о богатствах сей новооткрытой страны возбудила предприимчивый дух сибирского купечества, а рассказы сопутников Беринга и Чирикова воспалили еще более желание обогатиться бобровыми шкурами...»

Императрица Елизавета Петровна

В XVIII веке морскими бобрами называли каланов — зверей, обладающих ценнейшим мехом.

Не только весть о пушных богатствах Америки будоражила государственных мужей Российской империи и купцов. И в Санкт-Петербурге, и в сибирских селениях ходили слухи о несметных запасах золота, серебра и меди в Новом Свете. Трудно определить, откуда пошли такие слухи. В отличие от ценных мехов, доставленных из-за океана, золота и серебра, добытого в северо-восточной Америке в XVIII веке, в России никто не видел. По крайней мере, в официальных документах ничего не сообщалось о драгоценных металлах с тихоокеанского побережья Нового Света.

Но и пушные богатства вновь открытых земель взывали к действию и государство, и предприимчивых людей. И в начале своего правления императрица Елизавета Петровна заявила: «Открытия — требуют закрепления».

Донесение Емельяна Басова

Через год после возвращения на Камчатку экипажа «Св. Петр» задумал добывать морского зверя на Командорских островах сержант Емельян Басов. Собрал он команду из мореходов и охотников и отправился на своем шитике (судно, построенное без гвоздей) к островам Беринга и Медный.

Помощниками Басова стали участники Второй Камчатской экспедиции Лука Наседкин и Петр Верхатуров, которые и указали путь к Командорам. В августе 1744 года охотники возвратились на Камчатку с добычей: 4 тысячи шкурок песцов и более тысячи шкур каланов.

Удача окрылила Басова, и вскоре он снова отправился на промысел. Сохранился документ того времени:

«В Канцелярию Охотского Порта от сержанта Емельяна Басова покорнейший Рапорт.

По вступлении моем с козаками в морской вояж, в прошлом 1747 году, для прииску неведомых островов, на судне Петре шитике, на своем собственном коште... прибыли на прежде обысканной второй малый остров (вероятно, на Медный) ...на лайдах собрано самородной

меди 50 фунтов. На том же острове в полуношной стороне нашли незнаемую вещь, руда ли она или какая незнакомая вещь, которой взяшо и привезено фунта с два. Да найдено на берегу служителями 205 камешков, больших и малых, в том числе два желтых, один малиновый. Да еще найдена новокурьезная рыбка...

Вывезено нами в Нижний Камчатский острог: бобров (каланов)... 970, хвостов бобровых тож число, песцов голубых 1520. И оные звери разделили обще всем по паям; кто со мною в вышеупомянутом вояже был...

Сержант Емельян Басов».

Знали только они

Согласно документам, к Алеутским островам и к берегам Аляски с 1743 по 1764 год русские промышленники совершили сорок два похода. Но есть предположение, что подобных экспедиций было несколько больше. Не все они отмечены в официальных бумагах. Да и бумаги, содержавшие сведения о различных путешествиях XVIII века, нередко пропадали.

Сохранились имена участников этих походов: Михаил Наводчиков, Евтихий Санников, Адриан Толстых, Семен Глотов, Алексей Дружинин... Но большинство имен первопроходцев тех времен все же затерялось в истории.

Разные люди в те времена пробирались на Дальний Восток. Были среди них и беглые преступники, и крепостные, которые скрывали свои настоящие фамилии.

Что заставляло русских казаков, моряков, промышленников, купцов, ученых отправляться в рискованные путешествия? Жажда наживы? Романтическое желание увидеть, что там — за горизонтом? Стремление к открытиям и освоению неведомых земель? Бедность, вынуждавшая искать лучшей доли в чужих краях? Любовь к опасным приключениям? Бегство от наказания?..

А может, еще какие-то причины, недоступные пониманию современного человека?..

Истинный ответ знали только они — первопроходцы прошлых веков.

Как набиралась команда

В «Хронологической истории открытия Алеутских островов...», изданной в 1823 году, есть упоминание о том, как организовывались в XVIII веке промысловые экспедиции к берегам Аляски и к Алеутским островам. Поскольку подобные путешествия требовали больших затрат, купцы и состоятельные промысловики объединялись в компании. Каждый участник такого сообщества имел паи в зависимости от вклада.

«Когда кто из помянутых купцов намеревался отправить судно на острова для промысла, то извещал о сем комиссионеров своих, в Иркутске, Якутске или Кирежке обитавших...

Прикащики, наняв несколько человек, снабжали их достаточною одеждою, и высылали в место назначения. По прибытию туда употребляли людей сих к вооружению судна и прочим подобным занятия...

Перед самым отправлением сочинялся список паям, вносился в книгу и каждый должен был подписаться под оным или поставить свой знак...

При возвращении делили весь груз мехов по числу наличного экипажа, а из лишних пяти или шести паев давали три мореходу, два передовщику и один на церковь или училище; потом брал себе хозяин половину из остальных 40 паев, а другую делили между собою промышленники по жребию. Случалось, что по окончанию счастливого путешествия, доставалось каждому промышленнику от полу-пая его мехов на две и на три тысячи рублей; но ежели вывоз был не так удачен, то несчастные странники сии оставалися в вечном долгу у хозяев своих...».

Набирались команды на промысел в Тихий океан чаще всего из поморов, из жителей Вологодской губернии, Сибири и камчадалов. В основном это были люди, имевшие мореходные навыки и опыт охоты на зверя.

Под государственный контроль

Императрица Екатерина II понимала, что нельзя позволять бесконтрольный промысел на землях Нового Света ни своим подданным, ни, тем более, иностранцам.

Приоритет в освоении островов северной части Тихого океана и Аляски должен принадлежать России, а для этого необходимо дальнейшее изучение земель Нового Света под строгим государственным контролем, а также поощрение русских первопроходцев и промышленников, — считала она.

В марте 1766 года Екатерина писала сибирскому губернатору Чичерину: «Денис Иванович, реляцию вашу о сыскании и проведении мне в подданство неизвестных до ныне шести алеутских островов, так-как и копию с рапорта от казака Васютинского читала я с удовольствием и сие приобретение мне весьма приятно; жаль только, что обстоятельное всему описание и жителям переписные книги пропали. Что вы купцу Толстых обещали пожалованные от меня преждевышедшим из такого морского вояжа компаниям привилегии и выделенную у него из собранного с оных островов ясака десятую часть ему возвратить, оное я апробую и прикажите то самым делом исполнить, также казаков Васютинского и Лазарева, для поощрения их произвести в тамошние дворяне.

Дай Бог, чтоб они и предприемлимый ими нынешнею весною вояж окончили благополучно и с добрыми успехами. Желала бы я знать не слыхали-ли они от жителей оных островов были ли когда там прежде их европейцы и какие, и не видали-ли они там какого разбитого судна...

Промышленым подтвердите, чтоб они ласково и без малейшего притеснения и обмана обходились с новыми их собратиями, тех островов жителями».

О необходимости государственного контроля в освоении островов и тихоокеанского побережья Нового Света писали сибирские губернаторы Василий Мятлев, Федор Соймонов, Денис Чичерин. Все они подчеркивали, что успешное освоение открытой русскими северо-западной Америки возможно лишь при соответствующем развитии экономики и промышленности Сибири и Дальнего Востока.

Секретный указ

Екатерину II информировали, что успехи русских в северной части Тихого океана и в Новом Свете не дают покоя многим европейским политикам. Агенты Англии, Испании, Франции, Португалии любыми способами выуживали информацию о планах России относительно Северной Америки. Между морскими державами XVIII века шла гонка за укрепление своих позиций в Новом Свете.

В 1764 году императрица передала секретный указ в адмиралтейств-коллегию. В документе предписывалось как можно быстрее и в строжайшей тайне снарядить

М.В. Ломоносов принимал участие в подготовке секретной экспедиции к берегам Америки

экспедиции в северные воды Тихого океана. При личной встрече с командованием адмиралтейств-коллегии Екатерина приказала не оповещать об этом плане даже Сенат.

Для маскировки секретную экспедицию назвали «Комиссией для описи лесов по рекам Каме и Белой и по впадающим в них реки». Михаил Васильевич Ломоносов, Федор Иванович Соймонов и Денис Иванович Чичерин передали в адмиралтейств-коллегию свои предложения и рекомендации, какие цели и задачи поставить перед ней.

Занятия по астрономии с офицерами-участниками будущего похода проводил лично Ломоносов.

Начальником экспедиции был назначен капитан второго ранга Петр Кузьмич Креницын, а его помощником — капитан-лейтенант Михаил Дмитриевич Левашов. В 1768 году на четырех судах путешественники покинули Камчатку и взяли курс к Алеутским островам и к Аляске.

Из записок Гидрографического департамента морского министерства

«...14-го Августа, Креницын увидел острова Алеутской гряды Сигуам и Амухту, и 20-го вошел в пролив между Умнака и Уналашки (Уналакша). Здесь встретили первого Алеута, с которым после пришлось так коротко познакомиться! Этот Алеут, повидимому уже знакомый с Русскими, подъехав к галиоту, закричал — здорово! — И стал расспрашивать через толмача: зачем пришли? Будут ли мирно обходиться с жителями? Ему отвечали, что не только будут жить мирно, но и дадут подарков. Первая встреча на том закончилась...

22-го, пришел сюда и Левашов. Оба судна вышли в залив на северной стороне Уналашки...

На другой день опять приезжал один Алеут, который донес, что в нынешнем году, с промышленного судна купца Лапина, зимовавшего у о. Умнака, жители островов Акутан и Кугалгу (?) убили 15 человек.

В тот же день, оба судна снялись с якоря, и пошли к северу.

30-го Августа, проходили проливом между Унимака и Аляски, и здесь гукор стал было на мель, однакож был стащен на другой день.

1-го и 2-го Сентября, осматривали Аляскинский берег, а потом отправились искать зимовья.

5-го Сентября, оба судна разлучились, и уже не встречались до весны следующего года.

Креницын, 18-го Сентября, зашел к о. Унимаку, у которой найдена удобная гавань...

Когда Креницын еще не совсем устроился на месте зимовки (делали юрты из выкидного леса), в половине Октября, подъехали на двоих байдарах Американцы, и стали просить подарков: им дали шапку и рукавицы, и обещали еще что нибудь подарить, если пристанут к судну.

Между тем они разспрашивали: сколько у нас людей, и подговаривали толмача предаться. Вдруг один из них пустил стрелу, которая однакож ни в кого не попала, и затем все удалились. С судна и с берега открыли по ним огонь, ядрами и картечами, но также не причинивший вреда...

12-го Ноября, в бытность нашей байдары у Аляскинского берега, ранены два казака стрелами, пущенными из-за травы. В ночи 16-го Ноября, один туземец подкрался было к нашим юртам сажень на 70, но был замечен и скрылся...

В ту же ночь, услышали голоса ехавших по проливу, и «палили» у нас из ружей два раза...

22-го Ноября Американы подъезжали в двух байдарах..., уговаривали толмача передаться и уехать ли. На другой день, видели байдару за северным Унимахским мысом.

С Декабря месяца люди стали ослабевать, и открылась цинга. Первым умер казак, раненный туземцами.

В Январе 1769 года, число больных уже простиралось до 22; а в Апреле, здоровых осталось только 12, да те были слабыми. Всего за время зимовки, умерло 36. В Декабре и Январе, туземцы не показывались; в Феврале, снова стали подъезжать, и некоторые из них соглашались на мену, отдавая за кожи, и пр. тюленей и китовый жир...

...В течение зимы, три раза было чувствуемо землетрясение: 15-го Января, 20-го Февраля и 16-го Марта.

10-го Мая, Американцы привезли донесение от Левашова, зимовавшего в Уналашке, и были щедро награждены за услугу.

20-го Мая, спущен гальот на воду.

6-го Июня, пришел сюда Левашов.

Зимовка Левашева была также бедственна. Туземцы, правда, не нападали на него, потому что зимовавшие на Уналашке Русские промышленники доставили до 33 аманатов (заложников) детей старшин; но беспрестанно доходили слухи, о замышляемых нападениях, и потому, надобно было иметь крайнюю осторожность. Более же всего терпели от недостатка пищи и лесу: на судне не могли все помещаться, а юрта, построенная из выкидника, с большим трудом набранная, протекала и беспрестанно разваливалась...

Теперь, по недостатку провизий и за множеством больных, решили идти обратно в Камчатку. 23 Июня, снялись с якоря. На пути разлучились, и Креницын пришел к реке Камчатка 29-го Июля, а Левашов 24-го Августа».

С трудностями и утратами

В приведенной записи не сказано обо всех трудностях, пережитых участниками команды Креницына. Но голод, болезни, стычки с туземцами не помешали экспедиции обследовать и описать часть побережья Аляски, американских островов Умнак, Унимак, Уналяски, произвести астрономические определения, отметить особенности океанических течений в районе Алеутской гряды.

Немало современников Петра Креницына упрекали его в жестокости по отношению к туземцам: «33 аманата» (заложника), стрельба картечью за каждую выпущенную аборигенами стрелу и т.д. Но встреча двух цивилизаций, двух народов — это не всегда обмен любезностями, подарками, установление добрососедских отношений, взаимовыгодной торговли. Такие встречи нередко сопровождаются и кровавыми драмами, и непониманием, и желанием одного народа подчинить себе другой.

Петр Креницын, Михаил Левашов, как и многие их товарищи по экспедиции, честно исполняли свой долг офицеров, исследователей, мореплавателей. Им не всегда удавалось уладить мирным путем конфликты с аборигенами. И все же, несмотря на вооруженные столкновения, Креницын и его люди сумели привлечь к сотрудничеству многих жителей островов Нового Света.

Член Петербургской академии наук Петр Паллас, составивший геологическое и минералогическое описание северных берегов Тихого океана

На Камчатке в XIX веке еще можно было услышать предание о том, что один из 33 амонатов — сын какого-то индейского вождя — сумел сбежать от русских. Парень вскочил в лодку и направился прочь от острова, где находился в плену. Не успел далеко отойти от берега, как океанская волна перевернула лодку. Сын вождя племени утонул.

За это племя прокляло Креницына. Летом 1770 года, переплывая реку Камчатку на «однодревном бате», Петр Кузьмич и казак Иван Черепанов погибли. Их лодка опрокинулась в бурном течении, и оба путешественника мгновенно пошли ко дну. Некоторые участники экспедиции посчитали, что подействовало проклятие.

Командование отрядом принял на себя Михаил Левашов. В 1771 году он составил географо-этническое описание Алеутских островов и доставил материалы экспедиции в Санкт-Петербург. По-разному оценивали эти отчеты специалисты. Звучало немало критических замечаний в адрес руководителей экспедиции. Академик Миллер считал, что капитан Креницын не до конца справился с поставленной перед ним задачей.

И все же экспедиция Креницына и Левашова стала важной вехой в освоении тихоокеанского побережья Северной Америки. Как отмечал член Петербургской академии наук Петр Паллас, благодаря отчетам этих путешественников, ему удалось составить описание геологии и минералогии северных берегов Тихого океана. А исследователи Алеутских островов и Аляски, промышленники и купцы и в XVIII, и в XIX веках пользовались материалами экспедиции Креницына и Левашова.

Американские этнографы, географы, историки нередко ссылались в своих научных трудах на записки этих русских путешественников.

С трудностями и утратами, но Россия все же укрепляла свои позиции на тихоокеанском побережье Северной Америки и на ее островах.

ПУШНАЯ ЛИХОРАДКА

Ценный мех, как золото и самоцветы, будоражит людей, опьяняет сознание, заставляет совершать самые рискованные поступки.

Генри Торо. Американский писатель, философ. XIX век

«Словом и оружием»

В 1763 году в России мех значительно подорожал. Сокращались пушные богатства Сибири. А потребность в меховых изделиях возрастала не только в России, но и во многих странах Европы и Азии. Увеличивался спрос и на шкуры морских зверей: котиков, каланов, сивучей.

Тысячи охотников из разных стран устремились на промыслы к северным островам Тихого океана и к побережью Америки: от Аляски до Калифорнии. Добытчики пушнины понимали, что им необходимо привлекать к делу аборигенов. Жителям тихоокеанских островов и Северной Америки промысловики привозили иголки, ножи, медные котлы, бусы, ткань и другие изделия. Взамен получали продукты, китовый и моржовый

жир, но самое главное — пушнину. Со второй половины XVIII века туземцев стали снабжать огнестрельным оружием и спиртом. Правда, многие представители власти, да и сами купцы, возражали против этого.

Русские заставляли местное население Аляски и северных тихоокеанских островов платить ясак (налог) пушниной. Это нередко вызывало недовольство туземцев, и порой дело оборачивалось вооруженными конфликтами.

Одни русские промышленники умели находить общий язык с аборигенами и мирно решали все проблемы, другие при малейших обострениях немедленно пускали в ход оружие. Пушной промысел в Тихом океане помогал развивать экономику и торговлю России, способствовал усовершенствованию флота, стимулировал научные исследования.

Губернаторы Сибири в конце XVIII — в начале XIX века наказывали промысловикам и экспедиционным отрядам: к диким народам больше употреблять слов, нежели оружия. Людская кровь не должна обагрять звериные меха...

Восстание алеутов

В 1763 году к Лисьим островам, расположенным вблизи полуострова Аляска, подошли корабли русских промысловиков. В предписании, выданном им властями Камчатки, говорилось, чтобы охотники не причиняли обид туземному населению: «...харчевых припасов или чего самовольно грабежом и разбоем не брать и не отнимать; ссор и драк от себя не чинить и тем в сумнение тамошних народов не производить под нижесточайшим штрафом и телесным наказанием».

Но какие самые строгие предписания могут повлиять на отчаянных охотников, когда они находятся за сотни километров от властей?

Прибывшие в тот год на Лисьи острова русские промышленники не церемонились с местными жителями. Алеуты уже привыкли, что подобные встречи с «пришельцами на больших лодках» начинались с подарков

и выгодного обмена российских товаров на продукты и пушнину. Неизвестно, почему в 1763 году традиция была нарушена.

Сын одного из алеутских вождей не сдержался и украл у русского промышленника нож. Подростка поймали с поличным. Виновника тут же высекли розгами на глазах у его соплеменников.

Для гордых алеутов это считалось страшным позором. Унижен был не только мальчишка, но и его отец, а значит, и все племя.

Священник, просветитель, ученый и знаток Русской Америки Иннокентий Вениаминов, ссылаясь на воспоминания свидетеля того события, писал, что наказание сына вождя островитяне «...почли за великое бесчестие и ужаснее самой смерти... И сверх того, как говорят старики, Алеуты, видя от Русских и другие притеснения и обиды, касательно их жен и дочерей, положили намерение избавиться от таковых неприятных им гостей и о которых они думали, что истребя их они уже навсегда избавятся... от подобных пришельцев».

Начался заговор алеутов Лисьих островов против русских промышленников. Это восстание в 1763—1764 годах превратилось, вероятно, в самое кровопролитное и массовое выступление жителей американских островов за всю историю Русской Америки.

Искра любого восстания существует лишь мгновения и минуты, а топливо для него накапливается месяцами и годами. Разрозненные очаги недовольства порой объединяются незаметно — и возникает великое пламя массового гнева. Так произошло и на Лисьих островах.

Начало кровавых событий

Незадолго до знаменитого восстания 1763 года мореход Петр Дружинин со своими товарищами на острове Сиданак построил крохотную деревянную крепость. Вероятно, это было первое русское оборонительное сооружение на островной Америке.

В начале XIX века историк Василий Берх писал: «В один день отправил Дружинин пять человек осматри-

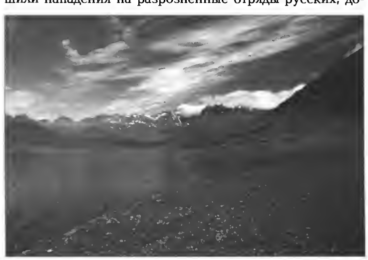
вать клепцы (капканы), и по уходе их разсудил с остальными, Степаном Карелиным, Дмитрием Брагиным, Григорием Шавыриным, Иваном Коковиным и еще одним промышленным, коего имя неизвестно, посетить жилища островитян.

Побыв там некоторое время, начали уже они собираться домой; вдруг один Алеут ударил Дружинина дубиною по голове, а остальные... зарезали его ножами. После сего напали они на Шавырина; но он имел при себе топор, оборонялся оным, и убежал в свое зимовье. Коковин... был также окружен, повергнут на землю, и уже островитяне начали колоть его костяными ножами, как вдруг прибежал к нему на помощь Карелин и разогнав сих неистовых Алеутов, спас своего товарища».

Берх был уверен, что островитяне действовали по заранее обдуманному плану. Заговор сложился до встречи с Дружининым и его людьми. Вскоре алеуты сожгли крепость. Лишь немногим русским удалось спастись.

Сражение на Унимаке

В конце 1763 года на Лисьих островах алеуты совершили нападения на разрозненные отряды русских, до-



На острове Унимак

бывавших пушнину. Внезапные атаки погубили десятки промышленников.

Вдохновленные победами на суше, алеуты не побоялись нападать и на промысловые корабли русских. На острове Уналакше им удалось сжечь судно «Св. Захарий и Елизавета», а на Умнаке — судно «Св. Иоанн».

Печальная участь постигла и галиот «Св. Николай». Он бросил якорь в небольшом заливе полуострова Аляска. С острова Унимак, расположенного в нескольких милях от этого места, пришло тревожное сообщение: местные жители готовят нападение на галиот «Св. Николай».

Иннокентий Вениаминов отмечал: «Может быть это было и правда, потому что Унимакские Алеуты и между самыми Алеутами считались как самые не дружественные».

Русские промысловики поверили сообщению и решили нанести упреждающие удары. На следующий день они ринулись на Унимак. Один за одним были уничтожены четыре алеутских селения. Память о погибших от рук островитян соотечественниках обозлила промышленников до того, что они убивали женщин и стариков.

Но возле пятого селения русские получили отпор. Внезапная атака не удалась. Алеутов здесь было в несколько раз больше, чем промысловиков, и они подготовились к встрече с противником.

После перестрелки и рукопашной русские бросились бежать к судну. К островитянам подошло подкрепление из других селений. Лишь горстке промысловиков, отстреливаясь и отбиваясь топорами и палашами от наступающих, удалось добраться до своего судна. Огнем из пушек галиота они смогли остановить атаку алеутов. Несколько раз туземцы кидались в наступление, пытались захватить корабль «Св. Николай», но потеряли много людей.

«Дух смерти принял дар»

Совершив нескольких неудачных попыток уничтожить судно и его экипаж, туземцы наконец отступили. Но судьба русских на галиоте оказалась незавидной. В записках того времени не упоминается, почему «Св. Нико-

лай» после кровавых событий тут же не отправился на Камчатку, а остался на месте на зимовку.

Поломки на корабле, не позволявшие совершить долгий океанический переход? Желание промышленников, несмотря на большие потери в своих рядах, продолжить добычу зверя? Какие-то другие причины?..

Остается лишь предполагать.

Русские на галиоте оказались в осаде. К началу зимы кончилась провизия. Голод, цинга, холод добивали остатки экипажа «Св. Николая». Изможденным, больным людям приходилось постоянно быть начеку. Туземцы периодически совершали атаки на корабль. Кое-как удавалось отбиваться от этих нападений.

Одна молодая алеутка, влюбленная в русского морехода, попыталась доставить на галиот продукты. Но соплеменники схватили ее и искромсали девушку ножами. Казнь совершили так, чтобы это видели русские. Ружейные выстрелы с корабля не смогли спасти отважную влюбленную. Несколько дней ее окровавленные останки лежали на берегу для устрашения русских и в назидание другим алеутам.

Захватить «Св. Николая» туземцам удалось, лишь когда последние пятеро мореходов уже не смогли взяться за оружие. Обездвиженные от голода, болезней и ран, они молча наблюдали, как алеуты ворвались на корабль. Едва живых русских островитяне добили копьями и ножами.

Сам галиот алеуты объявили проклятым и принадлежащим отныне духу смерти. Поэтому туземцы не взяли с корабля ни одного предмета. «Св. Николай» они подожгли. Запасы пороха на галиоте островитяне то ли не обнаружили, то ли намеренно оставили, чтобы они тоже достались духу смерти.

Радость и ликование победителей прервал мощный взрыв. Большинство находившихся на корабле и рядом с ним людей были убиты или ранены. «Дух смерти принял дар» — объявили алеутские старейшины. Теперь он, по их мнению, навсегда защитит алеутов от русских.

Но старейшины ошиблись. Через год или два на Унимаке снова появились чужеземные промысловики. Мно-

гие жители острова стали сотрудничать с ними. Вот только не показывали им проклятое место, где погиб галиот «Св. Николай» и была казнена молодая алеутка.

Во время восстания на Лисьих островах (о. Унимак, о. Уналяска, о. Умнак) в 1763—1764 годах туземцы убили примерно 162 человека, входивших в состав экипажей русских промысловых судов. По другим данным, это число значительно больше. Неизвестно точно, сколько русских умерло за тот период от голода и болезней. Четыре корабля алеуты сожгли.

Количество погибших в ходе этого восстания туземцев не установлено. Вероятно, более пяти тысяч жителей Лисьих островов...

Промысловый флот на Тихом океане

Пожалуй, не было ни одного года во второй половине XVIII века на Аляске и на северных тихоокеанских островах Америки без вооруженных стычек и кровопролития. И все же и в те времена преобладала тактика мирного освоения земель Нового Света и сотрудничества между русскими и аборигенами.

О том, как стремительно осваивался промысел русских в первые сорок лет (с 1743 по 1783 год) у северо-западных берегов Америки и в районе Алеутских островов, можно судить по данным о судах, бороздивших воды Тихого океана, приведенным в книгах Р.В. Макарова, А.С. Полонского, В.Н. Берха:

1743—1744 гг. — судно «Св. Петр» («Капитон») — под командованием Е.С. Басова. Основные места промыслов — Командорские острова;

1745—1746 гг. — «Св. Евдокия» («Евдокия») — М.В. Неводчиков. Ближние Алеутские острова;

1747—1749 гг. — «Св. Иоанн» — Г. Чудинов. Ближние Алеутские острова;

1749—1752 гг. — «Св. Иоанн» — Е. Санников. Ближние Алеутские острова;

1750—1752 гг. — «Св. Симеон и Иоанн» — А. Воробьев. Ближние Алеутские острова. Судно разбилось у острова Беринга;

1750—1752 гг. — «Св. Петр» — Д. Наквасин. Судно потерпело крушение у острова Атту;

1750—1753 гг. — «Св. Николай» — С. Шеверин. Ближние Алеутские острова;

1753—1755 гг. — «Св. Иеремия» — П. Башмаков. Алеутские острова;

1753—1755 гг. — «Св. Иоанн» — В. Обухов, Ф. Жуков. Остров Атту;

1754—1757 гг. — «Св. Николай» — Р. Дурнев. Остров Атту;

1756—1758 гг. — «Св. Петр и Павел» — П. Башмаков. Андреяновские и Крысьи острова;

1756—1759 гг. — «Св. Андреян и Наталья» — А. Толстых. Ближние Алеутские острова;

1757—1761 гг. — «Св. Капитон» — И. Студенцов. Остров Кыска. Судно разбилось на Крысьих островах;

1758—1762 гг. — «Св. Иулиан» — С.Г. Глотов. Лисьи острова: Умнак, Уналашка;

1758—1763 гг. — «Св. Владимир» — Д. Панков. Алеутские острова до Унимак;

1758—1763 гг. — «Св. Иоанн Предтеча» — П. Верхатуров, Р. Дурнов. Остров Атту;

1758—1763 гг. — «Св. Николай» — Л. Наседкин. Ближние Алеутские острова;

1759—1761 гг. — «Св. Петр и Павел» — П. Башмаков. Ближние Алетуские острова;

1759—1762 гг. — «Св. Захарий и Елизавета» — С.Я. Черепанов. Ближние Алеутские острова;

1760—1762 гг. — «Св. Гавриил» — Г. Пушкарев. Полуостров Аляска;

1760—1763 гг. — «Св. Иоанн Устюжский Чудотворец» — А. Воробьев. Крысьи и Ближние Алеутские острова;

1760—1764 гг. — «Св. Андреян и Наталья» — А. Толстых. Андреяновские острова;

1761—1763 гг. — «Св. Иоанн» — Д. Медведев. Остров Умнак. Судно уничтожено алеутами;

1762—1763 гг. — «Св. Живоначальная Троица» — И. Коровин. Остров Уналашка. Судно уничтожено алеутами;

1762—1763 гг. — «Св. Петр и Павел» — П. Башмаков. Ближние Алеутские острова;

1762—1766 гг. — «Св. Андреян и Наталья» — С.Г. Глотов. Остров Кадья и Лисьи острова;

1763 г. — «Св. Николай» — Л. Наседкин. Аляска, остров Унимак. Судно уничтожено алеутами;

1764—1766 гг. — «Св. Петр и Павел» — И.М. Соловьев. Лисьи острова;

1764—1766 гг. — «Св. Иоанн Устюжский Чудотворец» — В. Шошин. Ближние и Лисьи острова;

1765—1769 гг. — «Св. Владимир» — А. Сапожников. Остров Атту;

1766—1770 гг. — «Св. Апостол Павел» — А. Очередин. Лисьи острова;

1767—1772 гг. — «Св. Андреян и Наталья» — Д. Вторушин. Лисьи острова;

1767—1770 гг. — «Св. Петр и Павел» — И. Коровин. Андреяновские острова;

1768—1773 гг. — «Св. Николай» — С.Я. Черепанов. Ближние и Андреяновские острова;

1770—1774 гг. — «Св. Александр Невский» — Д. Панков. Андреяновские острова;

1770—1775 гг. — «Св. Апостол Павел» — И. Соловьев. Лисьи острова и Саннах;

1772—1776 гг. — «Св. Петр и Павел» — И. Коровин. Андреяновские острова;

1772—1779 гг. — «Св. Владимир» — П.К. Зайков. Аляска. Острова Кадьяк и Унимак;

1772—1778 гг. — «Св. Михаил» — Д. Полутов. Кадьяк и Лисьи острова;

1773—1779 гг. — «Св. Евпл» — Я.И. Сапожников. Лисьи острова;

1776—1781 гг. — «Св. Апостол Павел» — Г.Г. Измайлов. Лисьи острова;

1770—1782 гг. — «Св. Андрей Первозванный» — Г. Пушкарев, К.А. Самойлов. Острова Амчитка и Атту;

1777—1781 гг. — «Св. Варфоломей и Варнава» — С. Корелин. Андреяновские острова;

1777—1781 гг. — «Св. Изосим и Савватий» — И. Должанов. Ближние острова;

1778—1785 гг. — «Св. Климент» — А. Очередин. Кадьяк и Лисьи острова;

1778—1785 гг. — «Св. Николай» — Д. Покутов. Аляска, Лисьи острова и Кадьяк;

1779—1785 гг. — «Св. Иоанн Предтеча» — А. Сапожников. Андреяновские и Ближние острова;

1780—1786 гг. — «Св. Евпл» — Д. Панков. Аляска. Унимак. Шумагинские острова. Судно потерпело крушение у острова Амля;

1780—1786 гг. — «Св. Михаил» — Ф. Мухоплев. Лисьи острова;

1780—1786 гг. — «Св. Иоанн Рыльский» — Ф. Меншиков. Ближние Алеутские острова. Судно разбилось;

1781—1786 гг. — «Св. Петр и Павел» («Павел») — Т. Сапожников. Крысьи острова. Судно разбилось у острова Амчитка;

1781—1786 гг. — «Св. Алексей Человек Божий» — Е.И. Деларов. Лисьи и Шумагинские острова;

1781—1789 гг. — «Св. Георгий Победоносец» — Г.Л. Прибылов. Лисьи и Прибылова острова;

1781—1791 гг. — «Св. Александр Невский» — П.К. Зайков. Аляска. Лисьи и Прибылова острова;

1782—1786 гг. — «Св. Изосим и Савватий» — П. Савельев. Алеутские и Прибылова острова;

1782—1791 гг. — «Св. Варфоломей и Варнава» — С. Корелин. Лисьи и Шумагинские острова;

1783—1786 гг. — «Три Святителя» — Г.Г. Измайлов. Остров Кадьяк;

1783—1789 гг. — «Св. Павел» — С. Зайков. Остров Кадьяк. Судно разбилось у Командорских островов;

1783—1792 гг. — «Св. Архистратиг Михаил» («Св. Михаил») — В. Олесов. Остров Кадьяк;

1783—1793 гг. — «Св. Симеон» — Д.И. Бочаров. Кадьяк и острова Прибылова...

Вероятно, это не полный список русских судов, бывавших у тихоокеанских берегов Северной Америки и

Алеутских островов. В основном они строились на Камчатке и на верфях побережья Охотского моря.

Несмотря на человеческие жертвы и экономические потери, добыча пушнины в Новом Свете оказалась весьма выгодной для России.

Для защиты и освоения территории

В своих исследованиях Василий Берх приводит сведения о результатах этого промысла в северных тихоокеанских землях Америки: «Обозрев ведомости мехам, вывезенным разными компаниями от 1743 по 1823 год, выходит, что в течение 80 лет, включая казенный ясак, вывезено следующее количество мягкой рухляди:

Котов морских — 2 324 364;
Бобров морских (каланов) — 200 839;
Хвостов бобровых — 143 689;
Голубых песцов — 108 865;
Лисиц красных — 57 638;
Речных бобров — 58 729;
Лисиц сиводушек — 44 904;
Лисиц чернобурых — 30 158;
Выдр — 22 807;
Соболей — 18 121;
Норок — 5349;
Белых песцов — 5130;
Зубу моржеваго — пудов 2761;
Медведей — 2650;
Усов китовых — пудов 2988;
Рысей — 1819;
Росомах — 1234;

...получила казна — кроме ясака, означенного в особой графе, значительные выгоды. С каждого груза частных компаний выделяли одну десятую часть в казну».

И выгоды от промысла в Новом Свете, и связанные с ним человеческие жертвы, и экономические потери приводили к мысли о необходимости создания мощной компании, объединяющей финансистов, судовладельцев, промысловиков, торговцев, военных. Это понимали и в правительственных кругах, и в купеческой среде.

Пушнина

Российскому государству и предпринимательству требовалось монопольное объединение для защиты и освоения территорий Нового Света, для успешной конкуренции с иностранными компаниями. Необходимо было проведение научных экспедиций по островной и континентальной Америке, создание там постоянных поселений, оборонительных сооружений и снабжение колоний продуктами, оружием, жизненно важными предметами.

Кто мог это осуществить?..

СОЗДАНИЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Польза и выгода, проистекающая для Империи Нашей от промысла и торговли, производимых верноподданными Нашими по северо-восточному морю и в тамошнем крае Америки, обратили на себя Наше Монаршее внимание и уважение. Почему, принимая в непосредственное покровительство Наше, составившуюся по предмету оных промыслов и торговли компанию, повелеваем ей именоваться: под Высочайшим Нашим покровительством: российско-американская компания.

Император Павел I

«КОЛУМБ РОССИЙСКИЙ»

Сужу я, что необходимо нужно распространить мореплавание наше по Тихому океану далее нынешних пределов... ездить в Кантон, Макао, в Баватию, в Филиппинские и Марианские острова.

Григорий Шелехов, предприниматель, исследователь, просветитель. XVIII век

«Услыхал зов волнительный»

О детстве и юности Григория Ивановича Шелехова (Шелихова) мало что известно. Родился в 1747 году в городе Рыльске Курской губернии.

От земляков, побывавших в Сибири и на Дальнем Востоке, слышал он с малых лет удивительные истории о да-

леких землях. Так возникло желание самому побывать в неизвестных краях.

В конце жизни Григорий Иванович рассказывал родственникам, что в песнях курских соловьев он «услыхал зов волнительный, манящий в даль»...

Был ли этот зов на самом деле? Вероятнее, что в дальние края молодого купеческого сына увлекли его предприимчивость, смекалка, любознательность.

Вначале из родного Рыльска Шелехов отправился в Иркутск. Во второй половине XVIII века этот город был важным культурным, ремесленным и торговым центром Сибири. В этом городе Григорий Иванович служил у своего земляка, курского купца Ивана Ларионовича Голикова.

В 1775 году Шелехов, Голиков и еще несколько сибирских предпринимателей организовали компанию. Ее главной целью была добыча пушнины на северных островах Тихого океана и на Аляске.

В интересах деятельности компании Григорий Иванович переехал в Охотск.

Первый исследователь и знаток Русской Америки Василий Берх в своих записках всегда с восторгом отзывался о Шелехове. О начале деятельности Григория Ивановича на Дальнем Востоке он писал: «Предприимчивый муж сей прибыв в Охотск из Кяхты, вступил тотчас в связи с Якутским купцом Лебедевым-Ласточкиным, и обратил сначала взор свой на Курильские острова.

Желая однако же иметь участие и в промысле с Алеутских островов, или влекомый может быть, тайным предчувствием к той части света, которая увековечила имя его, вступил он в новое сотоварищество с Камчатским купцом Лукою Алиным. Общим иждивением построили они судно в Нижнекамчатске, и наименовав оное Св. Павлом, отправили 1776 года на острова.

...1777. Компания купцов Рыльского Григория и Петра Пановых, снарядим в сем году судно, названное ими Варфоломеем и Варнавою, отправила оное из Нижнекамчатска на Алеутские острова».

Спустя четыре года Шелехов отправил к Алеутским островам и к берегам Аляски еще три судна. Экипажи

Коренной житель острова Уналяска

этих кораблей не только добывали пушнину, но и совершали географические открытия и проводили исследования американских земель.

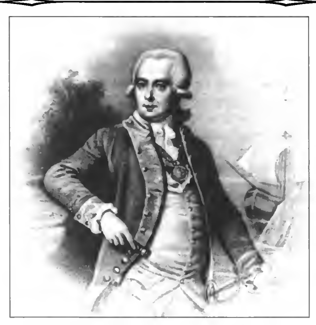
Так команда «Св. Георгия», во главе которой стоял штурман Герасим Прибылов, открыла два острова, расположенные неподалеку от Уналашки. Впоследствии им присвоили имя Прибылова.

Переезд в Америку

Капитан-лейтенант, чиновник Российско-американской компании, а в дальнейшем историк Петр Тихменев писал, что Шелехова беспокоило усиление недоброжелательного отношения жителей американских островов и Аляски к русским: «Видимое уменьшение пушных промыслов, вражда туземцев к незваным пришельцам, насильственные поступки последних и проч. требовали безотлагательных мер к коренному преобразованию обыкновенного хода дел в тех местах и изыскания способов к правильному развитию промысла.

К тому же, недостаток положительных сведений об Алеутских островах вообще и самая непрочность прав России на владение ими подала Шелехову мысль положить более тесную связь между тем краем и его отечеством. С этой целью он решился отправиться сам на Алеутские острова и на берега северной Америки...»

В 1783 году компания Шелехова и братьев Голиковых построила корабли: «Три Святителя», «Св. Михаил», «Симеон и Анна». В августе эти галиоты отправились к берегам Америки. Григорий Иванович находился на судне «Три Святителя». Насколько серьезно он решил обосноваться в Новом Свете, свидетельствует то, что с ним в



Г.И. Шелехов — «Колумб Российский»

опасное путешествие отправились его жена Наталья Алексеевна, сын Михаил и дочь Авдотья.

Через несколько дней сильный шторм едва не погубил маленькую флотилию. Г.И. Шелехов вспоминал: «Буря сия столь была велика, что лишались и надежды в своей жизни...»

Экспедиции пришлось зазимовать на острове Беринга. Летом 1784 года галиоты «Симеон и Анна» и «Три Святителя» подошли к острову Кадьяк. Здесь Григорий Иванович основал первое постоянное русское поселение на американских островах Тихого океана. От Кадьяка до материкового берега Нового Света было всего лишь около шестидеясти пяти километров.

«И повелели духи уничтожить пришельцев»

Кадьяк — гористый остров со множеством быстрых речек, покрытый лесами. Обитали на нем кадьякские эскимосы, которые называли себя «конягами».

Многие аборигены вначале отнеслись настороженно к пришельцам. Хотя с некоторыми из них Шелехов и его спутники подружились с первых дней пребывания на острове.

Однако в начале августа 1784 года произошло серьезное столкновение русских с кадьякцами.

В «Историческом обозрении образования Российско-Американской Компании...» Петр Тихменев дал подробное описание этого вооруженного конфликта отряда Шелехова с островитянами.

«Неприязненные намерения туземцев вскоре обнаружились следующим образом: люди, посланные на байдарах для осмотра острова и звериных убежищ... заметили множество коняг, собравшихся, в числе до четырех тысяч человек, на находившемся в некотором разстоянии от берега и неприступном с моря утесистом островке...».

Григорий Иванович осознал опасность такого «собрания» и отправил к туземцам депутацию с предложением начать мирную торговлю. Но кадьякцы ответили угрозами и потребовали, чтобы русские убрались с острова.

«Тогда Шелехов, с бывшими при нем промышленниками, сам отправился к их сборищу и снова, всевозможными убеждениями, старался уговорить коняг вступить с ним в дружеские сношения...

Эти слова его не произвели желаемого действия; несколько стрел, пущенных дикими в промышленных заставили их удалиться к гальйотам и принять меры на случай нечаянного нападения. В самом деле, чрез несколько дней, среди глубокой ночи, дикие, приблизившись незаметно к гавани, бросились на русских. Борьба длилась до рассвета с одинаковым ожесточением с обеих сторон. Чувство самосохранения заставило промышленников драться с отчаянною храбростию, и наконец неприятель, несравненно превосходивший их числом, обратился в бегство».

Один из перешедших на сторону русских туземец сообщил Шелехову, что на войну кадьякцев подбили горные духи: «И повелели они уничтожить белых пришельцев. Иначе все жители острова погибнут от неизлечимых болезней...»

В «горных духов» Григорий Иванович не верил. А вот обычных зачинщиков бунта приказал выявить.

Возобновление сотрудничества

Шелехов понимал: до желаемого мира на острове еще далеко, и туземцы снова попытаются уничтожить русских. Его опасения вскоре оправдались.

Через несколько дней после первых сражений перебежчик-островитянин сообщил Григорию Ивановичу: «Коняги ожидают значительного подкрепления от соседних племен. Так что вскоре возобновятся нападения на русских. Горные духи по-прежнему требуют уничтожения всех пришельцев...».

Григорий Иванович решил: медлить нельзя, надо первым нанести удар. Его отряд из русских и алеутов атаковал туземцев. С пистолетом и саблей в руках Шелехов сам кинулся на противника. Островитяне были разгромлены. Они бежали, оставив своих раненых победителям. Среди русских потерь не было.

Петр Тихменев отмечал: «Решимость Шелехова одним ударом сокрушить главные силы кадьякцев... поколебала самоуверенность этих островитян, утвердившуюся в прежние годы от удачных для них столкновений с прочими промысловыми компаниями, которые они постоянно заставляли удаляться от их берегов».

После этой победы злобные духи острова Кадьяк вроде бы перестали призывать к уничтожению белых пришельцев. Большинство восставших туземцев возобновили сотрудничество с русскими.

Однако боевые действия Шелехова подвергались критике и его современниками, и исследователями истории Русской Америки XX—XXI веков. Григория Ивановича обвиняли в жестокости и вероломстве по отношению к туземцам, в приукрашивании своих побед.

Просветительская деятельность

С наступлением мира на Кадьяке русские продолжили пушной промысел и исследования острова. Люди Шелехова обнаружили здесь медную руду, горный хрусталь,

янтарь, жемчуг, слюду. Они составляли карты, описание Кадьяка и других американских островов.

Григорий Иванович направил экспедицию на материк. Несколько месяцев этот отряд изучал побережье Аляски, вел поиски полезных ископаемых, наносил на карту участки неизвестной земли. Встречалась экспедиция и с индейцами континентальной Америки. Благодаря им русские путешественники собрали немало информации о быте, нравах, традициях аборигенов, о природе, климате и географических объектах этого уголка Нового Света.

В конце 1785 года Шелехов писал: «...И по усердному нашему желанию американских предел помощью Божию уже дошли и через годичное время здесь и в Кенаях (имеется в виду Кенайский полуостров) немало народов нашли...

И торг сей стороны с обитателями завели, места с их угодьями, частью осмотря, описали на карту и план положили...»

Наличие строевого леса на Кадьяке позволило русским изготавливать шлюпки, а также возвести укрепленные селения на острове Афогнак (вблизи Кадьяка) и на берегу Кенайского залива. К их строительству были привлечены сотни аборигенов.

Шелехов потратил немало сил и времени на обучение туземцев грамоте, ремеслам, земледелию, разведению коз и свиней. Этих животных русские привезли с собой на остров.

Уже после возвращения из Америки Григорий Иванович вспоминал о кадьякских эскимосах: «Должен отдать народу сему справедливость, в остроте ума, ибо дети их весьма скоро понимали свои уроки и некоторые до отъезду моего столько выучились по-российски говорить, что без нужды можно было их разуметь».

При отбытии на родину Шелехов наказывал Евстрату Деларову, которого впоследствии назначил правителем острова Кадьяк: «...ребят американцев учить мореплаванию, арифметике... чтобы со временем были из них мореходы и добрые матрозы; также мастерством разным учить их надобно, особливо плотничеству... держи их при

себе, содержи пищею... кто учитца хорошо, тем гостинца пришлю на судне».

А в письме от 10 декабря 1789 года Григорий Иванович вспоминал о своем пребывании в Новом Свете: «Заведенная ж мною там школа в успехах плоды свои довольна оказывает: от многих обучившихся грамоте американцов получил уже нынче я письма. Ныне ж помышляю о постройке церкви».

Возвращение на родину

В 1786 году Шелехов покинул Америку. Провожали его не только русские поселенцы. Попрощаться с ним прибыли сотни туземцев с разных уголков острова.

Обратный океанический путь на родину для Шелехова и его близких прошел относительно спокойно. Зато сухопутный — от Алдана до Иркутска — оказался весьма трудным и опасным. Часто приходилось преодолевать огромные расстояния пешком, несмотря на мороз, ночевать под открытым небом в сугробах, по многу дней питаться лишь сухарями.

Конечно, Григория Ивановича больше всего беспокоило, выдержат ли этот переход его жена Наталья Алексеевна и малолетние дети Михаил и Авдотья.

В апреле 1787 года путешественники наконец достигли столицы Сибири. Шелехов ознакомил иркутского генерал-губернатора Ивана Варфоломеевича Якоби (по другим документам — Якобий) с результатами экспедиции к берегам Америки, представил вновь составленную карту тех земель, где побывал, и описание заложенных им поселений.

Генерал-губернатор высоко оценил деятельность Шелехова в Новом Свете. Спустя некоторое время, на основании отчета Григория Ивановича, Якоби в письме докладывал императрице Екатерине II о «способах к утверждению владычества России на берегах Америки, об образовании управления туземными народами и улучшении их жизни».

Он советовал государыне вместо ясака собирать с американцев добровольную подать.

Г.Р. Державин

В своем докладе иркутский генерал-губернатор обстоятельно писал о заслугах Григория Ивановича: «...должно сказать, что из всего сделанного Шелеховым видно гораздо более радения о пользах отечества, чем о собственных выгодах. Склонение им враждебных и диких народов к сознанию блага своего в мирных сношениях с людьми, пришедшими к их берегам, по справедливости, достойно удивления.

...обучение Шелеховым детей туземцев закону Божию и грамоте имели благодатное влияние на умы их от-

цов, не говоря уже о том, что выказали в этом человеке великое терпение в достижении задуманной цели».

Генерал-губернатор просил императрицу «...поддержать начатое Шелеховым» и в виде награды предоставить его компании исключительное право промышлять зверей в землях, открытых экспедицией Шелехова, — «то есть от 49—60 градусов широты и от 53—63 градусов долготы».

Екатерина II и ее правительство благосклонно отнеслись к деятельности Григория Ивановича в землях Нового Света. Последовал высочайший вызов в Санкт-Петербург. В столице Шелехов и его компаньон Иван Голиков были награждены серебряными шпагами и золотыми медалями на Андреевской ленте. Надпись на этих медалях гласила: «За усердие к пользе государственной распространением открытия неизвестных земель и народов и заведения с ними торговли».

Вероятно, именно в то время знаменитый поэт и государственный деятель Гавриил Державин назвал Шелехова «Колумбом Российским».

Неосуществленные замыслы

После недолгого посещения Санкт-Петербурга Григорий Иванович снова отправился в Сибирь. В 1789 году он прибыл в Охотск. Своего товарища Евстрата Деларова Шелехов назначил правителем острова Кадьяк и русской колонии на «матерой Американской земле».

Григория Ивановича беспокоили известия о появлении в районе Алеутских островов иностранных кораблей. Евстрату Деларову он писал: «От иностранцев буте осторожны... И отнюдь ныне кому секретов, вверенных тебе, не открывай, помни священные слова: буте мудры, яко змии, а целы яко голуби... не допущать ни до малейших не только обид, но и огорчения американцов».

Шелехов знал, что экипажи иностранных судов снабжают аборигенов северной тихоокеанской части Нового Света оружием и спиртными напитками, собирают разведданные о пребывании русских в Америке. Кроме

того, иностранные компании и промысловые корабли являлись серьезными конкурентами в добыче пушнины.

Несмотря на поддержку в Санкт-Петербурге, у Шелехова было немало недоброжелателей и в столице империи, и в Сибири. Сказывалась конкуренция среди русских купцов и промышленников. Тем не менее неутомимый Григорий Иванович продолжал способствовать переселению соотечественников в земли за океаном, организовывал экспедиции в Новом Свете, налаживал регулярное сообщение с Русской Америкой и снабжение колонистов.

В 1791 году в Санкт-Петербурге вышла книга «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелехова странствие с 1783 по 1787 год из Охотска по Восточному Океану к Американским берегам и возвращение его в Россию...». Вскоре эта книга стала известной не только в отечестве, но и за рубежом и была переведена на английский и немецкий языки. Затем вышла в свет вторая работа Шелехова, в которой описывались природа северо-западной Америки, жизнь и быт разных племен Нового Света.

Многие замыслы, связанные с Русской Америкой, Григорию Ивановичу не удалось осуществить. Он мечтал открыть и исследовать все острова северной части Тихого океана, отправить научные экспедиции вглубь американского континента, создать мощную богатую Русскую колонию в Новом Свете. В 1795 году, в возрасте 48 лет, Шелехов скончался.

Наталия Алексеевна Шелехова, желая продолжать планы мужа, связанные с Новым Светом, писала: «...всю северной части Америку за залив Лтуа причислить к России и всю сию обширность во общем наименовании Россиею назвать. От Кинайского ж залива за залив Лтуа матерой Америки берег наименовать и другим еще именем, под именем области Славороссии, ибо российское селение, где посельщики и духовенство поселятца, то место велено назвать Славороссиею».

И этому не суждено было осуществиться. Хотя на карте Америки все же появилось немало свидетельств дея-

тельности русских в Новом Свете. Не забыта и Наталия Шелехова. Так, мысу, заливу и полуострову на острове Ситкалидак, расположенному неподалеку от Кадьяка, в XX веке американцы присвоили ее имя.

Ну а сам Григорий Иванович увековечен в Новом Свете в названиях заливов, рек, проливов.

Гавриил Державин так отозвался на смерть знаменитого предпринимателя и исследователя:

Колумб здесь российский погребен,
Проплыл моря, открыл страны безвестны,
Но, зря, что все на свете тлен,
Направил паруса во океан небесный.

Эти строки были высечены на мраморном надгробии Григория Шелехова.

Соратники и партнеры продолжили его дело. В июле 1799 года при поддержке правительства императора Павла I была учреждена Российско-американская компания. В нее вошли существовавшие ранее компания Шелехова и компании других русских предпринимателей.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Действия Компании тесно сопряжены с пользами государства, и что по сей единой уже причине служение Компании есть служение Отечеству.

Из Обозрения состояния Российско-Американской Компании с 1799 по 1819 г.

«Под высочайшим покровительством»

Хоть и пыталось правительство Павла I проводить в тайне создание нового монопольного предпринимательского объединения, сохранить секрет не удалось. Слух разошелся не только по Российской империи, но и взволновал правительственные и деловые круги Англии, Испании, Франции, Северной Америки.

Император Павел I

8 июля (по старому стилю) 1799 года Павел I на «Привилегий Высочайше пожалованыя Компании» написал: «Быть по сему».

В этом документе сообщалось: «По открытию из давних времен Российскими мореплавателями берега Северо-Восточной части Америки, начиная 55 градусов Северной широты, и гряд островов простирающихся от Камчатки на Север и Америке; а на Юг и Японии, и по праву обладания оных Россиею, пользоваться компании всеми промыслами и заведениями находящимися ныне на Северо-Восточном берегу Америки от вышеозначенного 55 градуса до Берингова пролива и за оный, також на островах Алеутских, Курильских и других по Северо-Восточному Океану лежащих.

Делать ей (Российско-американской компании) новой открытия не токмо выше 55 градусов Северной широты, но и оной далее к Югу и занимать открываемые ею земли в Российское владение на прежде предписываемых правилах, если оные никакими другими народами не были заняты...

Пользоваться ей всем тем, что до ныне в сих местах как на поверхности, так и в недрах земли было ею отыскано и впредь отыщется, без всякого со стороны других на то притязания.

...Позволяется компании на будущее время, по надобности и лучшему разумению ее, где она за нужное найдет, заводить селения и укрепления для безопасного жилища, отправляя в сей край суда с товарами и промышленниками...»

Царское правительство намеревалось создавать русские колонии в северной тихоокеанской части Нового Света, использовать природные богатства и трудовые ресурсы этого региона. Монопольному объединению «Российско-Американская Компания» придавались широчайшие полномочия. Только такая структура, поддерживаемая императорской властью, могла конкурировать с иностранными предпринимателями и вытеснять их из северного тихоокеанского региона. Но по здравому разумению правительства столь мощному объединению необходим был строгий контроль со стороны государства.

Десятирублевая марка Российско-американской компании

Создание Российско-американской компании вызвало недовольство не только иностранных промысловиков, но и отече-

ственных. Они понимали, что монополия и государственный надзор во многом ущемит их права.

Не обошлось без конфликтов и между акционерами новой компании. Наследники Григория Ивановича Шелехова стремились занять в ней главенствующее положение. Как сообщал иркутский гражданский губернатор: «...сами начальные товарищи (основные акционеры) Голиков, Мыльников и поверенный Шелеховой (Наталии Алексеевны), начали друг на друга приносить жалобы в разных будто бы одного перед другим невыполнениях».

Здание торгового пункта Российско-американской компании в Ситке

Наследники Григория Ивановича Шелехова, используя свои связи при императорском дворе, сумели добиться ведущего положения в Российско-американской компании.

Венценосные акционеры

По замыслам царского правительства, новое монопольное объединение должно было способствовать закреплению России не только на Алеутских островах и на Аляске, но и по всему западному побережью Северной Америки, охватывая Калифорнию и Гавайи, а также Сахалин и устье Амура.

Это открывало для Российской империи возможность контролировать морскую торговлю с Китаем, Индией, народами Дальнего Востока и успешно противостоять влиянию англичан, голландцев и испанцев в Тихом океане.

По мнению министра коммерции графа Николая Петровича Румянцева, «российско-американские селения, видя возможность сбывать в разных местах рухлядь (пушнину), рыбу, жиры и прочие естественные произведения, привлекли бы к себе разного рода людей, в науках и художественных испытанных, приступили бы к учреждению заводов и фабрик, как то для выделки металлов, кож и протчего, и таким образом мало по малу образовались бы там общества художников и ремесленных, из селений возникли наконец, города, посредством которых торговля с обеими Индиями (имеется в виду Вест- и Ост-Индии) получила бы со временем прочное обоснование».

Насколько серьезным было отношение в правящих кругах к Российско-американской компании, свидетельствует приобретение ее акций членами царской фамилии. Весной 1802 года Александр I писал: «Господа Директоры Российско-Американской Компании.

Желая означить, сколь полезным нахожу я коммерческое заведение, вами управляемое, и сколь приятно мне видеть его расширение, я признал за благо внести в капитал его десть тысяч рублей в пользу бедных на двадцать акций, кои компания имеет выдать на имя управляющего Кабинетом. Мне весьма приятно будет, если пример

Вдовствующая императрица Мария Федоровна владела акциями Российско-американской компании на сумму две тысячи рублей

сей усилив общее доверие к сему заведению, ближе ознакомит частных людей с сею новою отраслию отечественной промышленности, соединяющей в себе столь тесно частные выгоды с пользами Государства».

Примеру Александра I последовали и другие члены императорского дома. Вдовствующая императрица Мария Федоровна приобрела акций Российско-американской компании на две тысячи рублей, а прибыль направила «в пользу коммерческого училища». Акционерами стали императрица Елизавета Алексеевна и великий князь Константин Павлович.

Конечно, такое внимание царской семьи к Российско-американской компании возвысило ее положение. Однако с новыми возможностями возникли новые проблемы, не всегда успешно решались старые. Конкуренция, борьба за влияние в северной части Тихого океана, нехватка продовольствия, болезни колонистов, взаимоотношения с туземным населением постоянно беспокоили правителей Компании на протяжении всего периода ее существования.

Дом у Синего моста

В 1800 году главное правление Российско-американской компании обосновалось в одном из престижных домов Санкт-Петербурга. Находился он на Мойке у Синего моста.

В главное правление входило несколько директоров, состоявших вначале только из купцов. Но после того как

император Александр I стал акционером Компании, в ее руководстве появились столичные чиновники, офицеры армии и флота.

Великий князь Константин Павлович, как и его брат император Александр I, был акционером Российско-американской компании

Это было необходимо, поскольку и само правление, и русские колонии в Новом Свете нуждались в разных специалистах: военных, корабелах, мореходах, инженерах, врачах, строителях, ученых, картографах, образованных администраторах и чиновниках и т.д.

В доме на Мойке у Синего моста собирались для обсуждения и решения дел колонии дворяне, купцы, промысловики, мастеровые. В самом начале XIX века подобное сотрудничество разных сословий для России еще было редкостью. Так что Российско-американская компания отчасти способствовала развитию новых взаимоотношений, деловому партнерству в империи.

Поэт К.Ф. Рылеев с 1824 года был правителем канцелярии Главного правления Российско-американской компании

В Компании служило немало декабристов. С 1824 года правителем канцелярии Главного правления был один из руководителей декабрьского восстания, офицер, поэт Кондратий Рылеев. Эту должность он занимал до своего ареста.

На судах Российско-американской компании в раз-

ные годы служили декабристы Гавриил Батеньков, Василий Романов, Дмитрий Завалишин и другие.

В доме на Мойке у Синего моста нередко устраивались тайные собрания будущих участников восстания на Сенатской площади.

Когда началось следствие по делу декабристов, император Николай I высказал недовольство: «Бунтовщики облюбовали Российско-Американскую Компанию...»

ПЕРВЫЙ ПРАВИТЕЛЬ РУССКОЙ АМЕРИКИ

Стройтесь, зданья, в частях Нова Света!
Русь стремится: нутка ее мета!
Дикие народы,
Варварской природы,
Сделались многи друзья теперь нам.
Нам не важны чины и богатства,
Только нужно согласное братство,
Тем что сработали,
Как здесь хлопотали,
Ум патриотов уважим потом...

Гимн Русской Америки, сочиненный Александром Андреевичем Барановым

«Ко взаимному доброму согласию»

О начале славной деятельности первого правителя Русской Америки свидетельствует документ, подписанный в Охотске в августе 1790 года: «...мы, нижеподписавшиеся рыльский именитый гражданин Григорий Иванов сын Шелехов, каргопольский купец иркуцкий гость Александр Андреев сын Баранов постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-Восточной Компании, тамо расположенной...»

Согласно этому договору, состоящему из 12 пунктов, Александр Андреевич принимал обязательства, что в Америке он не будет обижать местных жителей и подчиненных ему русских, «...но изыскивать всевозможные и на человеколюбии основанные средства со всевозмож-

А.А. Баранов — первый правитель Русской Америки

ным решением по взаимному доброму согласию, грубых же и в варварских жетокосердых обычаях заматеревших — остерегощать и проводить в познание».

Новоиспеченный первый правитель Русской Америки возглавил команду русских промышленников из 192 человек и вскоре после подписания договора отправился на Алеутские острова.

В тот год Баранову исполнилось сорок четыре года. Он уже приобрел огромный опыт в коммерции, в налаживании производства. Но возглавлять колонии вдали от родины, в окружении неизвестных племен ему еще не приходилось.

Не случайный выбор

Почему Григорий Шелехов решил назначить на столь ответственный пост именно Баранова? В 1790 году таких предприимчивых, как Александр Андреевич, купцов,

Н.П. Резанов

обосновавшихся в Сибири, тогда было немало.

Спустя двенадцать лет мичман Гавриил Давыдов, служивший в Российско-американской компании, оставил словесный портрет: «Баранов ростом ниже среднего... белокур, плотен и имеет весьма значущие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами, хотя ему уже пятьдесят шестой год.

Дикие, живущие в отдаленности, приезжают иногда смотреть его и дивятся, что столь предприимчивые дела могут быть исполняемы человеком столь малого росту».

Шелехов слышал о Баранове задолго до их первой встречи в 1790 году. От олонецких купцов Григорий Иванович знал, что у себя в Каргополе еще в юности Баранов слыл и плясуном, и песенником, и «на забавные выдумки гораздым». Читать и писать он научился у каргопольского дьячка, а затем занялся самообразованием.

В зрелые годы Александр Андреевич писал статьи, изобретал и даже стал членом Вольного экономического общества. Несколько лет Баранов был управляющим «питейными сборами в Сибири».

В 1804 году государственный деятель и один из основателей Российско-американской компании Николай Петрович Резанов писал: «Если славить Ермака и Шелехова, то Баранов станет не ниже их, ибо он удержал и упрочил владения Шелехова и до возможной степени просветил и образовал народ ему вверенный».

Среди купцов и промышленников Александр Андреевич слыл человеком порядочным, честным и умевшим добиваться своего.

Словом, в своем выборе «начальника» Русской Америки Шелехов не ошибся.

«Не доброе начало»

Не легким оказался путь Баранова в Новый Свет. Григорий Шелехов выделил ему свой галиот «Три Святителя» под командованием Дмитрия Бочарова. Как впоследствии вспоминал Александр Андреевич: «Океан и Америка сразу решили испытать меня...»

Вблизи острова Уналашка (Уналяска) судно потерпело крушение. Этот остров находится на востоке Алеутской гряды и после 1867 года принадлежит США. Открыт он был русским мореходом Семеном Глотовым в середине XVIII века.

«Не доброе начало пусть обернется дальнейшей удачей» — так оптимистически отозвался впоследствии Баранов на кораблекрушение галиота «Три Святителя». А Шелехову он написал о своем приключении: «Судьба преследовала меня несчастьями. Может быть, увенчает конец благими щедротами или паду под бременем напряженных ее ударов...»

При кораблекрушении погибли почти все припасы. Зиму Баранов и его спасшиеся товарищи провели на острове Уналашка. Жили в землянке, питались впроголодь тем, что удавалось добыть охотой. Большинство участников экспедиции страдало от болезней. Несмотря на мучительную лихорадку, новый правитель Русской Америки составил коллекцию шкур добытых птиц и зверей, искал полезные ископаемые, записывал сведения о жизни и традициях уналашкинских алеутов и даже добывал соль из морской воды.

Весной 1791 года Баранов и его товарищи из остатков своего разбитого судна соорудили три байдарки. На них продолжили путь к месту назначения на остров Кадьяк. Там Александр Андреевич принял управление русскими колониями.

Согласно предписаниям и по собственной инициативе

Главное поселение русских на Кадьяке находилось в Трехсвятительской гавани. Однако после землетрясения

и цунами, которые произошли еще в 1788 году, оно было почти полностью уничтожено.

Баранов решил построить жилые дома, производственные помещения и контору правителя в более благоприятном и безопасном месте. Штурман Дмитрий Бочаров рекомендовал побережье залива Чиниан, расположенное в восточной части Кадьяка.

В честь наследника престола (будущего императора Павла I) новое селение назвали «Павловской гаванью».

Энергия и организаторские способности Главного правителя колоний изумляли и туземцев, и русских. Вскоре благодаря Баранову на Кадьяке появилось медеплавильное производство. На берегах Кенайского залива началась разработка угля. На островах Алеутской гряды и на Аляске стремительно возводились новые русские поселения, верфи и мастерские.

Баранов уделял большое внимание организации научно-исследовательских экспедиций для изучения Алеутских островов и материковой части Америки. В некоторых экспедициях участвовал сам.

С годами он также значительно расширил торговые связи в тихоокеанском районе, особенно с Китаем, Калифорнией и Сандвичевыми островами.

Конечно, в своих деяниях в Новом Свете Баранов опирался на предписание, полученное от Компании, но во многом проявлял инициативу и изобретательность. Он не боялся, что его обвинят в своеволии, хотя такие попытки со стороны акционеров Компании и чиновников случались.

Среди пунктов предписания, полученного Александром Андреевичем, были:

«...Обратить особое внимание на исследование американского материка в этнографическом, статистическом и гидрографическом отношениях, и на тщательное и, по возможности, подробное изготовление всех открытых земель.

...Обратить особое внимание на хлебопашество, скотоводство и различные руды металлов, солей и т.д. и сообщить замечания свои по этому предмету.

...Обратить особенное внимание на учрежденную уже школу, и доставить вообще сведения об успехах распространения просвещения, и охотно ли учатся туземцы. При том составить каталог книгам, имеющимся в кадьякской библиотеке, из числа доставленных туда Шелеховым, дабы главное правление могло пополнять эту библиотеку недостающими и вновь издаваемыми сочинениями, как на русском так и на иностранных языках.

...Доставить сведения какие в настоящее время производятся в колониях мастерства и рукоделия и в каких мастерах, также и инструментах имеется надобность, дабы компания могла их выслать немеделенно.

...Имея в виду, что в колониальных водах водятся киты в изобилии, сообщить какое число китов ежегодно выкидывает на Кадьяк и на Уналашку, какой они величины, сколько примерно может быть добыто из них жиру, усов и прочаго, — присовокупить к тому замечания об удобнейших к этой ловле способах...»

Подобные предписания и распоряжения со множеством пунктов поступали Баранову от руководства Компании едва ли не каждый год. Вероятно, у многих на его месте опустились бы руки. За что браться в первую очередь? Как успеть все исполнить?..

Но Александра Андреевича не пугал колоссальный объем работы. К тому же он умудрялся заниматься делами, не свойственными правителю колоний: проводил химические опыты, изобретал лекарства от цинги и других болезней, добывал скипидар, гнал водку из ягод. Он лично проводил перепись аборигенов, внедрял в русских селениях животноводство, собирал минералы и растения.

А еще... — сочинял песни! Правда, до нашего времени сохранился текст лишь одной — «Стройтесь, зданья, в частях Нова Света!..». При этом Баранов успевал читать все книги, которые доставлялись из России.

О результатах первых лет своей деятельности в Америке Александр Андреевич писал: «...Через меня впервые северная страна разведана и описана с перешейком поднесь пять жил (т.е. пять поселений) народов надеясь и далее под матерой землей зделать открытия; Чугац-

кая губа так же вся мною приведена впервые под державу Российскую и до самой бухты Якутат (юг Аляски) и за оную...»

С гордостью Баранов упоминал в донесении о церемонии, посвященной присоединению Якутата к российским владениям: «...герб Российский водружен с привешенным флагом.

Выступая с одетыми в лучшее платье со мною бывшими людьми, маршировкою в такт с ружьями и пушками, коими делали, сколько смыслили, воинские аволюции... провозглашено громким голосом троекратно: земля сия с народами берется во владение Российского императорского величества...»

«Не отступают беды, не отступим и мы»

Эти слова, по свидетельству современников Баранова, он нередко повторял, когда происходили трагедии и всевозможные испытания.

А победы и несчастья всегда были рядом с нами», — писал один из русских колонистов Нового Света в начале XIX века.

В 1799 году большим ударом для Баранова и его соратников явилась гибель корабля «Феникс». Судно вышло из Охотска в Русскую Америку. На борту находилось 88 человек (среди них — архимандрит Иоасаф и иеродиакон Стефан) и большое количество груза для колонии. В назначенный срок «Феникс» не прибыл, но Баранов надеялся, что судно пережидает длительный шторм в какой-нибудь бухте.

Лишь когда на берега Ситхи и Кадьяка были выброшены океанскими волнами вещи моряков и детали оснастки «Феникса», стало ясно: судно и все, кто находился на нем, погибли.

Об этом печальном событии Баранов писал иеромонаху Гедеону: «...На сообщение ваше от 27 числа сего майя, мне доставленное, честь имею объяснить. На первое касательно разбития компанейского фрегата Феникса и на оном потери бывшего Преосвященного Иоасафа со всею его свитою и судовым экипажем.

Помянутою судно отправилось из Охотска в осень 1799 года сюда, на Кадьяк, а видели его 28-го числа октября того году недалеко от Уналашки, против острова Умнак, русские и алеуты тамошние; но где оно разбилось, и по сих пор не получено никаких верных сведений.

Причиною ж несчастию сему полагают бывшие при отправление их в Охотске ту, что там свирепствовало тогда смертоносное поветрие кашля, кровавых поносов и горячки; много народу померло, а может быть, из следующих при сем транспорте более 70 человек промышленных некоторые заражены были теми же болезнями и распространили на прочих. И статься могло, что и мореход коллежский асессор г-н Шильц от той же (болезни) скончался, а другого не было, а потому и судно, может быть, без управления осталось в беспрепятственном действии стихии волн и ветров...»

В тот же год погиб еще один корабль, принадлежащий Российско-американской компании, — «Северный орел». Он шел из Якутска к острову Кадьяк.

Потерпело крушение и судно «Св. Симеон и Анна». По пути от Уналашки его выбросило штормом на остров Св. Павла. На этот раз обошлось без человеческих жертв. Однако Российско-американская компания понесла серьезные убытки.

Предотвращение восстания

Печально знаменателен был 1799 год гибелью многих людей в русских колониях. На острове Ситха (Ситка) в архипелаге Александра Баранов намеревался построить укрепления и создать там хорошо оснащенную промысловую базу.

Однако на Ситхе его ожидало страшное известие: 115 туземцев отравились (вероятно, мидиями) и в течение нескольких часов скончались. Среди местных жителей пошли слухи, будто это наказание морских духов за сотрудничество с русскими.

Все же спустя некоторое время Баранову удалось наладить промысел на Ситхе. Здесь было возведено укрепление, названное Михайловским. Верные русским жи-

тели острова из племени тлинкиты сообщили, что матросы с английского судна, промышлявшего вблизи острова, подбивают их к восстанию.

Баранов проверил информацию. Англичане и в самом деле снабжали аборигенов оружием и спиртным и уговаривали напасть на русских. Главный правитель колоний обратился к вождям и старейшинам туземцев, убеждал их не поддаваться на провокации. Чтобы избежать восстания, он делал подарки из собственных средств.

В тот год, благодаря умелым действиям Александра Андреевича, восстания на Ситхе удалось избежать. Но вооруженные конфликты и сражения все же не раз происходили на территории Русской Америки во времена правления Баранова.

Дурные знамения

В 1802 году на побережье Аляски, вблизи вулкана Илиамна, индейцы поймали двух белых лисиц. Местный шаман объявил, что звери необычного цвета принесут «кровавую беду». Вскоре охотники, добывшие белых лисиц, по непонятным причинам перерезали друг друга.

Шаман приказал утопить шкуры проклятых зверей в море. Не помогло. На следующий день в том месте на побережье выбросился белый кит. Индейцы побоялись к нему подходить, а шаман заявил, что беда разрастается. Как бы в подтверждение недобрых слов, в июне 1802 года над Аляской была замечена «стремительно летящая белая звезда». У алеутов и эскимосов северо-западной Америки она считалась посланницей печали.

О «дурных знамениях» туземцы сообщили Баранову. Александр Андреевич не был суеверным, но частенько повторял: «Не отвергай приметы народа, среди которого живешь».

Заявившим о «дурных знамениях» правитель Русской Америки ответил, что и без небесных предсказаний чувствует приближение опасных событий.

В начале июня 1802 года несколько русских колонистов из разных селений умерло от неизвестной болез-

ни. А индейцы стали совершать нападения на отдельные отряды промышленников. В Аляскинском заливе появилось с десяток иностранных судов. Среди них был и корабль «Юникорн», которым командовал знакомый Баранова, английский капитан Барбер. Современники отзывались о нем: «Моряк искусный, но человек недобрый. Где он — там и резня со стрельбой». По-видимому, неслучайно Барбера величали еще «черным пиратом».

Русские колонисты знали, что он всегда расплачивается с туземцами за пушнину оружием.

Уничтожение колонии

В отсутствие Баранова на Ситхе началось восстание. Несколько сот туземцев неожиданно напали на селение русских. Большинство колонистов в то время находилось на промысле. Горстка людей старалась дать отпор во много раз превосходящему по численности противнику. Но островитянам удалось поджечь почти все строения: казармы, сараи, дом правителя, мастерские. С живых пленных они снимали скальпы.

Колония на Ситхе была уничтожена.

Среди нападавших индейцев находилось несколько европейских моряков. Незадолго до кровавых событий их высадили то ли с английского, то ли с американского корабля за какие-то преступления. Однако есть подозрение, что эти моряки оказались на острове для подготовки восстания против русских.

В своей книге Петр Тихменев сообщал об этой трагедии: «Вообще погибло в Ситхе 20 человек русских с их начальником передовщиком Медведниковым, и 130 человек партовщиков алеутов, разграблено до трех тысяч шкур морских бобров и прочие меха, и сверх того сожжено судно построенное...»

Находившийся неподалеку от места кровавых событий английский корабль под командой Барбера предоставил убежище тридцати четырем скрывшимся от расправы туземцев колонистам. Среди них было восемнадцать женщин и шестеро детей.

Правда, через несколько дней Барбер за эту услугу потребовал от Александра Андреевича оплаты. После короткого торга стороны пришли к соглашению.

Петр Тихменев приводил мнение русских колонистов о кровавой драме на Ситхе: «Между разными сведениями о том, кто наиболее способствовал туземцам и советами, и даже самым делом, то есть доставлением им оружия и пороха к разорению крепости, большая часть поставляла англичан, как главных виновников этого происшествия. Подобные рассказы тем более заслуживали вероятия, что, по показанию промышленных, хотя Барбер и его спутники говорили, что сделали всевозможное для спасения русского заселения, но на самом деле они во время нападения диких уклонились со своим судном в сторону, и тогда только начали действовать, когда все было сожжено и разграблено.

Впрочем, по другим слухам, не одни англичане участвовали в уничтожении заселения. Несколько беглых американских матросов находились в соединении с колошами (народ острова Ситха и Аляски), и без пощады истребляли и грабили все, что им попадалось».

Ободренные победой на Ситхе, в 1802 году индейцы совершили нападения на промысловые отряды колонистов и их союзников. Так в Кенайском проливе они уничтожили около девяноста алеутов. Всего в том году на Аляске туземцами было убито более двухсот русских и алеутов.

Подавление восстания

К тому времени Баранов уже имел боевой опыт. Еще в 1793 году он с небольшим отрядом исследовал побережье Аляски в районе Якутата. Однажды под утро на его лагерь напали индейцы.

Спросонья Баранов выскочил из палатки и увидел туземцев в шлемах, в масках чудовищ, в кожаных доспехах. Схватив лежавший на земле топор, он начал размахивать им и выкрикивать угрозы. Но остановить нападавших не смог. Они кололи копьями спящих через холст палатки.

Ю.Н. Лисянский — командир «Невы»

Александр Андреевич, несмотря на ранение, все же сумел собрать своих людей и дать отпор. Впоследствии выяснилось, что на лагерь напали аляскинские колоши (тлинкиты) с мыса Св. Ильи.

Почти два года Ново-Архангельск, столица Русской Америки на Ситхе, находилась во власти туземцев. В 1804 году Баранову удалось собрать вооруженные силы, чтобы навести порядок на острове. К Ситхе направились корабли «Александр», «Ермак», «Екатерина», «Ростислав». На помощь этой флотилии прибыл и корабль «Нева» под командованием Юрия Лисянского.

«Нева» вместе с кораблем «Надежда» совершала кругосветное путешествие. Руководителем первой русской

Руководитель первой русской экспедиции И.Ф. Крузенштерн

экспедиции был Иван Крузенштерн. Более года «Нева», прервав намеченный маршрут, выполняла охранную службу у южных берегов Аляски.

После высадки на Ситхе Баранов предложил мятежным туземцам сдаться. В ответ последовал отказ. Начался штурм захваченного индейцами укрепления.

Сражение длилось несколько дней. Баранов был снова ранен и все же не покинул поле боя. Наконец островитяне дрогнули и отступили.

Александр Андреевич великодушно простил вождю ситхских индейцев измену в ответ за обещание не нарушать мир. Никого из мятежников после сложения оружия не казнили. Однако и за этот поступок правителя Русской Америки упрекали в жестокости и соотечественники, и иностранцы.

«Страна разрастается»

Один из офицеров с корабля «Нева» в 1804 году писал на родину, что с удивлением открыл для себя Новый Свет — необычную страну, которой управляет простой олонецкий купец. И, несмотря на беды и трудности, «страна разрастается и крепнет».

Состояние русской колонии в Америке того времени описал в своей книге Петр Тихменев: «...компания (Российско-Американская) имела следующие укрепления: учрежденное Шелеховым на Кадьяке в гавани Трех Святителей, другое на этом-же острове в Павловской гавани; за тем на о. Афогнаке; Александровское на Кенайском мысу; три в Кенайском заливе: Георгиевское, Павловское и Николаевское; два в Чугацком заливе, из коих одно находилось в заливе Нучек, в гавани Константина и Елены, и другое в Деларовой гавани (залив Зайкова)...

За означенными укреплениями следовали: Симеоновское у мыса Св. Илии; два в заливе Якутат, и, наконец, Новоархангельское на острове Ситха.

Все эти укрепления большею частию были вооружены медными единорогами трех-фунтоваго калибра (чугунных пушек было весьма немного). Различного оружия при укреплениях, ружей, винтовок и штуцеров считалось до 1500 штук. Вообще надобно заметить, что все эти укрепления были достаточно сильны для защиты, при благоразумной предосторожности, от неприязненных туземцев и даже колошей. Последние были вооружены между тем никак не хуже русских...

Промысловые артели были расположены большею частию при укреплениях, и кроме того во многих местах находились временные партии, для производства промысла и торговли с туземцами. При заселениях в Уналашке и на Кадьяке... были конторы, заведывавшие подчиненными им местами, — под непосредственным начальством главного правителя колоний.

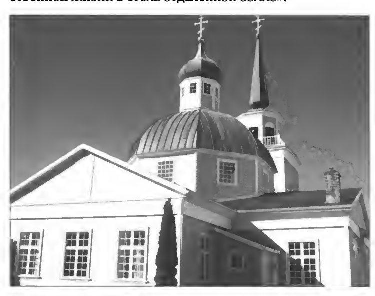
Число служащих в колониях различного звания, из прибывших из Сибири и из прочих российских губерний к 1805 году было 470 человек».

«Столица» колонии

Закладывая новый город на острове Ситха, Баранов назвал его Ново-Архангельском — в честь знаменитого города русских моряков, рыбаков, охотников, купцов Архангельска.

В столице Русской Америки (в наше время — это американский порт Ситка) по приказу Баранова был возведен деревянный острог со сторожевыми башнями. Внутри острога находилась церковь Михаила Архангела. Там же располагались жилые дома колонистов, контора Компании, продовольственные склады, школа. В центре, на площади, высилась мачта с флагом Российско-американской компании. Рядом с острогом, на берегу были построены здания адмиралтейства, верфь, казармы, торговые ряды, сушильни, мастерские.

В Ново-Архангельске находилась больница на 40 коек. Появился в «столице» Русской Америки и свой клуб, который должен был «способствовать развитию общественной жизни в столь отдаленной земле».



Михаило-Архангельский собор в Ситке. Современный вид

Еще в годы правления Баранова в Ново-Архангельске и на острове Кадьяк были организованы библиотеки. Из России периодически поставлялись книги, журналы, научные пособия, картины и географические карты. Благодаря Александру Андреевичу в колонии существовал даже свой театр. Конечно же, играли в нем непрофессиональные актеры.

В сороковых годах XIX века лейтенант флота Лаврентий Загоскин писал о русских креолках Ново-Архангельска: «Все они ловко вальсируют, грациозно пляшут французские кадрили, все прекрасно вяжут шарфы, косыночки, все читают "Мертвые души" Гоголя...». Загоскин также упоминал, что жительницы Русской Америки часто музицируют, декламируют Пушкина и читают не только литературные, но и научные журналы, доставляемые из Санкт-Петербурга.

В часы отдохновения

Славился Баранов своим хлебосольством и любовью устраивать застолья. Об этом вспоминали русские, туземцы и иностранные моряки. Даже в голодные для колонии времена находил он возможность попотчевать званых и случайных гостей.

Если заканчивались запасы мяса, рыбы, муки, Александр Андреевич начинал фантазировать. Из кореньев, трав, ягод, каракатиц, улиток и даже из несъедобных птиц он изготавливал немыслимые вкусные блюда. Как ему это удавалось? Рецепты своих блюд хлебосольный хозяин держал в секрете. Любил правитель Русской Америки потчевать гостей изобретенными им водкой из местных ягод и пивом из еловых шишек. При этом уверял, что его напитки не просто приятны на вкус, но и спасают от цинги и других болезней.

Застолья Баранова, как правило, сопровождались музыкой. Сам Александр Андреевич хоть и пытался, но не смог научиться играть на балалайке. Зато при нем всегда находился бывший матрос Никитич, виртуоз-музыкант, родом откуда-то с Урала. Давно перебрался он в Русскую Америку, а песни родного края не забывал.

Баранов любил подпевать Никитичу:

...На кораблике построен был муравён чердак,
В чердаке состроен был золотой бунчук,
В бунчуке стояли царские знамечки,
Позлаченые, распущенные.
У знамечек стоит часовой казак,
Перед ним стоит раздвиженной стул,
На стулу сидит наш батюшка воровской атаман,
Степанушка Тимофеевич, по прозванью Разин-сын,
Перед ним стоит старшой есаул...

Наверное, и в те далекие времена даже самые законопослушные слуги царя и отечества любили разбойничьи песни.

Иногда Баранов заявлял гостям, что музыка возвращает его в Россию: «Доведется ли еще побывать в отчем краю? Не знаю... А с песней — будто наведался в родную сторонку... Заводи, Никитич, и разухабистые, и печальные!.. Вдруг в последний раз тебя слушаю...».

Знакомые Александра Андреевича удивлялись: не унывающий, не предающийся тоске человек, и вдруг — такие грустные мысли!..

Что за этим: обычная хандра или предчувствие?..

Попасть в дом к Баранову мог любой колонист или туземец: по важному делу и просто так, потолковать о пустяках. Но иногда неожиданному гостью объясняли: Александр Андреевич «балалается»... Тело — здесь, а душа — далече, понеслась на крыльях песни за океан, в Россию... Наведайтесь, мол, в другой раз...

В подобных случаях никто не обижался на правителя колоний.

Даже туземцы нередко останавливались возле его дома, чтобы послушать игру Никитича на балалайке и непонятные им песни...

Отношение к коренным жителям

В 1847 году в Петербурге вышла книга известного исследователя Аляски Лаврентия Алексеевича Загоскина. В ней он писал, что Русская Америка — «полто-

ра миллиона квадратных верст материка». Это подарок России «от первого главного правителя колоний... Александра Андреевича Баранова... обрекшего себя на 28-летнее отлучение от родины, им пламенно любимой, в край совершенно новый и дикий в ту пору для всей Европы».

Но деяния Александра Андреевича на посту главного правителя Русской Америки оценивались современниками неоднозначно. В том числе и членами правления Компании. Несколько раз Баранова пытались сместить. Особенно после того, как он указал на фальсификации в отчетности руководства Российско-американской компании. В 1808—1818 годах в Россию Баранов отправил пушнины на 15 миллионов рублей, а в отчете правления Компании в Петербург эта сумма каким-то образом сократилась в 6 раз.

Недоброжелатели Александра Андреевича распускали в столице слухи, что он деспот и относится к туземцам Нового Света как к рабам или животным, что по своей прихоти жестоко наказывает и даже убивает их. Но факты опровергали эти наветы.

В годы правления Баранова немало русских из разных сословий брали в жены индианок, алеуток, эскимосок. Сам Александр Андреевич был женат на индианке из племени танаина. От нее имел сына и двух дочерей.

Баранов уделял много внимания, чтобы дети-креолы «ни в чем не знали нужды», а самых одаренных отправлял на учебу в Иркутск, в Охотск, в Петербург. Некоторые из них стали моряками, военными, путешественниками, священнослужителями и носили русские фамилии своих отцов: А.К. Глазунов, А.И. Климовский, А.Ф. Колмаков, А.Ф. Кошеваров, В.П. Малахов, Я.Е. Нецветов. Прекрасным моряком стал сын Баранова Антипатр.

Даже иностранцы, настроенные недружелюбно к русским, отмечали их доброе отношение к коренным жителям Америки. Так, известный английский мореплаватель Джордж Ванкувер, побывав в 90-х годах XVIII века на Кадьяке и на других островах севера Тихого океана, писал: «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и

доброе согласие, в каком живут русские между самыми грубыми сыновьями природы.

Покорив их под свою власть, они удерживают влияние над ними не страхом победителей, но, напротив того, приобретая любовь их благосклонным обращением... Русские находятся на весьма дружественной ноге со всеми жителями края».

Смерть и исчезнувшие документы

Несколько раз Баранов сам обращался к руководству Компании, чтобы на его место прислали другого человека. Но его отставка произошла лишь в 1818 году, когда Александру Андреевичу перевалило за семьдесят.

О том, как выросли доходы Российско-американской компании за годы руководства Баранова заокеанскими колониями, видно из документов. В 1799 году ее совместный капитал составлял 2 млн 588 тысяч рублей, а в 1816 году — 4 млн 800 тысяч рублей. С 1808 по 1819 год из американских колоний ценной пушнины поступило в Россию более чем на 15 миллионов рублей. Общая прибыль Компании составила 12,8 миллиона рублей. Сумма по тем временам фантастическая. Более тридцати процентов от прибыли ушло на содержание служащих Компании в Санкт-Петербурге. В виде налогов и пошлин государство получило от Российско-американской компании с 1799 по 1816 год более 1 млн 600 тысяч рублей.

Двадцать восемь лет службы вдали от родины Баранову не принесли богатства, хотя он был награжден Александром I медалью и орденом и получил чин коллежского советника (приравненный к званию армейского полковника). Этот чин давал право на потомственное дворянство.

Как отмечали современники, на родине у Баранова даже не было собственного дома. Впрочем, на родину он не смог вернуться.

Получив приказ об отставке, Александр Андреевич покинул Америку на корабле «Кутузов». Судно направлялось в Санкт-Петербург. По дороге, для ремонта, пришлось сделать остановку в Батавии на Яве.

В пути Баранов заболел. Во время ремонта корабля его переселили в гостиницу. Там в апреле 1819 года Александр Андреевич скончался и был похоронен в водах Зондского пролива, между островами Суматра и Ява.

После прибытия корабля «Кутузов» в Россию выяснилось, что пропали документы, карты, записки и завещание Баранова. Эта пропажа вызвала в Санкт-Петербурге всевозможные слухи. Поговаривали, что бывший правитель Русской Америки собирался передать императору Александру I секретные сведения о местонахождении на Аляске золота и алмазов. Было и другое предположение: правление Компании опасалось, что Баранов вскроет их махинации, и не желало его появления в Санкт-Петербурге.

Насколько достоверны были эти слухи, выяснить не удалось.

Далекий потомок Александра Андреевича Зоя Борисовна Афросина-Масаинова писала: «Непонятная смерть Баранова влечет за собой смерти и притеснения, также совершенно необъяснимые, его сподвижников и близких.

Сын Антипатр умирает зимой 1822—1823 года, в этом же году куда-то исчезает младшая дочь Баранова — Катерина и ее сын Николай, в 1823 году умирает жена Баранова Анна Григорьевна и умирает его друг и соратник — Кусков — основатель Форта Росс в Калифорнии, в 1824 году умирает и старшая дочь — Ирина, а зятья Баранова С.И. Яновский и Г.И. Сунгуров преследуются всю жизнь. Уничтожение документов Баранова лишило Ирину ее приданого, а жену — средств к существованию.

...Петербургское правление РАК (Российско-Американской Компании) в 1822—1824 годах также отказалось платить заработанные на Аляске деньги зятьям Баранова Яновскому и Сунгурову, и по своему возвращению в Петербург они не получили каких-либо должностей, а порвали всякие отношения с Российско-Американской Компанией и вынуждены были покинуть столицу».

Правда, спустя несколько лет, по свидетельству Афросиной-Масаиновой, правление Компании все же исправило свое отношение к потомкам Баранова. Для них

в Царском Селе был построен большой дом, а правнучки Александра Андреевича, благодаря помощи РАК, окончили Царско-Сельскую Мариинскую женскую гимназию.

Имя первого правителя Русской Америки сохранилось на географической карте. Михаил Тебеньков назвал бухту на острове Ситка в честь Баранова «Александр». Так же называются река и озеро в восточной части Ситки и остров в заливе Аляска.

Спустя 170 лет после смерти Баранова на Аляске ему был воздвигнут памятник. А на постаменте высечены слова Александра Андреевича: «Мы можем жить в мире и согласии в этом крае».

А на его родине в Каргополе памятник «Основателю Русских поселений на Аляске, исследователю и Первому Правителю Русской Америки» был установлен в 1997 году.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ

Сделал я опыт рассказал им сколько можно простее о христианском законе, а как увидел величайшее их в том любопытство, то и захотел я воспользоваться сим случаем. И потому начал я любопытствующим в часы свободные преподавать точное понятие о нашем законе и до истинного доводить пути, чем и зажег их сердца; словом до выезду еще моего сделал я христианами из них сорок человек...

Григорий Шелехов

Вдали от родины

Наверное, многие первые русские колонисты тихоокеанских северных земель Америки понимали, что возможность вернуться на родину у них невелика. По приблизительным подсчетам, с конца XVIII и до середины XIX века лишь половина выходцев из Сибири и европейской России смогли возвратиться домой из Нового Света.

Они гибли в океанских штормах, в войнах с аборигенами, умирали от болезней и голода. Смертельная опасность, долгое пребывание на чужбине, как правило, укрепляют веру. Не случайно, что русские корабли, открывавшие в Тихом океане новые земли в XVIII столетии, носили христианские наименования: «Св. Петр», «Св. Павел», «Св. Иоанн», «Св. Евдоким», «Св. Николай», «Св. Борис и Глеб», «Св. Иеремия», «Св. Владимир», «Св. Иоанн Предтеча», «Св. Захарий и Елизавета», «Св. Живоначальная Троица», «Св. Андрей и Наталья» и т.д.

На всех русских кораблях той поры обязательно были иконы, церковные книги, а иногда и походные церкви. Так что мореходы могли совершать богослужение без священника.

Духовная миссия

Православная церковь откликнулась на необходимость осваивать новые земли в Северной Америке.

В мае 1793 года вышел указ императрицы Екатерины II с разрешением создать православную церковь на Аляске.

Организацией духовной миссии в Новый Свет занялся митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил. Для проповеди слова Божия народам Америки были выбраны иеромонах Иоасаф и монахи Герман и Яков.

Правда, вскоре Якова исключили из состава миссии. Но ее пополнили другими монахами из Валаамской и Коневской обителей.

Когда они прибыли в Санкт-Петербург, митрополит Гавриил отметил: «...на них ничего не увидел, кроме кафтанов из мужицкого сукна и ряс монашеских, но дальность пути требует, чтоб они имели по крайней мере шубы и постели и получше и закупили сколько-нибудь мелочей...»

Миссионеры дали обязательство проповедовать в Новом Свете лишь по Евангелию и Апостольским деяниям. От митрополита Гавриила они получили инструкцию. В ней требовалось, чтобы при обращении в православие

не допускать никакого насилия, а иноверцев привлекать личным примером. «...быть тебе завсегда трезвенну, целомудру, благовейну, чинно кротку, любовно снисходительну...» — предписывалось православным миссионерам.

Митрополит Гавриил повелел выдать им Богослужебные книги, молитвенники, творения Святых отцов, церковную утварь.

В январе 1794 года миссия отправилась к берегам Тихого океана. Участниками ее стали: архимандрит Иоасаф; иеромонах Афанасий (в миру Антоний Михайлов, сын крепостного); Ювеналий (в миру Яков Федорович Говорухин, бывший офицер артиллерии); иеродиакон Нектарий (в миру Федор Панов, сын купеческий); монах Макарий (в миру Матвей Александров, сын крестьянский); монах Герман (мирское имя этого подвижника не установлено, известно, что он сын серпуховского купца).

При миссии также состояло несколько послушников.

«Собственным примером»

В сентябре 1794 года подвижники прибыли на Кадьяк. С этого острова началась их деятельность в Новом Свете. Миссионеры не только просвещали, обращали в православную веру туземцев, исповедовали соотечественников-единоверцев. Они, как и другие русские колонисты, занимались хозяйственной работой.

Архимандрит Иоасаф призывал их собственным примером показывать землякам, как надо трудиться и «на строительстве и при добыче пропитания».

В 1795 году он писал игумену Назарию Валаамскому о своих соратниках по духовной миссии: «...Отец Макарий сверх моего чаяния по здешнему месту весьма способен... он половину острова объехал, крестил и венчал... Афанасий тут учится службе, а больше за огородами ходит, да землю роет. Отец Нектарий также добрый иеродиакон. Ювеналий довольно рачителен, а брат его произведенный в Иркутске в иеродиаконы, отец Стефан, хотя и молодой человек, но такой добрый, простонравный, услужливый и умный...»

Афанасий, Герман, Стефан, Ювеналий и послушники занимались строительными работами не только в русских селениях, но и помогали возводить жилища туземцам. Вместе с другими соотечественниками они ловили рыбу, плотничали, возделывали огороды, пекли хлеб.

Когда в ноябре 1794 года на острове Кадьяк была заложена церковь, все православные миссионеры во главе с архимандритом Иоасафом принимали участие в ее строительстве.

Утраты среди подвижников

В конце того же года священнослужители стали разъезжаться по различным уголкам Русской Америки. Макария архимандрит Иоасаф направил на Лисьи острова. Ювеналий отбыл на материк и обосновался в заливе Якутат в новом русском селении.

Готовились к переезду в другие места Русской Америки для исполнения духовной миссии Стефан, Афанасий, Нектарий, Герман.

По-разному сложились судьбы этих русских подвижников. Есть сведения, что Ювеналий за свою недолгую службу в Новом Свете побывал в разных уголках Аляски, прошел от верховья реки Кускоквим до ее устья. В 1796 году Ювеналий был убит.

Спустя три года, во время крушения судна «Феникс», погибли епископ Иоасаф и сопровождавшие его церковнослужители, в том числе Стефан и Макарий.

По прошествии многих лет главный правитель Русской Америки 1845—1850 годов Михаил Тебеньков сказал о первых православных миссионерах в Новом Свете: «Они совершали свой духовный подвиг за веру и отечество, не помышляя о себе, о земных благах».

Суровый край испытывал не только мореходов, промысловиков, военных, но и священнослужителей.

«Нижайший слуга здешних народов и нянька»

Православный святой Герман Аляскинский навсегда остался на острове, вдали от родины. Скромность не позволила ему принять священство и сан архимандрита.

«Простым монахом — шел по жизни, творил добро и завершил свой земной путь», — говорили о нем прихожане с острова Кадьяк.

В шестнадцать лет Герман принял послушание в Троице-Сергиевой пустыни под Санкт-Петербургом. Затем был остров Валаам, уединение в лесной глуши. Он с радостью принял предложение отправиться в далекие неизвестные земли и стойко переносил тяготы и лишения жизни на островах Тихого океана.

Русским колонистам и туземцам Герман не раз заявлял: «Я нижайший слуга здешних народов и нянька».

По свидетельству современников, он пользовался заслуженной любовью и уважением в Русской Америке. Через несколько лет пребывания в Новом Свете Герман поселился в уединении на небольшом острове Еловом. К нему нередко приезжали за помощью жители разных островов Алеутской гряды, с Аляски, экипажи русских судов. Он наставлял, просвещал, исцелял Божьим словом и приготовленными своими руками снадобьями.

Многие жители Русской Америки были убеждены, что старец Герман творил чудеса. Память этого подвижника особенно почитается на Аляске и на Алеутских островах.

Воскресенская церковь на о. Кадьяк

Герман скончался в декабре 1836 года (по другим документам — 1837 г.). Он был причислен православной церковью к лику святых. С конца прошлого века на месте его скита находится небольшая часовня. Сюда, на остров Еловый, приезжают люди из разных уголков Соединенных Штатов и из-за границы. Паломники берут воду из ручья вблизи от часовни. Многих эта вода исцелила от разных болезней.

Неподалеку от скита создан маленький монастырь «Новый Валаам». Мощи Германа были перенесены в храм Святого Воскресения в городе Кадьяк.

Апостол Аляски

В начале XIX века священник Иоанн (Вениаминов) много лет провел на островах Северной Америки. Он стал в Новом Свете историком, натуралистом, этнографом, школьным учителем и метеорологом. В народе его прозвали «апостолом Аляски». Вениаминов по праву считается одним из самых выдающихся православных миссионеров и проповедников в Русской Америке.

В 1840 году в Санкт-Петербурге вышла его книга «Записки об островах Уналашкинского отдела». Уналашка, или Уналяска, является вторым по размерам островом на востоке Алеутской гряды.

На этой земле Вениаминов, осуществляя миссионерскую православную деятельность, проводил научные исследования, вел записи, в которых отражались природные явления, быт и традиции американских народов. Его книга стала не только подспорьем для ученых, но и увлекала многих русских писателей. «Записки об островах Уналашкинского отдела» читали Николай Гоголь, Лев Толстой, Александр Герцен, Николай Некрасов, Федор Тютчев.

Большое внимание в своей книге Вениаминов уделил верованиям туземцев северных тихоокеанских земель Америки. Об атхинских алеутах, обитающих на Андреяновских и Крысьих островах, он писал: «Атхинцы, как и их собратья Уналашкинцы, имели шаманскую веру, т.е. признавая Творца вселенной, веровали в духов — правителей мира...

Святитель Иннокентий (Вениаминов) — апостол Аляски

Призывать же духов и показывать, которого из них более почитать и призывать в помощь и прочее, — было делом шаманов».

Маски, идолы, обряды

Коренные жители Алеутских островов и Аляски считали, что духи обитают в животных и в неодушевленных предметах и в природных явлениях (шторм, снегопад, ветер, землетрясение, извержение вулкана и т.д.).

Для общения с духами шаманы изготавливали маски (личины), которые олицетворяли могущественных таинственных существ. Эти маски туземцы старались не показывать русским. Но любознательные исследователи все же находили ритуальные предметы жителей островной Америки и Аляски. Немало этих предметов впоследствии попали в музеи России, США и других стран.

Как отмечал Вениаминов: «Хотя у некоторых Атхинцев были в скрытых местах и болваны (идолы), в человеческом виде во весь рост... которым приноси-

ли они жертвы, ...но явного или общего идолопоклонства у них не было, и оно считалось даже гибельным для самих поклонников. Это доказывают тем, что хотя сделанный кем-либо идол будто бы мог действовать, говорить и помогать своему производителю; но когда выполнял он все желания и просьбы его, то губил как самого производителя своего, так и весь род его и истреблял многих неосторожных, дерзавших приблизиться к месту, где он был поставлен; и потому строго воспрещалось делать таких болванов; но, разумеется, всегда находились в них делатели особенно из шаманов, и которые были даже и тогда, когда все Атхинцы были уже окрещены; и особенно это было между жителями острова Атту; и только с прибытием к ним Священника, т.е. с 1827 года, прекратилось такое тайное идолопоклонство и идолоделание.

Атхинцы также верили, что души умерших людей по разлучении от тела не умирают, но живут и возносятся повсюду, не имея постоянного места».

Иннокентий Вениаминов иногда встречался с шаманами. У представителей разных верований и народов не было антагонизма. Стремление познать другую культуру и религию заставляли подолгу и обстоятельно беседовать православного священника и язычников.

«Шаманы у Атхинцов были мущины и редко женщины, — писал Вениаминов. — Шаманы, по верованию Атхинцов, имея сношения с духами и силу призывать их, в случае надобности, предсказывали будущее, не покорных им угрожали различными наказаниями, помогали больным и промышленникам и проч.; почему более досужие из них были в большом уважении.

Для излечения болезни и дарования счастья в промыслах, шаманы, по большой части, употребляли корень травы петрушки и пережженное бересто, которые были принимаемы от шаманов как великий дар.

Если предсказания шаманов или их помощь оправдывались на деле, то они требовали от своих клиентов жертвы духам, более им уважаемым; но сами довольствовались тем, что им дадут. Обыкновенным занятием ша-

манов было: делать маски и личины, а иногда тайком и болваны, составлять и учреждать игрища, сочинять песни и проч. Для всех таковых занятий они имели особенное место...».

«Негодный шаман»

Не только Вениаминов, но и другие русские исследователи в начале XIX века слышали в Новом Свете предание об алеуте, отомстившем своему племени за изгнание.

Рассказывали туземцы, что один старый шаман с годами утратил знания и мастерство. Его попытки лечить людей и предсказывать будущее заканчивались провалом. Больные после его лечения тут же умирали, а пророчества не сбывались.

Некоторое время соплеменники терпели «негодного» целителя и предсказателя, а затем решили от него избавиться. Усадили старика в лодку и отвезли на пустынный берег острова Адак. Там и оставили доживать свой век. Но изгнанник не собирался безропотно подчиняться судьбе. Решил он обратиться за помощью к самым злым духам, чтобы наказать неблагодарных соплеменников. Наверное, на недобрые дела у старика еще хватало сил.

Прошло какое-то время, и стали замечать алеуты, что для всех, кто проплывал мимо бухты шамана, охота и рыбная ловля оказывались неудачными. Возвращались они в селение с пустыми руками. А если снова их путь проходил вблизи берега изгнанника, озлобленный старик заходил по колено в море и совершал еще не виданный алеутами танец-проклятие.

Он брызгал в сторону охотников водой и кричал:

— Сколько поднял я брызг, столько бед вас ожидает дома!.. И столько мучений будут терзать вас до конца жизни!..

Действительно, после этих угроз и проклятий в родном селении им объявляли о смерти или болезнях близких, пожарах, нападениях враждебных племен.

Наконец решили алеуты убить «негодного шамана». Явились к нему охотники, связали и объявили, что утопят его в море. Старик не стал умолять о пощаде, лишь

смиренно попросил отложить казнь до утра, дать ему ночь провести в раздумье на берегу, послушать напоследок песни морских духов.

Алеуты согласились и не тревожили шамана до рассвета. Перед тем как совершить расправу, они все же поинтересовались, о чем думал старик в последние часы.

Шаман в ответ лишь злобно рассмеялся и крикнул: «Скоро каждый из вас сам узнает, о чем думает человек в свой последний час!..»

Угрозы не помогли: старика утопили. Но слова его запали в душу всем, кто их слышал.

Болван из ветра и дерева

Вскоре один за одним стали исчезать участники расправы. Уходили они в море при безветренной погоде — и в мгновение ока внезапно проваливались вместе с лодкой в пучину. Будто чья-то невидимая могучая рука хватала охотника и тянула на дно. Все происходило так быстро, что несчастный не успевал даже окликнуть своих товарищей, плывущих на других лодках.

Обеспокоенные соплеменники обратились за помощью к новому шаману. После ночной ритуальной пляски на берегу моря тот объявил:

— Казненный старик успел перед смертью создать с помощью злых духов из ветра и дерева истукана. И насылает тот болван гибель проплывающим мимо его бухты...

Стали охотники допытываться, как отыскать опасное чудище. Но шаман ответил, что не может точно указать место в бухте, где скрывается истукан, сотворенный из ветра и дерева.

В записанном Вениаминовым предании говорится, что нашелся среди алеутов смельчак, готовый пожертвовать собой: «Решившись на такой подвиг, он поехал в подозреваемую бухту, взял с собой и жену свою, которую положил внутрь байдарки...

Приехав туда, он высадил жену в особенное скрытное место и велел ей наблюдать за ним, а сам, отъехав далее, остановился. Жена видит, что кто-то вышел из пещеры, подошел к ее мужу, убил его и унес в пещеру. Она воз-

Эскимосы

вратилась домой и рассказала все; ...тотчас отправились туда Алеуты, нашли болвана, убили его и истребили; и после того бухта эта сделалась безопасною».

Видимо, предания о волшебных божках, изготовленных шаманами, были широко распространены среди алеутов, эскимосов, индейцев. В книге Вениаминов упоминает, что слышал от туземцев, будто около 1814 года на острове Канага (неподалеку от Атка) существовал живой болван. А в 1827 году, по сообщениям алеутов, на острове Адахе (Адак) также объявился оживший истукан, чуть выше человеческого роста. Оба изваяния, после того как они принесли немало бед людям, были изрублены и сожжены островитянами.

Конечно, в оживших болванов Иннокентий Вениаминов не верил, а лишь дословно приводил услышанное от туземцев.

Отношение алеутов к русским

У жителей Аляски и Алеутских островов существовало предание, что на далеком острове, куда уходит солнце, живут бледные духи, которые иногда превращаются в людей. Их сила таится в огне и железе.

Вениаминов писал: «Атхинцы, так и их соседи Уналашкинцы и другие Американцы, пока не видели Европейцов, думали, что в целом мире только они одни живут, и нет нигде людей кроме их; и потому первое прибытие Русских к Атхинцам было для них явлением необыкновенным: все произведения и действия Русских... они считали сверхъестественными; и оттого в первое время они Русских называли духами или дьяволами... мнение это отчасти поддерживали и сами Русские своими жестокими и насильственными поступками с Алеутами.

Все вещи Русских, которые им нередко случалось находить на берегах с разбитых судов, они считали не иначе как нечистыми, заколдованными, дьявольскими; и когда находили их, то тотчас или бросали в море, или сожигали».

В XVIII и в начале XIX века немало коренных жителей Аляски и Алеутских островов верили, что металлические изделия русских: ножи, топоры, сабли, наконечники гарпунов и копий и т.д. — хранят в себе недобрую силу. Некоторые вожди и шаманы запрещали своим соплеменникам даже прикасаться к изделиям белых чужеземцев.

Но разве можно устоять перед соблазном заполучить оружие, превосходящее каменное, костяное, деревянное? И многие туземцы, вначале тайком, а потом в открытую, приобретали, выменивали, захватывали у бледнолицых пришельцев металлические изделия и огнестрельное оружие.

Лишь когда наладились постоянные деловые отношения с русскими, туземцы перестали считать предметы из железа и меди проклятыми, а прибывших из-за океана людей — злобными и могущественными духами.

О принятии новой веры

Особое внимание уделил Вениаминов переходу жителей Алеутских островов и Аляски от язычества в христианство.

«Вообще все Колоши... нисколько не препятствуют своим собратьям креститься, — писал Вениаминов. — ...

Главный тоэн (вождь) в Стахине сказал мне торжественно, что он никому не запрещает креститься».

Иннокентий Вениаминов приводил в книге немало примеров из своей просветительской практики в Новом Свете: «Колоши смотрят на Религию или на отправление наших Религиозных обрядов с уважением. Так, например, в бытность мою в Стахине, в первый раз от учреждения там нашего Редута, мне нужно было отправить Литургию, о чем я заблаговременно известил Колош, живущих подле Редута. И, так как там нет часовни, то место для священнодействия избрано было вне крепости... не только взрослые, но даже и дети отнюдь не шумели и не делали ничего неблагопристойного во все время службы, которая продолжалась более часа».

Вениаминов опасался, что во время службы некоторые туземцы возмутятся, когда увидят, как их крещеные соплеменники причащаются вместе с русскими. Но обошлось без проблем.

Он отмечал, что колоши охотно слушают его рассказы о христианской религии. Но при этом Вениаминов сообщал и о трудностях в период отхода от язычества народов Северной Америки: «...при совершенном и всеобщем убеждении Колош в необходимости просвещения Религиею Христианскою, они не скоро согласятся принять ее... поскольку думают, что с принятием Христианства они сделаются под таким же влиянием и властию Русских, как и Алеуты, которых они считают не иначе как калгами (рабами) или невольными служителями Русских...».

Вениаминов понимал, что для просвещения местных жителей необходимы книги на их языке: «...прежде надобно образовать или найти учителя, знающего Колошский язык, после того составить грамоту их языка, перевести на их язык что-нибудь из священных Книг и потом вызывать желающих учиться».

С любовью «к своему назначению и призванию»

Впоследствии Вениаминов сам составил первую грамматику алеутского языка и перевел на него Священное Писание. В этом ему помогали первый священник Ат-

кинского отдела Яков Нецветов и тоен (тоэн — вождь) острова Тигалда Паньков.

Вениаминов отмечал, что алеуты быстро освоили с помощью русских новые для них профессии: кузнеца, столяра, строителя, сапожника, слесаря, плотника и даже иконописца. Нескольких туземцев он лично учил ремонтировать часовые механизмы. А на Уналашке под его руководством островитяне возвели первую церковь.

Конечно, всего этого невозможно было бы добиться, не будь у туземцев интереса к русской культуре и к православной вере. В своих проповедях Вениаминов не раз упоминал: «Только тот, кто избыточествует верою и любовью, может иметь уста и премудрость, ей же не возмогут противиться сердца слушающих».

В 1840 году он стал первым епископом Камчатским, Курильским и Алеутским с именем Иннокентий, а в 1868-м — митрополитом Московским. Но и при своем высоком положении продолжал содействовать просвещению и распространению христианства среди жителей Северной Америки.

Известный путешественник, географ и климатолог Александр Иванович Воейков писал: «Заслуга о. Вениаминова состояла в том, что до 1829 года... русские не имели даже понятия об алеутском языке. С появлением же о. Вениаминова в Америке в качестве миссионера русская литература получила алеутский букварь с полным переводом важнейших молитв.

...о. Вениаминов стоял неизмеримо выше всех прочих миссионеров, подвизавшихся в Сибири, распространяя семена веры и цивилизации именно знанием природного, туземного языка просвещаемых дикарей, глубоким ознакомлением с их бытом, обычаями, нравами и преданиями, одним словом, той беспредельной любовью и ревностью к своему назначению и призванию, которые составляют душу миссионерства».

Память на географической карте

Действительный статский советник С.А. Костливцев был направлен в 1861 году в качестве ревизора в Русскую

Герман Аляскинский — первый православный святой в Западном полушарии

Америку. О трудностях православных миссионеров в Новом Свете он писал: «Миссионеры вынуждены бывают делать большие переходы пешком по горам, тундрам и лесам... терпят часто голод и холод, долгое время проводят под дождем, без всякого приюта и прикрываются лишь полотняными палатками. Устранить все эти неудобства, по безлюдности страны и суровости климата невозможно».

И в самом деле, почти все первые православные проповедники в Новом Свете, как и многие другие русские, — матросы, казаки, офицеры, промышленники, — терпели голод и нужду, страдали от болезней и погибали вдали от родины. Они становились этнографами, натуралистами, бытописателями, учителями, строителями в тех американских землях, где проповедовали. Уважение среди коренного населения они снискали и за то, что нередко защищали туземцев от чрезмерной эксплуатации чиновников и промышленников.

Историк и литератор Самуил Варшавский много лет посвятил исследованию географических названий северо-западной Америки. В книге «Увековеченная слава России» (Топонимические следы Русской Америки на карте Аляски) он писал, что «наряду с именами наших прославленных путешественников, ученых, государственных деятелей на карту Аляски нанесены имена двух служителей церкви в Русской Америке — иеромонаха Германа и священника И. Вениаминова (память

Монашеская лагуна

о последнем отмечена английскими топонимами). Американский геолог Фицджеральд в 1933 году назвал гору на острове Спрус (Еловом), у которой Герман провел последние годы жизни, горой Германа...».

На этом острове есть «...лагуна, известная местным жителям как Monk's Lagoon (Монашеская), от которой тропа ведет в еловый лес к маленькой часовне, где покоился прах Германа».

В 1938 году Береговая служба США назвала именем Вениаминова мыс на северо-востоке острова Уналашка.

По заслугам и в XXI веке на Аляске и на Алеутских островах не только верующие помнят и почитают таких просветителей-миссионеров, как Иннокентий Вениаминов и монах Герман, ставший первым православным святым в Западном полушарии.

ТАИНСТВЕННЫЙ МИР ПРИРОДЫ НОВОГО СВЕТА

...Земля почиталась священной, и правилом для всего народа было: живи так, словно ты умрешь завтра, землей пользуйся так, словно тебе предстоит жить вечно... Индейцу представлялось, что пришелец ненавидит все в природе: живые леса с их птицами и четвероногими обитателями, чистые струи текучих вод, землю и даже сам воздух над ней.

Ральф Эдберг. Писатель. XX век

ВСАДНИК НА МАМОНТЕ

...От рева его в страхе разлетались птицы и разбегались звери... От поступи его сотрясалась земля, а по озеру пробегала рябь...

Предание индейцев Аляски о Мамонте. Предположительно XVIII в.

Знакомый и неизвестный мир

Прославленный мореплаватель, географ, полярный исследователь Фердинанд Петрович Врангель в 1830—1835 годах являлся правителем Русской Америки. В своих записках он отмечал, что русские колонии в Новом Свете во многом обязаны своим возникновением и существованием морским и земным животным и растениям, и каждый житель Русской Америки постоянно был зависим от них.

Открывая новые земли, человек, как правило, сталкивался с непривычными для него средой обитания и климатом. Для того чтобы выжить, покорителям неизведанного мира надо подстраиваться под новые природные

условия, перенимать опыт у аборигенов, изучать повадки местных животных и свойства растений.

Прославленный мореплаватель, географ, полярный исследователь Ф.П. Врангель

Прежде всего русских колонистов в Америке интересовали обладатели ценного меха: каланы, котики, сивучи, песцы, лисицы, бобры, выдры и другие — те, что приносили выгоду. Но также важны были для колонистов и животные, идущие на пропитание.

Многие звери, птицы, рыбы были им знакомы. И все же находились отличия и во внешнем виде, и в повадках медведей, волков, лисиц, бобров, росомах, рысей, оленей Старого и Нового Света. Для поморов киты, моржи, тюлени были давними объектами охоты. Но в Тихом океане требовалось приноравливаться к другим условиям промысла.

Как заметил Врангель, русский человек в Северной Америке встретился и со знакомым, и с неизвестным миром природы.

Животные в географических названиях

О важности тех или иных представителей фауны и флоры для местных жителей можно судить по наименованиям на картах.

На Алеутских островах и на Аляске сотни географических объектов получили названия животных и растений. Многие были даны русскими путешественниками, учеными, колонистами.

Варшавский в книге «Увековеченная слава России» писал: «Кулички дали свое имя небольшим островкам и скалам... Название только трех объектов связаны с русским названием полярной гагары...

Окружающие Аляску воды славились прежде бобрами (имеются в виду каланы) настолько, что даже Берингово море называли Бобровым... На Алеутских островах видим остров Бобровый... Хищнический промысел сократил поголовье моржей, а русским географическим названиям, данным в честь этого ластоногого, на Аляске нанесен урон переводами. Сейчас из множества названий сохранились только залив Моржовый, у оконечности полуострова Аляска...»

Варшавский также отмечал, что русские названия рыб проникли в языки народов северо-западной Америки. «На карте Аляски мы встречаем русские названия гольца, сельди и кижуча... Из млекопитающих, обитающих в водной среде, отражены на карте Аляски китообразные (белуха, касатка и кит)...».

Немало географических объектов и континентальной части северо-западной Америки и близких к ней островов получили наименования, производные от волка, лисицы, рыси, речного бобра, медведя и других.

С этими животными, обитающими в Новом Свете и во времена Русской Америки и сегодня, понятно. Вызывает удивление, что ручей, впадающий в Юкон, озеро на севе-

Полярная гагара

ре от горы Врангель (Аляска), холм западнее Клондайка, небольшая речка на границе США и Канады у Северного Полярного круга в конце XIX века назывались мамонтовыми. Почему давно умерший исполин попал на географическую карту?

Точного ответа нет.

Слухи о «Горе-Звере»

В часы отдыха и охотники, и рыбаки любят поговорить о таинственных животных, обитающих на суше, в море, в реках, озерах. Подобная традиция существует с древних времен у разных народов.

Промысловики Русской Америки не были исключением. О мамонтах они слышали от туземцев Аляски. Находились индейцы, уверявшие, что сами встречали их — вроде бы давно уже вымерших животных.

По мнению палеонтологов, мамонты исчезли более 10 тысяч лет назад. Однако в XVIII—XX веках и в Сибири, и в Северной Америке объявлялись свидетели, которые наблюдали гигантов с огромными бивнями в труднодоступной тундре и в диких лесах. Некоторые верили в подобные встречи и сами отправлялись на поиски мамонтов. В Северной Америке искали их в долинах рек Юкон и Макензи, в районе канадского Большого Медвежьего озера, но убедительных доказательств существования живых исполинов не находили.

Жителям Русской Америки иногда попадались ценные мамонтовые бивни, которые в те времена почему-то называли рогами.

В своих записках Иннокентий Вениаминов сообщал: «Мамонтовы рога, находимые в Америке, попадаются всегда в песке и на низких местах и в разных положениях (точно так же на острове Павле найден в песке и подле берега). Откуда здесь мамонтовы рога? И почему они попадаются только в песке? И почему попадаются одни только рога, а не кости?

...Мамонтовы рога выброшены сюда со дна Берингова моря вместе с песком (где, может быть, находятся и целые остовы самих мамонтов), потому-то они и попада-

Изделия из мамонтовой кости

ются в низких местах и в песке. А каким образом они попали в море? Предположите, что часть Берингова моря или все море было сушею; а что попадаются одни только рога, это потому, что они скорее прочих частей могут отделиться от остова».

Находки мамонтовых бивней в хорошем состоянии наводили на мысль, что животное погибло совсем недавно. А шаманы с Алеутских островов и Аляски объясняли русским колонистам: «Гора-Зверь обронил свои рога... Скоро вернется и потопчет всех, кто прикасался к ним...»

Может быть, шаманы сами верили в это. А может, просто запугивали чужеземцев, чтобы завладеть ценными бивнями.

Тайные поклонения изваяниям

В 1823 году Василий Берх писал: «...я видел у одного Сибирского старожила разные изображения идолов, зверей и людей из мамонтовой кости Алеутами сделанные, которые меня весьма удивили, и заставили заключить, что Алеуты были прежде не то, что они теперь».

В первой половине XIX века русские замечали, что коренные жители Аляски тайком поклоняются изваяни-

ям мамонтов из бивня. В те годы колонисты уже смогли познакомиться со многими обрядами аборигенов, видели их ритуальные маски, идолов и другие предметы культа. Но мамонтов, вырезанных из бивней, индейцы от них скрывали. Однако русским все же попадались эти изваяния. Размером они были примерно с ладонь взрослого человека.

Однажды у подножия горы Логан, севернее Якутата, двое промысловиков наткнулись на растерзанного медведем шамана. В кулаке он сжимал изваяние мамонта из бивня.

О находке русских каким-то образом тут же узнали индейцы из ближнего селения. Ночью полсотни воинов окружили шалаш бледнолицых. Но грабить и убивать чужаков не стали. Туземцы лишь потребовали отдать им костяного «Гору-Зверя».

Русские повиновались, но полюбопытствовали, почему такая тревога из-за какой-то костяной фигурки. Вождь индейцев нехотя все же пояснил, что мамонта из бивня вырезали «совсем-совсем древние люди». Явились они из-за Ледяного моря, однако «не водой, а посуху», и не «пеши, а верхом на мамонтах». Пришельцы были настолько умными и сильными, что любой «Гора-Зверь» покорялся им. Эти люди спали и умирали в подвесных зыбках (колыбелях) из кожи. Могущественные чужеземцы на лохматых исполинах не порабощали местные племена и даже старались не общаться с ними. Земель и охотничьих угодий в те времена хватало всем.

В предании не упоминается, почему покорители мамонтов вдруг покинули обжитые места. Был некий небесный знак — то ли «упавшая звезда», то ли «пролетевшая мимо земли и озарившая все небо». И таинственный народ на своих лохматых гигантах отправился куда-то вглубь «большого острова» (предположительно на северо-восток Америки).

Загадочные люди не оставили на прежнем месте ни утвари, ни орудий труда. Лишь сохранились их рисунки мамонтов на камнях и деревьях да в пещерах — покойники в подвесных зыбках.

Иннокентий Вениаминов писал о Кагамиляке (один из Алеутских островов): «Остров этот примечателен еще тем, что на западной стороне его, в пещере, и поныне еще видны мертвые тела каких-то людей, висящих в зыбках; подле них находится все их имущество: перлы (рогожки из трав), парки (верхняя зимняя одежда), бобры, стрелки, какие-то тюки и проч., и сказывают, что как самые трупы, так и все находящееся при них кажутся совершенно целыми; но прикоснуться к ним никто не смеет, потому что, говорят, прикоснувшиеся даже к стрелкам были поражаемы открытыми ранами по всему телу, и после долгаго страдания умирали».

Имели какое-то отношение «висящие в зыбках» покойники, упомянутые Вениаминовым, к загадочному народу — покорителю мамонтов? Пока установить не удалось.

Безумная затея

Исследователь северных просторов Тихого океана Александр Филиппович Кашеваров в 1838 году на бриге «Полифем» достиг самой северной точки Аляски — мыса Барроу, открыл ряд заливов и островов. Один из участников его экспедиции матрос Степан (фамилия неизвестна), из-за болезни или ранения, не смог продолжить плавание с Кашеваровым и каким-то образом оказался в Михайловском редуте, построенном на западе Аляски, южнее полуострова Сьюард.

Однажды отправился Степан на ближние холмы за морошкой и наткнулся на плоский камень овальной формы, величиной чуть больше ладони. Очистил он камень ото мха и увидел на нем изображение мамонта и человечка, сидящего верхом.

Степан прихватил находку в форт и показал ее товарищам. Никто из них не встречал существа с хоботом и бивнями. Зато один креол заявил, что слышал от стариков о «Горе-Звере» и о таинственном древнем племени — покорителе лохматых гигантов.

Видимо, был Степан романтической и деятельной натурой. И каменная находка, и рассказ креола взбудора-

жили его. Начал матрос подбивать товарищей отправиться на поиски неизвестного племени и мамонтов. Никто не поддался на уговоры. Убеждали Степана оставить безумную затею. Но тому уже так втемяшилась в голову прихоть, что огромные звери с бивнями стали сниться. Даже строгое предостережение начальника форта не помогло.

Несколько дней обхаживал Степан креола, расспрашивал, в какой стороне искать зверей-великанов и их повелителей. Но креол толком ничего не знал. Лишь пояснил, что много веков назад тот народ с мамонтами отправился на восток, вглубь материка. Больше Степан ничего не смог разузнать. Собрал он в дорогу скудные припасы и покинул Михайловский редут.

Чудесное освобождение

Ждали товарищи, что пройдет неделя-другая — блажь Степана выветрится. И если не погибнет он от рук индейцев, от голода или болезни, то вернется назад.

Но шли недели, месяцы, а от взбалмошного искателя мамонтов — никаких вестей. Сослуживцы поняли: погиб матрос. Искать его даже не пытались. Так и затерялся он в просторах Северной Америки — утонул в глубинах человеческой памяти...

Однако через пару лет о нем внезапно заговорили не только в Михайловском редуте, но и в других фортах и селениях Русской колонии. Двое креолов с берегов Якутатского залива добрались по торговым делам до верховья реки Юкон. Местные индейцы захватили их и приготовились принести якутатчан в жертву своим духам-покровительницам.

В ночь перед кровавым обрядом к несчастным незаметно подкралась маленькая индианка. Она сунула одному из торговцев костяное изваяние мамонта и прошептала: просите «Гору-Зверя», и он придет на помощь... Только хорошенько просите...

Почему маленькая индианка пожелала спасти чужаков, так и осталось тайной. Может, в другой ситуации попавшие в беду якутатчане, принявшие христианство, не стали бы обращаться к языческому костяному идолу. Но

коль смерть подошла вплотную, решили они использовать самый невероятный шанс. А вдруг, да повезет?!

Принялись креолы поглаживать ладонями изваяние и просить о спасении. Сколько прошло времени, никто из них не помнил. Внезапно из ночной темноты послышался рев. Да такой громкий — будто одновременно тысячи сивучей ринулись друг на друга, защищая свои гаремы.

От ужасного звука пленники мгновенно оглохли и повалились без сознания. Пришли в себя, когда утренний туман окутал индейское селение, да такой густой — даже собственную вытянутую руку едва разглядишь. Но все же креолы увидели «Гору-Зверя» и восседающего на нем русского матроса. Тот улыбался им и что-то говорил. Однако оглохшие пленники ничего не расслышали.

Наконец всадник махнул рукой, зверь-исполин развернулся, и через мгновение оба скрылись в тумане. Ошарашенные торговцы несмело поднялись на ноги. Один из них по-прежнему сжимал в руке изваяние мамонта.

Осторожно якутатчане прошлись по селению индейцев. Ни одной живой души!.. Догорали ночные дозорные костры, всюду валялись продукты, шкуры животных, одежды, посуда.

Не стали освобожденные пленники искать свой товар, а стремглав кинулись прочь из селения.

Когда торговцы вернулись домой, конечно же, поведали и о своих злоключениях, и о загадочном спасении. Нашлись такие, кто поверил в эту историю и в само существование мамонта. Некоторые интересовались: как оглохшие торговцы определили, что на «Горе-Звере» восседал именно русский моряк? Вразумительного объяснения не последовало.

Предъявленное костяное изваяние подкрепило доверие к рассказу креолов. Весть об их чудесном спасении разнеслась по Русской Америке. Молва не всегда поддается логике. Обитатели Михайловского форта, услышав историю о таинственном всаднике на мамонте, почему-то пришли к выводу: это пропавший без вести матрос Степан.

Среди жителей Русской Америки и спустя годы еще долго ходили слухи о его приключениях и подвигах. Изредка эти слухи подкреплялись рассказами о новых нечаянных встречах со Степаном в безлюдных уголках Северной Америки. Как всегда, он являлся в трагические минуты в роли спасителя, и обязательно — верхом на мамонте.

Газетные сенсации

В конце XIX века в северо-западной Америке снова вспомнили об ископаемых гигантах. В прессе появились сообщения охотников и старателей о том, что они видели следы мамонтов в труднодоступных лесах Канады и в заболоченной тундре Аляски. Вскоре этого показалось мало, и в газеты стали обращаться сомнительные личности, утверждавшие, что встречали живых исполинов на просторах между рекой Юкон и верховьем Макензи.

В 1901 году из городка Доусон, расположенного в устье реки Клондайк на северо-западе Канады, в британские газеты и журналы поступила ошеломляющая весть. Клондайкские золотоискатели сообщали, что в один поселок старателей ворвался взбесившийся мамонт. Он сокрушил множество домов и хозяйственных построек, растоптал не одну сотню людей, но вскоре погиб, запутавшись в телеграфных проводах. Подобные сообщения вскоре пришли в редакции Санкт-Петербурга, Вены, Парижа. Нашлись газеты, опубликовавшие сенсацию.

Информаторы из северо-западной Канады приводили данные: высота в холке ископаемого великана — 15 футов (т.е. более 4,5 метра), длина от головы до хвоста — 22 фута (более 6,6 метра).

Даже среди бывалых людей оказались те, кто воспринял сообщение о мамонте всерьез. Уже известный к тому времени писатель Джек Лондон собрался отправиться на берега Клондайка, чтобы лично увидеть скелет исполина. Поездка писателя сорвалась. Зато появился его рассказ о живом гигантском звере.

В 1915 году, несмотря на трудности военного времени, в редакцию петроградской газеты пришло письмо из

Джек Лондон собирался отправиться на берега Клондайка на поиски мамонта

Америки от охотника Ивана Устюгова. Он промышлял где-то в восточной части Аляскинского хребта. Как сообщал охотник, ему дважды пришлось встречаться с мамонтами. Первый раз он увидел вдалеке стадо исполинов. Их было четверо. Подобраться поближе не удалось. Устюгова отделяла от животных река с неокрепшим льдом. Перебраться через нее Иван не решился.

А через пару месяцев охотник встретил мамонтенка, застрявшего в глубоком снегу. Его окружили волки. Устюгов решил отогнать голодных хищников, взялся за ружье, но тут на помощь малышу подоспела мамонтиха. Волки мигом разбежались.

Иван понял, что в такую минуту не стоит попадаться на глаза обозленной великанше, и затаился в сугробе.

Мамонтиха протоптала в снегу дорожку для малыша, и семейство удалилось в лесную чащу. Охотник отыскал на месте, где попал в беду мамонтенок, клок волос, то ли — малыша, то ли — его матери, и прихватил его с собой. Это было единственное подтверждение рассказа Ивана о необычной встрече.

Бывалые охотники из селений Юго-Восточной Аляски определили, что волосы принадлежали неизвестному им зверю. Осталось слово за наукой. Находку Устюгова отправили в Сиэтл. Какими были результаты экспертизы и что ответили ученые — неизвестно.

«Игор — неисправимый бродяга»

В начале двадцатых годов прошлого века, несмотря на послевоенную разруху в Советском Союзе, трое русских студентов каким-то образом смогли отправиться из Москвы на Аляску. Цель путешествия — поиск живых мамонтов!..

Можно лишь догадываться о трудностях, поджидавших этих романтиков на сибирских тропах. Голод, болезни, бездорожье, холода, многочисленные таежные банды... И все же студенты добрались до Чукотки и сумели договориться с местными жителями. Их не сдали представителю «ЧК», а тайком переправили на американский берег. Какова дальнейшая судьба этих романтиков, — точно не известно.

В шестидесятых годах прошлого века в городке Талкитна, расположенном примерно в сотне километров южнее знаменитой горы Мак-Кинли, иногда появлялся приметный старик. Его называли «Игор — неисправимый бродяга».

Старик неустанно поправлял жителей Талкитна:

— Когда же вы наконец запомните?.. Зовут меня Игорь. Не ленитесь добавлять мягкий знак. И я вовсе не бродяга, а отшельник-мечтатель. То есть — истинный философ...

Но к его замечаниям не прислушивались: «Игор-бродяга» легче было выговаривать. К тому же обитатели Талкитны не знали, что такое мягкий знак.

Вид на гору Мак-Кинли

В эпоху битников и хиппи бродячие мыслители были в почете среди американской молодежи. А потому интересны прессе. Услышал об Игоре один нью-йоркский журналист, шатавшийся по Аляске в поисках сенсаций, и решил встретиться со стариком.

Вот тогда и услышал журналист о русских студентах, прибывших на Аляску в двадцатых годах. Узнал он также, что из троих в живых остался только Игорь. Один студент сошел с ума и бросился в озеро. Другой исчез таинственным образом: вышел однажды ночью из шалаша и не вернулся...

Роковые знаки на карте

После щедрого угощения Игорь доверительно сообщил журналисту о своих встречах с мамонтами.

Вначале нью-йоркский охотник за сенсациями отнесся к этому с недоверием. Но слишком бесхитростным был рассказ старика, и он вовсе не желал, чтобы его имя появилось в прессе.

Зачем тогда бродяге сочинять фантастические истории? Журналист поразмыслил и пришел к выводу: есть вероятность «сшибить стоящую сенсацию»!..

И он принялся уговаривать старика показать места обитания мамонтов.

Денег за информацию бродяга не требовал. Бутылка виски на двоих и задушевный разговор до полуночи — вот и все вознаграждение, которое пожелал старик.

Игорь оценил физические возможности журналиста и заявил:

— Вряд ли ты выдержишь переход по тундре, по горам, через лес. Наверняка спустя пару дней свалишься и проклянешь свою затею и меня заодно. Подыщи-ка лучше среди тех, кому доверяешь, тренированных парней, кто уже хаживал по диким местам Аляски. Из них и составишь экспедицию. А я готов подрядиться проводником.

В подтверждение своих добрых намерений, Игорь вручил нью-йоркскому репортеру крупномасштабную карту Аляски. На ней отшельник обозначил места, где сам встречал мамонтов и где, по его мнению, они могут обитать.

Журналист, в свою очередь, заверил, что столь важный документ будет храниться в секрете и не станет достоянием общественности, пока экспедиция не вернется с вескими доказательствами существования живых мамонтов.

Все же на прощание отшельник предупредил:

— Не сдержишь слова, раззвонишь о моей карте — большую беду на себя накличешь... И не сносить тебе тогда головы...

Почему ушлый нью-йоркский репортер поверил бродяге, — неизвестно. Может, слишком жаждал сенсации?..

Посмотрев карту, он лишь поинтересовался:

— Что это за странные знаки на ней: «U_3O_8»?..

Собеседник в ответ пожал плечами и, едва сдерживая усмешку, пояснил:

— Этими произвольными буквами и цифрами я умышленно обозначил на карте места появления мамонтов. С виду вроде бы химическая формула. Поди, догадайся, что речь идет о «живых допотопных тварях».

Приезжий одобрил хитроумную выдумку старика:

— Действительно, знаки похожи на какую-то химическую формулу...

«Расческа и грабли»

Что произошло потом с этим журналистом, — в деталях неизвестно. Слово свое он не сдержал и, вместо организации экспедиции, подготовил большой очерк о живых мамонтах для журнала «Кольерс». К нему прилагалась карта, купленная у аляскинского бродяги...

Однако сенсация не состоялась. Весть о готовящейся публикации вышла за пределы редакции. В офис журнала нагрянула целая орава неулыбчивых деловитых парней. И сам очерк о живых ископаемых гигантах, и карта с пометками были изъяты.

Деловитые парни строго предупредили:

— Всем, кто видел карту, — навсегда забыть, где водятся мамонты!.. Иначе сами отправитесь на их поиски в аляскинскую стужу!..

С автором очерка у них состоялся долгий разговор. От журналиста требовали признания, откуда он знает о залежах низкотемпературных гидротермальных урановых руд на Аляске. В Северной Америке в то время уже были известны месторождения урана в районе Большого Медвежьего озера, в провинции Саскачеван, в районе озера Атабаска и в штатах Колорадо и Юта. Предположение о том, что на Аляске есть руда с высоким содержанием U_3O_8, хранилось в строжайшем секрете!..

Перепуганный журналист тут же сообщил о русском бродяге.

Это известие потрясло деловитых парней, но еще больше — их высокопоставленных начальников:

— Скандал!.. Раскрыта государственная тайна!.. Русские знают об урановых залежах на Аляске!.. И не просто знают, а точно указали на карте места, где можно добывать бесценный U_3O_8!.. Пока Соединенные Штаты лишь готовились к тайному поиску урановых руд на своем Крайнем Севере, Россия уже все разведала!..

Лепет журналиста о живых мамонтах посчитали самым идиотским прикрытием, какое можно было придумать. Из него стали «выжимать правду».

Пока незадачливого любителя сенсаций пичкали психотропными препаратами, на секретную военную базу в районе Анкориджа уже вылетели самолеты с десятками спецагентов. Приказ Вашингтона был лаконичен и непонятен для несведущих: «Расческа и грабли!».

Но опытные агенты прекрасно знали: чем короче приказ, тем дольше им придется прозябать в студеном, неприветливом крае. Операция «расческа» предусматривала нудные и малоэффективные допросы жителей десятков селений Аляски с выяснением, что они слышали о русском бродяге по имени «Игор».

А «грабли» означали прочесывание тундры, гор, лесов в поисках таинственного «мамонтоведа».

Люди, живущие в суровых северных условиях, недолюбливают «пришлых с южных земель». Особенно когда выросшие в «тепличном» комфортном мире начинают поучать, требовать, угрожать, вносить сумятицу в налаженный ритм жизни.

Прытким и дотошным агентам аляскинские старожилы охотно рассказывали о мамонтах и о не ведомых науке зверях, о самоцветах и золоте, которыми богат их северный край. Но мест расположения урановых руд, а тем более, где искать русского по имени «Игор», они «не знали».

На Севере своих не сдают, и бродяга бродягу там не выдает. Поиски спецслужб ни к чему не привели. Хитроумные «грабли» и «расчески» обломались о студеный дух Аляски.

Вопрос для будущих исследователей

Затерявшегося в северных просторах «мамонтоведа» в отчете назвали психически больным, выдающим себя за русского. На карте он якобы случайно изобразил U_3O_8 в тех местах, где предполагаются богатые залежи урана.

И не такие бывают совпадения!..

Знанию северным скитальцем химической формулы тоже нашлось объяснение: по дорогам США бродяжничают тысячи бывших студентов, битников, хиппи — последователей учения Генри Торо. А свихнувшийся старик по имени «Игор» — наверняка один из них.

Наверное, во всей этой истории пострадал лишь журналист — любитель сенсаций. То ли ему предложили убраться подальше от Нью-Йорка, то ли сам смекнул, что так будет лучше для него. Даже вездесущие нью-йоркские репортеры не смогли узнать, куда он подевался.

О русском отшельнике с той поры тоже ничего не известно. Хотя, может быть, кто-то из аляскинских охотников и знает о его судьбе, но — помалкивает.

До сих пор в этой истории непонятно, зачем бывшему студенту — северному бродяге — понадобилось обозначить на карте залежи урановой руды. Что за этим: желание пошутить, причуда оригинала или иной повод?.. Объяснить это мог лишь сам Игорь...

В девяностых годах прошлого столетия один исследователь всевозможных тайн заявил, что о живых мамонтах на Аляске и на севере Канады стало известно от русских колонистов. Туземцы поклонялись мамонтам и скрывали факт их существования от белых пришельцев.

Можно ли воспринимать всерьез подобное заявление?.. Пока нет ему ни достойного опровержения, ни подтверждения. А существование живых мамонтов в Новом Свете остается пока лишь частицей фольклора жителей Русской Америки.

Может быть, в этом разберутся будущие исследователи.

ПРОМЫСЕЛ В ТИХОМ ОКЕАНЕ

...Объявят, что к отходу любой корабль готов,
И мы через полгода забьем пятьсот китов.
....
Полезли мы на ванты, и слышен голос нам,
«Поглядывай на реи, не то пойдешь к чертям!»
Наш капитан на мостике, мы забрались на ют,
Кричит впередсмотрящий: «Китов фонтаны бьют!»
«Спускайте, парни, шлюпки, за ними вслед пойдем,
Да будьте осторожны: перешибут хвостом!»
Забили, потащили, настал разделки час,
Для отдыха минутки нет никому из нас...

Песня китобоев. XIX век

Охотники на китов

Если бы не существовало этих гигантов-океанов, освоение человеком северных земель и морей совершалось бы несколько иначе.

Мясо, жир, усы, кости китов — издавна использовались народами Заполярной Европы, Азии, Гренландии, Америки. Жители Русской Америки из поморов уже имели опыт охоты на морских гигантов в водах Северно-Ледовитого океана. В новых условиях они перенимали опыт алеутов, чукчей, эскимосов.

Петр Тихменев писал: «Промысел китов составлял необходимую статью в продовольствии, как для русских, так и для алеутов, тем более что последние при всякого рода пище не могли обойтись без китового жира, и вдобавок употребляли его для смазки байдар по несколько раз в год...»

Тихменев отмечал, как отважно алеуты со своим примитивным вооружением вели промысел в океане: «Окруженный иногда не одною сотнею сивучей или моржей, алеут смело преграждал им путь к морю... часто с единственным оружием палкою или копьем, и с тем нередко без всякой помощи бросается один в своей байдарке на огромную касатку или подплывает к большому киту и подстреливает его, тогда как лучшие американские китобои выезжают на эту ловлю в вельботе, в числе не менее пяти человек.

Если бы алеут мог бросить в кита гарпун и преследовать его, как это делают обыкновенно в этом промысле, а не ограничиваться ожиданием выкида раненного стрелою на берег, то и в таком деле он, может быть, не уступил бы другому, но байдарка, незаменимая ничем для него в море, не представляет, по устройству своему, никаких удобств и даже возможности для правильной китовой ловли...»

Алеуты и эскимосы обучали детей с пяти-семи лет ремеслу охоты на морских гигантов. Вначале мальчикам рассказывали о различных видах китов, об их повадках и особенностях, показывали, как правильно бросать копье

и пользоваться байдаркой, привлекали к разделке туш морских животных на берегу.

В четырнадцать-пятнадцать лет алеуты и эскимосы уже самостоятельно выходили на промысел. Русские колонисты, перенимая опыт американских народов, все же охотились на китов не в одиночку, а артелью, на нескольких лодках, применяя гарпуны.

Кровавые нашествия

Иностранные китобои были опасными соперниками для русских колонистов в Северной Америке. Писатель и историк Сергей Марков отмечал, что в 1849 году известный в те времена капитан Райс привел в северную часть Тихого океана 154 китобойных корабля. За шесть или семь месяцев эта армада сумела добыть 2 481 600 фунтов (почти тысячу тонн) китового уса и 206 850 бочек китового жира.

Год спустя на американском побережье Берингова моря было обнаружено несколько сот убитых кашалотов, дельфинов, белух, касаток и других китообразных. Видимо, их забили так много, что у охотников не хватило времени и сил разделать животных.

Иностранные китобои не только уничтожали в неимоверном количестве морских гигантов, но и совершали разбойничьи набеги на колонии Русской Америки и селения туземцев. Они захватывали продукты, вырубали леса, разрушали и жгли постройки, захватывали в плен людей.

Русским колонистам вместе с алеутами и другими жителями Нового Света не раз приходилось сражаться с морскими налетчиками. Английские и испанские китобои к тому же часто продавали туземцам оружие и спиртное и подбивали их восставать против русских.

Варварское истребление китообразных в северных водах Тихого океана уже к середине XIX века привели к резкому сокращению морских животных. Царское правительство понимало, что необходимо создавать крейсерскую службу, отлавливать китобоев-браконьеров, регулировать промысел, искать способы защиты от неза-

конной добычи китообразных. Меры принимались, но существенно исправить положение они не могли.

В 1842 году царское правительство получило тревожное письмо от руководства Российско-американской компании: «...жители Алеутских и других островов, лежащих в Беринговом или Камчатском море, существуют и питаются исключительно, можно сказать, добываемыми в том море китами. А потому американские суда, промышляющие китов в российско-американских морях, не только нарушают тем неприкосновенность российских владений, но и угрожают, по мере истребления китов, лишить туземцев того края империи главного и почти единственного средства пропитания».

СИЛАНТИЙ И ЦАРЕВИЧ

Мудрый зверь, могучий зверь, прости,
что поднял на тебя руку...
Я не могу смотреть тебе в глаза, самому
близкому для меня существу в море, и
все же смертоносное копье брошено.

Заклинание алеутов. XIX век

«Не гневайся, зверь-рыба»

В справочной литературе об этих великолепных хищниках говорится: «Касатка — морское млекопитающее подотряда зубатых китов. Самцы достигают 10 метров длины... Окраска спины и боков — черная; над глазами касаток и у основания спинного плавника имеются белые полосы. Распространена в морях и океанах Северного и Южного полушарий до кромки полярных льдов...

Питаются касатки рыбой, головоногими моллюсками, охотятся на тюленей, сивучей, котиков, моржей, белух, дельфинов, акул. Иногда нападают на крупных китов».

У народов тихоокеанского побережья Северной Америки и у русских колонистов издавна сложилось почтительное отношение к касаткам. Даже у тех, кто охотился на этих самых грозных и могучих хищников планеты.

Существует мнение, что касатки не нападают на людей и даже помогают терпящим бедствие в океане

Существует мнение, что касатки не нападают на людей и даже помогают терпящим бедствие в океане. А по отношению к человеку — становятся агрессивными лишь когда ранены. Случалось, они переворачивали и крушили китобойные суда, но подобное происходило, если в трюмах находились туши этих животных. Ведь кровь сородичей хищник чует за десять и более миль.

Так считали тихоокеанские китобои и в прошлые века, и в наше время.

В старину существовал обычай: за каждую убитую касатку охотники резали себе палец, а окровавленный нож кидали после этого за борт. «Не гневайся, могучая зверь-рыба, теперь мы квиты... Моя и твоя кровь досталась море-океану...» — произносили китобои.

В первой половине XIX века у алеутов и эскимосов еще сохранялась традиция: мазать младенцев жиром касатки, чтобы ребенок стал сильным, бесстрашным и мудрым, как этот зверь. Алеуты вырезали из моржового бивня или из камня обереги в виде касатки. Лишь когда

охотник умирал, его оберег родственники выбрасывали в море и произносили: «Хозяин освободился от земли, теперь и ты свободен, зверь-рыба... Помоги его сыновьям и внукам...»

Пленник лагуны

История эта произошла на одном из островов архипелага Александра. После землетрясения у берега того острова образовалась крохотная лагуна. Когда стихия угомонилась и прекратились подземные толчки, промысловик Силантий обнаружил в лагуне детеныша касатки.

Малыш попал в плен. Путь в океан ему преграждала узкая полоса из песка и камней, появившаяся в результате землетрясения. Вода в лагуне лишь едва прикрывала спину зверя. Он бился, елозил по дну, взмахивал хвостом, покачивался с боку на бок, однако все его действия ни к чему не приводили.

Неподалеку от берега медленно плавала стая касаток. Хищники то приближались к острову, то уходили в открытый океан, и снова возвращались. Лишь одна касатка оставалась на месте и кружила возле запертой песком и камнями лагуны.

Наверное, мать детеныша, — догадался Силантий. Он подошел к воде и стал прикидывать, можно ли помочь пленнику. Заметив человека, мать-касатка на какое-то время замерла у самой полоски, отделявшей океан от лагуны. Над водой тревожно покачивался ее высокий спинной плавник.

Силантию показалось, что огромная хищница смотрит на него жалостливо и с надеждой. От такого взгляда стало не по себе. Человек, сам не зная зачем, передвинул топор за поясом к спине, а ружье положил на камни.

«Был бы этот малыш раза в три поменьше... А такого, в две сажени длиной, разве перетащишь через преграду в океан?..» — сокрушенно подумал Силантий.

Оглядел еще раз лагуну... И все же решил спасти детеныша касатки.

— За пару деньков можно прокопать ему выход в океан, — прикинул он.

На глаза ему попался выброшенный на берег после землетрясения огромный палтус:

— Вот и угощеньице для узника!.. Хотя любая тварь, коль попала в беду, о еде не помышляет.

Все же промысловик подобрал палтуса и отнес к касатке. Пленник лагуны даже не взглянул на рыбу. Наверное, появление человека напугало его, и он заметался на мелководье с новой силой.

Всполошилась и мать пленника. Она стала бить хвостом так яростно, что брызги воды долетали до берега.

Путь к свободе

Чтобы пробить выход в океан и освободить детеныша касатки, нужна была кирка и лопата. Силантий отправился за инструментами в лагерь. Двое крещеных индейцев увязались за ним. Они помогали русскому выбирать и метить деревья на острове, пригодные для постройки судов. Работа давно была выполнена, и туземцы изнывали от безделья в ожидании галиота, чтобы вернуться на остров Ситка.

Увидев в лагуне детеныша касатки, индейцы тут же схватились за ножи.

Но Силантий остановил их:

— Рыбу-зверя не трогать!.. Надобно его на волю выпустить.

Туземцы удивились: добыча сама пришла в руки!.. Чудной какой-то этот русский... Зачем упускать дар большой воды?..

По правде говоря, Силантий не мог объяснить даже себе, зачем спасает детеныша касатки. Ни слова не говоря помощникам, принялся за дело — пробивать выход к океану.

А тем временем индейцы уселись на берегу лагуны и задымили трубками.

Изредка они отпускали насмешливые замечания:

— Зря трудишься... Все равно белобрюхий к вечеру сдохнет...

— Иль не видишь, что он едва шевелится?..

— Давай-ка мы его побыстрей разделаем, пока не пришла большая вода...

Но упрямый Силантий продолжал орудовать лопатой и киркой.

— Раз бедолага слопал рыбу, значит, еще не помирает... А вы бы, дымоглоты, не болтали попусту, а подмогли мне...

— Ты знаешь, Сил, мы всегда с тобой заодно, — ответил один из индейцев. — Но духи белобрюхих издавна убивали наших предков. Нам нельзя спасать белобрюхого детеныша. Иначе предки нас проклянут с того света...

Силантий спорить не стал. Гнев предков — дело не шуточное. Особенно в этой, диковинной для русского человека, земле.

Два дня Силантий пробивал дорогу из лагуны в океан. Детеныш касатки уже спокойно воспринимал приближение человека. Он даже не отказывался принимать из его рук рыбу и кальмаров.

Добывать пищу для пленника не представляло трудностей. Мертвых кальмаров, скатов, палтусов и даже небольшую акулу Силантий находил на отмели рядом с лагуной. Сам он не видел, но догадывался, что их убивает и доставляет мать-касатка.

Грозная хищница тоже стала относиться спокойней к появлению в лагуне человека.

— Видно, поняла царица моря-океана, что я хочу освободить ее царевича, — заявил Силантий индейцам.

Те по-прежнему не желали помогать ему и лишь наблюдали за работой бледнолицего да отпускали ехидные замечания в адрес странного русского.

На третий день, когда проход из лагуны в океан был почти завершен, Силантий проснулся раньше обычного. Огляделся и не увидел в шалаше своих помощников. Тут же мелькнула тревожная мысль: «царевич»!..

Схватив ружье, он кинулся к лагуне. Успел... Один индеец уже занес над детенышем касатки пешню, другой нацелил в морского зверя копье.

Не раздумывая, Силантий выстрелил поверх голов «помощников».

От неожиданности оба отскочили от края лагуны и заорали:

— Сил, дурак!..

— Из-за белобрюхого чудовища нас вздумал убить?! Все начальнику расскажем!..

— Человека на тварь морскую променял?!

К этому они добавили немало крепких словечек, которым недавно обучил их сам Силантий.

Промысловик остался доволен учениками: ухмыльнулся и ответил им в том же духе:

— ...., и чтоб на версту не подходили к лагуне! ....

«Авось, когда-нибудь свидимся»

На том ссора угасла. Индейцы немного поворчали и отправились прочь от берега, а Силантий снова принялся за работу.

К полудню выход в океан был пробит. Но человеку еще пришлось поднапрячься, чтобы вытащить детеныша касатки из лагуны. Еще какое-то время он тянул за хвост пленника по мелководью.

И наконец — свобода!.. Океан!..

Силантий, не обращая внимания на холод, долго стоял по колено в воде.

— Прощай, царевич!.. Авось, когда-нибудь свидимся... А лучше — не стоит!.. Кровью заканчиваются встречи людей с твоими сородичами...

Несколько мгновений освобожденный детеныш касатки оставался неподвижным, словно не верил, что оказался в родной стихии.

Вдалеке над спокойной водой показался высокий плавник. Мать-касатка устремилась к детенышу.

— Прощай, царевич!.. — повторил Силантий и вернулся на берег.

Он почему-то решил не оборачиваться и не смотреть на спасенного малыша касатки. Но когда поднялся на холм, не сдержался... В открытый океан, все дальше от берега, мчались черные плавники, один — побольше, другой — поменьше, а за ними по воде тянулись едва приметные серебристые следы...

«Убой-волна»

После спасения пленника лагуны вроде бы ничего не изменилось в жизни Силантия. Вот только перестал он ходить на китовый промысел. А когда однажды шторм выбросил на берег мертвую касатку, отказался с другими колонистами ее разделывать. Никакие увещевания товарищей не помогли.

Обиду никто на него не затаил: вдали от родимых мест, даже на самой доброй чужбине, у каждого появляются свои причуды.

Иногда Силантий по вечерам, а то и ночью, оставался на берегу океана. Что он высматривал или пытался услышать в темноте? Свою сторонку, покинутую много лет назад, близких и подзабытых людей?..

О том бывалый промысловик молчал, а расспрашивать даже самые бесшабашные и зубоскалистые не решались. Но однажды он сам рассказал, что видел в ночи, как на него смотрел «Рыба-Зверь», прозванный «Царевичем». И взгляд тот был предостережением от большой опасности.

Многие не поверили тогда Силантию, но вскоре беда и в самом деле случилась. С десяток колонистов возвращались от Дионисиевского редута на Ситху. Был с ними на корабле и спаситель детеныша касатки. Лишь только отчалили, как вдруг, в считанные минуты, отступила от берега вода. Не успела команда сообразить, в чем дело, как судно оказалось на мели.

— Братцы, за борт!.. Валите во всю прыть на горочку!.. — заорал Силантий, спрыгнул с корабля и, высоко подпрыгивая, чтобы не запутаться ногами в водорослях обмелевшего дна, ринулся на берег.

Не оборачиваясь, он еще раз крикнул:

— За мной, братцы!.. «Убой-волна» идет!..

Так в XIX веке жители Русской Америки называли «цунами».

Лишь когда удалось ему подняться на горочку, Силантий посмотрел назад. Горизонт от края до края уже затянула черная пелена. Нарастал гул, а океан отступал все

дальше от берега. С большим опозданием люди на корабле осознали предостережение и тоже кинулись к берегу.

Опоздали... Черная стена «убой-волны» с ревом поглотила брошенное судно, а затем настигла команду. Никто из них не успел добежать до укрытия...

Еще одно предостережение

Силантий уверовал, что именно «Царевич» спас его от «убой-волны», и частенько рассказывал об этом товарищам.

Как-то раз он снова почувствовал из темноты ночного океана взгляд касатки. И снова произошла беда. Силантий в составе отряда русских исследователей находился тогда на берегу залива Скагуэй, расположенного в юго-восточной части Аляски.

Первопроходцы поставили там первую избу, стали возводить частокол. Наладились у них добрые отношения с местными жителями. Завязалась торговля и выгодный обмен.

Однажды ночью Силантий вдруг принялся тормошить товарищей:

— Эй, проснитесь!.. Хватайте оружие, и за мной!.. Да встрепенитесь, квёлые!.. Смерть на подступах!..

Никто не послушался. Лишь брань и сонное ворчание в ответ. Но упрямый Силантий не отставал. Наконец ему удалось вывести людей из новенькой избы и уговорить спрятаться за ближними деревьями.

На расспросы товарищей виновник этой кутерьмы заявил:

— Готовьтесь к драке... Дикие подбираются...

И в самом деле, не прошло и четверти часа, как на другом конце поляны, где стояла изба, появились огни, раздалось многоголосье, похожее на волчье завывание, и послышались треск сучьев, непонятные крики.

Жилище колонистов было внезапно окружено индейцами. На крышу избы полетели зажженные факелы. Прозвучало несколько выстрелов.

— Всего три ружья у диких, — определил кто-то из русских.

— Сладим, — уверенно отозвался другой. — Пороху у нас хватает, да и славны сабельки под рукой...

Колонисты заняли удобную позицию и открыли огонь. На фоне горящей избы нападавшие оказались легкой целью. Бой длился считанные минуты. Потеряв с десяток убитыми, индейцы бежали.

Среди русских лишь двое получили незначительные ранения. Подожженное жилище удалось быстро погасить.

В ответ на слова благодарности товарищей за счастливый исход дела, Силантий лишь пожал плечами и заявил:

— «Царевичу» спасибо... Он предостерег...

Спорить никто не стал. А слух о необычной дружбе человека и касатки прокатился по всем селениям Русской Америки.

Среди людей, живущих в суровых условиях, вдали от родины, всегда находились способные рассказчики былей и небылиц. Любая правдивая история ими частенько приукрашивалась, так что слушателям трудно было понять, где реальность, а где вымысел.

Когда последнему главному правителю Русской Америки, капитану 1-го ранга, князю Дмитрию Петровичу Максутову сообщили о дружбе человека и касатки, он отнесся к рассказу с недоверием.

— Много раз наблюдал в морских походах за этими самыми грозными хищниками океанов... Не могу представить, что у них может появиться привязанность к людям, — ответил Максутов, но все же попросил секретаря записать для него необычную историю дружбы и гибели человека и морского зверя.

Последнее сражение

Не только русским военным морякам приходилось пресекать бесчинства китобоев в северных водах Тихого океана. Против опасных браконьеров выходили и гражданские служащие Русской Америки. На утлых суденышках, без пушек, имея лишь ружья и пистолеты, они противостояли хорошо вооруженным иностранным китобоям. Случались перестрелки и рукопашные схватки. Гибли и жители Русской Америки, и браконьеры.

Последний бой Силантия произошел, когда он с товарищами остановил то ли английское, то ли испанское китобойное судно. Русские подошли с берега на яле и потребовали прекратить незаконный промысел. В ответ с иностранного корабля раздались хохот и брань. Китобои навели пушки на ял.

Силы были неравными. Силантий приказал повернуть к берегу за подмогой. Но с корабля прогремели пушки, и русские открыли ответный ружейный огонь. Несмотря на короткое расстояние между противниками, браконьеры не сразу смогли попасть на маленькое суденышко. Наверное, помешал начавшийся шторм.

Силантий дал знак товарищам налечь на весла, а сам продолжал стрелять. Бой длился до тех пор, пока пушечное ядро не пробило борт яла. Вода быстро залила шлюпку. Гибель экипажа была неминуема. В холодных водах Алеутского залива человек может продержаться лишь несколько минут.

Наверное, последнее, что увидел в своей жизни Силантий, — огромную касатку, ринувшуюся на китобойное судно.

«Царевич» (а рассказчики легенды не сомневаются, что это именно он) опоздал... С корабля заметили стремительную атаку гигантского хищника и открыли огонь. Смертельно раненный «Царевич» все же сумел первым ударом проломить деревянную обшивку судна. У него хватило сил нанести и второй сокрушительный удар. Корабль и китобои были обречены.

«Царевич» повернул к месту гибели ялика, но доплыть туда уже не смог...

Когда на следующий день шторм закончился, русские колонисты увидели на берегу тела Силантия и огромной касатки. Поскольку многие жители Русской Америки слыхали рассказы о необычной дружбе человека и морского зверя, ни у кого не вызвало сомнений, что рядом с их погибшим товарищем — именно «Царевич».

На берегу, но чуть поодаль, находились обломки русской шлюпки и иностранного судна...

Никто из колонистов не предложил разделать, как водится, труп касатки. Решили вернуть мертвого зверя океану. Наверняка Силантий одобрил бы это. Его похоронили на прибрежном холме, откуда хорошо просматривался океанский простор. А «Царевича» с превеликим трудом стащили в воду и отбуксировали на глубину.

«Человеку свое место, морскому зверю свое, — заключил кто-то из колонистов. — Зато они не далече друг от друга. И душа зверя, если она у него есть, будет, как и в земной жизни, предупреждать душу Силантия об опасностях...».

«ИХ ГОЛОСАМИ ПОЕТ ПОГИБЕЛЬ»

Старый кит чует свою смерть за двое суток. Вначале он исполняет для сородичей прощальный танец. А затем в ночной темноте подплывает к берегу и затягивает последнюю песню. Кит поет лишь один раз — в самом конце жизни. И мало кто из людей догадывается, что непонятные звуки тоски и скорби издает могучий зверь... Так хозяин морей и океанов прощается с главным своим соперником — человеком...

...И с той поры, как морские великаны забрали к себе русского музыканта, мы перестали на них охотиться и уходить далеко от земли...

Из предания индейцев квакиутль

«Земля уснувшего кашалота»

К середине XIX века многие племена тихоокеанского побережья Америки прекратили охотиться на китов. Не выдержали конкуренции. Китобойные корабли Англии, Америки, Испании и России были лучше приспособлены к массовой охоте на морских гигантов, чем легкие лодочки туземцев. Да и бледнолицые промысловики всячески старались мешать добывать китов алеутам, эскимосам, индейцам. Бывали случаи, когда их лодки уничтожались огнем корабельных пушек.

Индейцы квакиутль называли кашалотов «великоголовыми»

В начале существования Русской Америки племена индейцев квакиутль заселяли тихоокеанское побережье от земли, где сегодня расположен город Сиэтл, и далее на север, от устья реки Фрейзер, а также остров Ванкувер. Еще в XVIII веке индейцы квакиутль не только добывали тюленей и ловили рыбу, но и охотились на китов. Но, как и другие племена, они также были вынуждены прекратить промысел морских гигантов.

В предании этого народа не говорится о жестокой конкуренции с бледнолицыми китобоями: «...Настал день, когда вождь "великоголовых" (так квакиутль называли кашалотов) сказал своим собратьям: "я устал плавать по холодным и теплым морям и отныне буду островом... И поселится на острове народ, почитающий нас, "великоголовых", который станет совершать для нас жертвоприношения и исполнять особую песню. А если племя не исполнит это, я проснусь и сам пропою людям прощальную песню и уничтожу их..."»

Когда-то остров Ванкувер индейцы квакиутль называли «Землей уснувшего кашалота». Бледнолицым они рассказывали, что перед смертью «великоголовые» исполняют свою прощальную песню. «Их голосами поет сама погибель», и любой человек, услышав ее, исчезает из мира живых, но не объявляется среди покойников. Где он су-

ществует, знают лишь мертвые «великоголовые». Но их никто не может спросить...

Беглец-пленник

Однажды в селение индейцев квакиутль на севере Ванкувера прибыл на кожаной алеутской байдаре бледнолицый. Как выяснилось, это был русский беглец с острова Баранова. За какое-то преступление правитель колонии посадил его под замок и собирался отправить на Камчатку или в Охотск для судебного следствия.

Видимо, грозило ему суровое наказание, раз он решился на отчаянный поступок: бежать в неведомые земли, к неизвестным племенам. А преодолеть беглецу пришлось несколько сот миль. Сколько времени он скитался, где и как добывал пропитание, в какие передряги попадал — осталось загадкой.

Индейцы встретили его настороженно. Расспросы длились много дней. Незваный гость не знал местного языка, а туземцы селения не владели русским.

С помощью нарисованных на земле знаков, мимики, жестов беглец попытался объяснить, кто он, откуда и почему прибыл. Его настоящее имя так и осталось не раскрытым и для индейцев квакиутль XIX века, и для современных исследователей тайн Русской Америки.

Поскольку беглец частенько повторял фразу «Эх, Москва!.. Куды ж тя занесло?!», аборигены стали называть его «Эхмосква».

Долгие расспросы бледнолицего чередовались с совещаниями старейшин племени. Как поступить с пришельцем? Оставить на положении невольника? Обменять на товар в соседнем селении? Принести в жертву «великоголовым»?.. Старейшины спорили, но не могли прийти к единому мнению.

Омраченный праздник

Русский беглец, видимо, обладал большим опытом и смекалкой. От вынужденного безделья на Ванкувере не маялся, а заучивал слова туземцев, наблюдал за их бытом

и обычаями, а потом стал выходить с ними добывать тюленей.

Несмотря на его неопределенное положение и будущее, индейцы все же пригласили русского на свой главный праздник — потлач. Обычно на это знаменательное событие иноплеменники не приглашались. Квакиутль считали, что чужак испортит веселье, украдет посвященные духам племени песни, пляски, подарки и отдаст своим идолам.

Потлач устраивали многие народы севера тихоокеанского побережья: тлинкиты, нутка, хайда, сэлиш, чинуки. В XIX веке тлинкиты приглашали на этот праздник жителей Русской Америки. Потлач длился несколько дней и сопровождался обильным угощением, плясками, пением, раздачей подарков и жертвоприношениями духам племени.

Квакиутль также делали подношения океану, морским зверям и, конечно же, кашалотам. В воду бросались ценные, по мнению индейцев, предметы: украшения, костяные и деревянные фигурки животных и даже оружие.

Если во время потлача вблизи острова появлялись кашалоты, квакиутль дырявили днище одной байдары так, чтобы она вскоре затонула. В нее бросали сломанное оружие, с которым они охотились на морских зверей. Лодку с жертвоприношениями привязывали к другой и доставляли как можно ближе к кашалоту. Пока она не затонула, индейцы пели песни, прославляя «великоголового», и просили помогать им в охоте.

Во время праздника туземцы велели бледнолицему исполнить танцы и песни своего народа.

— Покажи, Эхмосква, как ты благодарен «великоголовому» и нашим духам за то, что живым и невредимым добрался до нашей земли!.. — приказали старейшины.

Русский не стал ломаться и от души принялся плясать и петь. Туземцы покатывались от смеха: так необычны были движения и песни чужеземца. Но его выступление прервал и омрачил праздник новый гость — шаман с островов, расположенных севернее Ванкувера.

Взглянул он недобрым глазом на русского и заявил:

— Беда пришла... Неподалеку от вашего берега «великоголовый» исполнил прощальный танец и запел голосом погибели... Сам видел, сам слышал... На севере бледнолицые все море залили кровью его собратьев. Даже штормы не могут разогнать красную пелену на воде. «Великоголовые» не могут плавать в крови. Они идут к нашим берегам и собираются мстить нам за дела бледнолицых...

Квакиутль встревожились: как отвести беду? Как умилостивить морских гигантов?..

Приезжий шаман тут же указал пальцем на русского:

— Надобно его отдать «великоголовому», который уже поет голосом погибели у берега...

Необычный инструмент

И чего только не придумает человек, когда ему грозит смертельная опасность!..

Понял Эхмосква, к чему склоняет индейцев приезжий шаман, и стал лихорадочно соображать, как в живых остаться. Через многое прошел он на своем веку: сражения, остроги, пытки, тяжелые ранения... Ко всему был готов, но — стать жертвой, принесенной кашалоту!.. Такого конца Эхмосква не мог предвидеть даже в запойном бреду.

И заговорил он со старейшинами так страстно, что на время забыли они о празднике. Даже проклятый изверг-шаман заслушался. Хотя большая часть сказанного бледнолицым была непонятна индейцам, никто его не перебивал.

Перемешивая слова русские и племени квакиутль, нес он околесицу о том, что на его родине по Москве-реке плавают кашалоты, и что живут в стольном белокаменном граде не бывалые в других землях игрецы на дудках. И могут они своей игрой кашалотов зачаровывать, к берегу подманивать или уводить прочь от города. Но дудки у тех умельцев — особенные, сделанные не из бузинной трости, не из камыша и не из весенней коры ивового прута. Мастерят их из китового уса!..

Заявил также Эхмосква, будто сам умеет делать такие дудки и играть на них, да так, что любой «великоголовый» прекращает «погибельную песню» и забывает о мести людям.

Бесшабашные поступки и речи иногда творят чудеса. Не все поняли индейцы, но поверили бледнолицему. Дали ему китовый ус и велели делать необычную дудку. Может, в самом деле Эхмосква был чудо-мастером, а может, страх смерти двигал его руками. Словом, на следующий день удалось изготовить нечто похожее на дудку.

Старейшины тут же приказали опробовать инструмент. Но русский умелец принялся убеждать, что играть на ней надо только «великоголовым». Поскольку человек от такой музыки может лишиться разума и броситься в океан.

Понимал Эхмосква: стоит дунуть в инструмент из китового уса — и обман его будет раскрыт. Шансов на успешный побег почти не было, но все же он рискнул. Старейшинам русский беглец поставил условие: к «великоголовому», который, по словам шамана, исполняет неподалеку от острова «погибельную песню», он отправится один в байдаре. А квакиутль должны оставаться в своих лодках от него на расстоянии двух полетов стрелы из лука.

В этом требовании старейшины не почувствовали подвоха. Однако предупредили бледнолицего: если игра на дудке не подействует на «великоголового», то на теле Эхмосквы они сделают ножами четырнадцать надрезов и бросят в океан. Так полагалось приносить человеческую жертву кашалотам.

Странное поведение гигантов

Вскоре настало время испытать необыкновенную дудку. Неподалеку от берега оказался не один, а целое стадо «великоголовых». Как и уговорились, бледнолицый на своей байдаре подплыл к ним вплотную, а индейцы остались на расстоянии двух полетов стрелы.

Отложил весло Эхмосква и принялся озираться. В какую сторону сподручней от индейцев плыть?..

Пока прикидывал, для отвода глаз поднес к губам дудку. Хоть и далеко находились индейцы в своих байдарах, а за пленником следили зорко.

Дунул раз-другой Эхмосква, и разнеслись над водой громкий свист и шипение. Удивился мастер, что его инструмент издает какие-то звуки. На острове, при индейцах, он опасался опробовать дудку.

Кашалоты, хоть и громко плескались и пускали фонтаны, тут же услышали непривычные звуки. Что-то в них заинтересовало гигантов. Киты перестали пускать фонтаны и, казалось, стали внимательно прислушиваться.

Хоть мысли Эхмосквы и сосредоточились на побеге, но поведение животных весьма удивило его, и он продолжил дудеть.

Кашалоты окружили байдару. Однако вели себя миролюбиво. Затем один из них стал слегка подталкивать лодку. Эхмосква отложил дудку и взялся за весло, чтобы вырваться из опасного окружения. Но это вызвало недовольство гигантов. Они принялись бить хвостами так, что едва не перевернули байдару.

— Вырвался из одной неволи, да попал в другую... Эх, Москва!.. Куда ж тя занесло?! Помирать — так с музыкой!.. — отчаянно крикнул пленник кашалотов, перекрестился и снова схватил необычный инструмент.

Теперь он дул с такой силой, словно уверовал, что от этого зависит его жизнь. Кашалоты успокоились, но тем не менее полегоньку подталкивали байдару с незадачливым музыкантом.

Индейцы ликовали. Им было хорошо видно, как стая «великоголовых» уводит неизвестно куда лодку с бледнолицым.

Не обманул Эхмосква: по душе пришлась кашалотам его музыка!..

Разные суждения

Индейцы повернули байдары к берегу. Праздник потлач разгорелся с новой силой. Об одном только сожалели квакиутль: не догадались заставить бледнолицего изготовить еще одну волшебную дудку.

Но в разгар праздника одному из старейшин пришла мудрая идея: раз приезжий шаман такой умный, пусть сам сделает такой же музыкальный инструмент. А не сможет — четырнадцать надрезов и... Океан всегда рядом...

Яростно запричитал шаман, принялся угрожать, когда услышал решение старейшин. Но вынужден был повиноваться.

Конечно, ничего у него не получилось. Изготовленная им дудка вообще не издавала никаких звуков. Наказывать шамана из чужого племени, да еще явившегося на праздник потлач, индейцы не решились. Отпустили его восвояси, с миром. А себе оставили непригодную для игры дудку.

Хранилась она у ванкуверских квакиатль аж до середины XX века. К тому времени это племя оказалось в резервации. Многие индейцы забросили промысел тюленей и рыбы и трудились чернорабочими на консервных заводах Ванкувера. Некоторые из них рассказывали приезжим на острове историю и предания своего народа. Иногда упоминали и русского, прозванного «Эхмосква». Правда, о его судьбе после пленения кашалотами у рассказчиков были противоречивые версии. Одни говорили, что бледнолицый музыкант навсегда остался в стае «великоголовых» и до сих пор бороздит с ними океан, другие утверждали, что его отпустили на берег, и он до конца своих дней обитал в местности, где возник город Сиэтл.

«КИПЯЩАЯ КРОВЬ — БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ТРЕЗУБЕЦ»

> ...по словам промышленников, кровь в морже так горяча, что копья, которыми их колют в сердце, после нескольких оборотов в ране разгорячаются до того, что железо свертывается в кольцо...
>
> *Петр Тихменев*

Самый крупный из ластоногих

В Русской Америке моржей добывали не так много, как сивучей, каланов, котиков. И все же этот могучий зверь играл важную роль в жизни колонистов, эскимосов и алеутов.

В «Историческом обозрении образования Российско-Американской Компании», изданной в 1863 году, Петр Тихменев писал: «Моржовый зуб или моржовые клыки промышляются в настоящее время преимущественно на берегах залива Моллера (на северной стороне полуострова Аляска), где находятся значительнейшие, против других мест, лежбища этих животных. Некоторое количество клыков также приобретается от жителей прибрежного залива Бристоль (севернее полуострова Аляска). Плата туземцам за моржовый зуб увеличена ныне почти вдвое против прежних лет».

Русские, эскимосы, чукчи и алеуты добывали этого морского зверя для собственного пропитания и для ездо-

Морж без труда может перевернуть лодку с охотниками и пробить обшивку судна

вых собак. Кожа моржа шла на изготовление байдар, обуви, одежды, на строительство яранг, а из бивней вырезались рукоятки ножей, скульптуры, обереги, идолы северных народов.

Шаманы и знахари из толченого моржового клыка приготавливали различные снадобья. Но секрет его хранили от белых пришельцев. Для заживления ран и от простуды жители Русской Америки использовали жир этого морского зверя.

В справочной литературе говорится, что длина тела моржа самца иногда доходит до 5 метров, а вес — до 2 тонн. Толщина кожи достигает 5 сантиметров. Клыки верхней челюсти у моржей, превращенные в бивни, порой вырастают до 80 сантиметров.

Такому зверю без труда удается перевернуть лодку с охотниками или пробить обшивку небольшого судна. Поэтому их добыча была опасным занятием.

Даже матерые белые медведи нападают лишь на молодых моржей.

Эти, на первый взгляд, неповоротливые звери считаются самыми крупными животными отряда ластоногих.

Большую часть времени они проводят на льдах. В случае опасности моржи ныряют в воду и поднимают громкий рев. Нередко матерые самцы кидаются в атаку на источник угрозы. В ярости их трудно остановить даже ружейными выстрелами.

Опасная примета

Обычно моржи питаются в основном рыбой и моллюсками. Пищу они, как правило, достают со дна.

У жителей Аляски и северных тихоокеанских островов во времена Русской Америки существовало поверье: надо опасаться и избегать встреч с моржом, у которого не два, как обычно, клыка, а три или более.

Существуют ли на самом деле такие особи? В справочнике «Млекопитающие Советского Союза» (1976 г.) есть упоминание: «Известны случаи находок более одной пары клыков. У моржа, добытого приблизительно в 1915 г., было по 2 хорошо развитых клыка с каждой

стороны, все они имели почти нормальную длину. Клыки правой стороны росли параллельно друг другу, левые были перекручены между собой...

Описано 4 черепа (моржей), имевших по 3 клыка, и 5 черепов с 5 клыками».

Далее в этом справочнике говорится, что среди моржей встречаются хищники, которые питаются тюленями, а иногда и птицами: «Существует две категории хищных моржей — одни питаются несвойственной им пищей случайно, когда нет беспозвоночных или они почему-либо недоступны, другие хищничают постоянно. Последние имеют длинные тонкие остроконечные клыки; это одиночные самцы...»

Туземцы рассказывали поселенцам Русской Америки, что такие моржи — мстители-убийцы. Они как бы приговорены стадом сородичей расправляться с теми, кто уничтожал моржей.

Убийцы ведут одиночный образ жизни и лишь изредка появляются среди сородичей. От них «веет смертью», поэтому другие животные стараются держаться подальше от мстителей.

В давние времена охотники Чукотского полуострова и Аляски, завидев моржа с тремя и более клыками, прекращали промысел и уплывали прочь.

Считалось, у таких зверей кровь настолько горячая, что под ними таял лед. Поэтому в преданиях столь необычных моржей иногда называли «Кипящая кровь — безжалостный трезубец».

Ужас «Черного берега»

В первые годы существования Российско-американской компании в заливе Кускокуим на Аляске располагалось огромное лежбище моржей. На нем собиралось несколько тысяч зверей. Как и на других лежбищах, здесь происходило постоянное движение. Одни моржи выходили из воды и выбирали удобное место на берегу, другие покидали сушу. Молодые занимали места поближе к воде, матерые самцы располагались подальше от береговой кромки.

Жители Аляски и островов Берингова моря, промышлявшие в заливе Кускокуим, по-особому относились к этому лежбищу. Здесь не забивали моржей, а лишь собирали клыки мертвых животных. Туши умерших от старости, болезней или ран моржей на Кускокуимском лежбище не использовали, а стаскивали в воду. Русским колонистам туземцы объясняли, что поступают так, поскольку здесь чаще, чем в других местах, рождаются звери с тремя и более клыками.

Кускокуимское лежбище алеуты и эскимосы называли «Черным берегом». По преданию, именно тут люди совершили первое в истории убийство моржа. Когда-то этот зверь дружил с человеком, помогал ему в охоте и на рыбалке, предсказывал погоду и нередко спасал в море.

Но как-то в голодную пору люди убили доверчивое животное. От такого подлого поступка в том месте даже растаял лед, а сам берег сделался черным. Племя, убившее первого моржа, вскоре вымерло от неизвестной болезни. А на «Черном берегу» появилось лежбище.

С интересом слушали русские промысловики предания туземцев, а сами нередко поступали, как им заблагорассудится.

В первые годы XIX века нагрянули они в Кускокуимский залив, и началась безоглядная бойня. Убивали и детенышей, и матерых моржей. С корабля били по лежбищу картечью, а на берегу промысловики закалывали зверей пиками. Большинство животных не погибали на месте. Раненные и увечные, они кидались в море. Лежбище вскоре залилось кровью, а прибрежная полоска воды стала красной. Над участком суши, где беззаботно обитали когда-то моржи, от их туш поднялся зловещий пар. Рев, стон, хрипы гибнущих животных разносились на несколько миль.

Звуки побоища услыхали охотники племени, обитавшего в устье реки Кускокуим. Примчались они на «Черный берег», но остановить бойню не смогли.

Старейшина указал на истекающих кровью животных и сказал: из пара от кипящей крови скоро возникнет безжалостный трезубец. И бледнолицые надолго запом-

нят этот ужас «Черного берега». Впрочем, скоро помнить о нем некому будет: ужас «Черного берега» воплотится в могучего зверя...

«Охмелели от кровушки»

Большинство убитых моржей на лежбище Кускокуимского залива остались нетронутыми. У промысловиков не было возможности разделать все туши животных.

На вопросы туземцев, зачем тогда понадобилось убивать столько моржей, бледнолицые беспечно отвечали: вошли в раж... Охмелели от кровушки... Авось, простится...

Старики — алеуты и эскимосы — сомневались: простится ли такое?..

Увидев «Черный берег», они беззвучно шептали обращения к своим духам: то ли просили наказать бледнолицых, то ли вразумить охмелевших от крови.

Кускокуимское лежбище после бойни перестало существовать. Моржи больше не появлялись на нем. Да и другие животные — и морские, и земные — обходили стороной «Черный берег». Даже наглые пронырливые песцы не шныряли там в поисках пропитания.

«Мертвое затишье — предвестник страшных бед...» — говорили русским туземцы.

Вскоре после бойни на Кускокуимском лежбище берег залива буквально усеялся погибшими чайками. У всех из них на перьях виднелись пятнышки запекшейся крови.

И снова старики-туземцы толковали о страшных бедах. Ведь, согласно их приметам, если у чайки, после ее трапезы падалью, море не смывает с перьев кровь, значит, беда уже прилетела за людьми.

Убийца с тремя клыками

Через несколько лет среди русских промысловиков прошел слух, что на «Черном берегу» Кускокуимского залива можно собрать богатую добычу моржовых клыков.

Почему до этого скопище дорогой кости не заинтересовало охотников? Поговаривали, будто попытки отыскать «Черный берег» заканчивались неудачей. Промыс-

ловики частенько гибли или бесследно исчезали в Кускокуимском заливе, так и не добравшись до легендарных залежей моржовых клыков.

Где точно располагалось уничтоженное лежбище? С этим вопросом охотники решили обратиться к тем, кто устроил бойню на «Черном берегу».

Времени прошло после того события немного, а в живых из лихих зверобоев остался лишь один. Остальные пропали в океане. Какая беда погубила их, о том по Русской Америке ходили разные слухи. Упоминался и огромный морж-убийца с тремя клыками.

Появился он на свет на Кускокуимском лежбище. Во время бойни на «Черном берегу» его зацепило пулей. «Трехклыкий» молодой зверь сумел спастись, но глубокий шрам на голове остался. А еще на всю жизнь сохранилась в нем лютая ненависть к людям.

Стал «Трехклыкий» одиноким скитальцем Берингова моря и при любой возможности нападал на охотников и рыболовов. Народная молва любит преувеличивать размеры опасных хищников, вот и об этом звере сохранилось предание жителей Русской Америки: «...а в длину чудище в три морские сажени (примерно 5,5 метра), а три клыка у него в три фута (около 91 сантиметра)».

Что ж, подобные гигантские моржи, хоть изредка, но встречаются в природе и отмечены в записках исследователей. Зверю таких размеров не трудно перевернуть не только байдару, но и небольшое промысловое судно.

Молва приписывала ему даже людоедство. Возможно ли: морж — людоед?! Некоторые исследователи считают: раз среди этих животных встречаются хищники, поедающие тюленей, то, вероятно, жертвой такого зверя может стать и человек.

«А в глазах — бесовские огоньки»

Разыскали упорные промысловики оставшегося в живых зверобоя. Того, что с товарищами бесчинствовал на Кускокуимском лежбище. Жил он в землянке неподалеку от Ново-Александровского редута. С людьми почти не

общался, промышлял рыбу и зверя на реках и озерах, а к морскому берегу и близко не подходил. Иногда его навещали соотечественники, чтобы выменять лисьи шкуры.

Подолгу не задерживались: не о чем было разговаривать с отшельником. Чаще всего он молчал, глядя угрюмо под ноги, ну а если открывал рот, то нес какую-то околесицу: «Опять окаянный Трехклык меня к морю призывает... Мечется по "Черному берегу", будто не морж, а куличок юркий. Под каждый камушек заглядывает — меня ищет... Товарищей моих он-то давно отыскал — на клыки нанизал да в море-океян уволок... А скажи-ка, вразуми, любезный, как мне, недомыке, отвязаться от Трехклыка?.. Даже во сне окаянный не дает покоя, дышит тяжко мне в ухо и шипит: заждались тебя товарищи, пора к ним в море-окиян!..»

Выслушав несусветные жалобы, гости старались побыстрей покинуть землянку-отшибиху. От ее хозяина с затуманенными речами и мыслями чего угодно ждать можно!..

А когда по селениям Русской Америки прошел слух, что отшельник перестал брать за лисьи шкуры табак, самогон и отказался есть мясо, к нему еще реже стали наведываться. К тому же от такой перемены в жизни — отказа от спиртного, табака и мяса — открылся в нем дар прорицателя.

Только предсказывал он лишь недоброе и с Трехклыким моржом связанное. От слов своих хмелел — как от великой радости. Начинал улыбаться полубеззубым ртом, а в глазах бесовские огоньки зажигались.

«На Ильин день поведет Тимофей ватагу моржовать, да только сами добычей Трехклыкого станут... На Агафену Купальницу Матвей с сыновьями пойдет в море, а на Петров день шитик его, разбитый Трехклыким, на берегу обнаружится...».

Такими предсказаниями и делился недобрый вещун. Конечно, на слова умопомраченного никто бы не обращал внимания, да вот беда: сбывались пророчества!..

Нашлись среди русских и туземцев поверившие в Трехклыкого людоеда-мстителя. Некоторые охотни-

ки утверждали, что сами видели, как огромный морж со шрамом на голове разбивал своими тремя огромными клыками зверобойные суда, переворачивал байдары, а людей топил или пожирал.

Домой не вернулись

Прибыли к вещуну четыре охотника, желавшие выяснить, где точно в Кускокуимском заливе находится печально известный «Черный берег». К тому времени моржовые клыки за год выросли в цене в два с половиной раза. Так что их добыча сулила большую выгоду.

Вещун принял охотников с радостью. Наверное, давно его не навещали. Некому было пожаловаться на козни Трехклыкого и предсказать грядущие беды.

Но едва гости заикнулись о погубленном лежбище в Кускокуимском заливе, он сразу помрачнел и стал жаловаться:

— Теперь не курю, не пью, мясо не ем, а Трехклыкий не отстает. Каждую ночь является, к морю подзывает, уговаривает взглянуть в него...

Пытались охотники перевести разговор на нужную им тему, да неуемный вещун из своей словесной колеи — ни в какую:

— А еще упырь водяной требует подсобить ему. Не угомонится он, пока не загубит столько людишек, сколько моржей было убито на «Черном берегу»...

От этих слов гостям стало не по себе. Хоть мозглявым стал вещун после того, как прекратил выпивать, курить и есть мясо, а в глазах кровавые змейки суетились по-прежнему, да пальцы отчаянно плясали на рукоятке палаша.

Откуда офицерский палаш? Видимо, снят с покойника...

Переглянулись четыре охотника и шепнули друг другу:

— Надо бы отваливать, не мешкая, прочь из отшибихи — от ее хозяина, помешанного на байках о морже-мстителе...

— Не приведи, Господи, с таким под одним кровом оставаться...

Покряхтели, поворчали зверобои, что в такую глушь притащились и зря уйму времени потеряли, и собрались в обратный путь. Вышли из землянки-отшибихи и попали в ночь кромешную. Как не хотелось им, а пришлось оставаться до рассвета в обиталище предсказателя.

Расположились на ночлег.

Хозяин с недоброй усмешкой пожелал добрых сновидений и посоветовал:

— Если привидится вам, гости дорогие, Трехклыкий, зовите на помощь...

Что дальше произошло со зверобоями, — неизвестно. Домой они не вернулись.

Покинутая землянка

Через несколько недель в поселении всполошились: куда вдруг бесследно пропали четверо бывалых охотников?

От начальства Русской Америки прибыли к недоброму вещуну служивые — разузнать, что и как.

А тот встретил их с ухмылочкой:

— Были соколики, гостили, ретивые, да от меня прямиком к морю на «Черный берег» отправились — добывать моржовые клыки. Остерегал их, — так не послушались, разудалые... Коль на Симеона Столпника-Летопроводца не вернутся, — значит, прибрал их Трехклыкий...

Оглядели служивые обитель вещуна, осмотрели берег реки, где находилась землянка, — ничего подозрительного.

Лишь на входном порожке убогого жилища обратили они внимание на свежие зарубки.

— Зачем приступок тесаком метил? — поинтересовался один из них.

Вещун снова ухмыльнулся и отстраненно пояснил:

— Так издавна повелось на Руси: в притолоку молитву заделывают, под порог заговоры кладут. А я, горемычный, отмечаю зарубками, сколько бед вошло в мой приют и сколько из них удалось отвадить...

Ничего не поняли служивые. Пожали плечами и в обратный путь отправились. Что докладывать начальству о пропавшей четверке? Слова вещуна-отщепенца, конечно, вызывали подозрение, но как докопаться до истины?..

Выслушав путаный рапорт служивых, руководство русских колоний в Америке тоже не сумело найти ответ. Пропавшая четверка не вернулась ни на Симеона Столпника, ни на Никиту Гусятника, ни на Саватия Пчельника. Так пролетел сентябрь, а о промысловиках — никаких вестей.

Начальство русских колоний расспрашивало зверобоев, побывавших потом в Кускокуимском заливе, но никто не встречал пропавшую четверку.

Когда власти не могут найти правильное объяснение какому-то событию, молва рождает самые невероятные домыслы. По селениям Русской Америки снова разнеслась весть о нападениях гигантского моржа с тремя клыками на суда охотников. С каждым промысловым сезоном появлялось все больше и больше свидетелей расправы морского чудовища над людьми.

Но среди колонистов витали и другие слухи: чтобы спасти себя от мести «Трехклыкого» моржа, вещун сговорился с ним и подло убивал русских охотников. Тела несчастных он сбрасывал в реку, а течение выносило их в море. Очумелый отшельник должен был продолжать свои расправы до тех пор, пока число загубленных людей не сравняется с количеством уничтоженных моржей на Кускокуимском лежбище.

Нашлось немало в русской колонии, поверивших в эту мистическую версию.

Отыскались и буйные головы, которые заявили:

— Хватит терпеть бесчинства проклятого колдуна!..

— Сколько ему еще губить невиновных?..

— Пора сволоте-горибесу ответ держать!..

Задумано — сделано. Отправилась разгневанная ватага к вещуну. Не поленились охотники проделать долгий путь. Однако обнаружили они только давно опустелую землянку. Сразу было видно, что хозяин много месяцев назад покинул ее. Даже зарубки на приступке потемнели.

— Обманул, ирод!..

— Увильнул от расправы!..

— Видать, укрылся в такой глухомани, где нога человека не ступала!.. — рассудила ватага и ни с чем возвратилась домой.

Исчезнувшие записки

Что произошло с так называемым «вещуном-отшельником», упоминалось в записках путешественника Ивана Лукина. Он приобрел известность в 1863 году своими исследованиями самой большой реки Аляски Юкон. Лукин встречал этого странного, одичавшего старика во время своего путешествия.

Писатель и исследователь Сергей Марков в сороковых годах прошлого века отмечал, что дневники Ивана Лукина не были опубликованы. Они «сгинули в архивах, как исчезли и многие другие записки русских людей Аляски».

Не только в архивах терялись документы, связанные с историей Русской Америки. Они гибли в огне случайных и организованных пожаров, при кораблекрушениях во время перевозок в Россию, попадали в руки иностранцев, а затем оседали в частных коллекциях.

Предание о гигантском Трехклыковом морже-убийце не забывалось и спустя полвека после ликвидации Русской Америки.

«Легко на безмолвного зверя человеческие грехи сваливать...» — так обычно завершали это предание рассказчики.

ВЕЧНЫЙ ШАТУН

Медведи водятся в колониях на полуострове Аляске и в некоторых других местах. Меха таких медведей принадлежат, за немногими исключениями, к числу невысоких сортов. Большая часть медвежин, равно как и шкур волков, рысей, росомах, норок, еврашек и выхухолей... приобретаются от туземцев, населяющих берега р. Кускоквима и Квихпака и окрестности Нортонова залива. Низовья реки Квихпака в особенности изобилуют медведями.

Петр Тихменев. 1861 г.

«Давние знакомцы»

Служащий Российско-американской компании и исследователь Аляски Лаврентий Алексеевич Загоскин в 40-х годах XIX века писал: «Ладно, что на тихоокеанском Севере Америки оказалось для русского человека много давних знакомцев — зверей и птиц, известных по Сибири и Камчатке».

Медведи, волки, соболя, рыси, лисицы, росомахи обитали и в европейских губерниях России, и в Сибири, и в Новом Свете. Отношения к некоторым животным у индейцев и народов Российской империи были схожими.

В начале XIX века Вениаминов отмечал, что жители Северной Америки «медведя почитают оборотнем, или, иначе сказать думают, что он был некогда человеком, и что он и ныне есть человек, но только в виде медведя. Говорят, что известно стало от какой-то тоэнской (вождя племени) дочери, которая будто бы за то, что смеялась над медведем, попалась к нему в лапы».

Издавна, повсюду на Руси, у народов Сибири и Дальнего Востока, строжайше запрещалось смеяться над косолапым. Даже если убивали медведя-людоеда, хоть и устраивали праздник, но никто не высказывал в его адрес обидных слов и шуток.

«...в Сибири, между промышленниками есть поверье, — писал Вениаминов, — ...если смеяться над убитым медведем, или, как говорится, галиться, то он может ожить и разделаться со своими насмешниками.

И потому многие прежде, нежели начинают сдирать с него шкуру, отрубают ему лапы, выкалывают глаза или подрезают жилы, дабы он в случае неосторожности их, оживши, не мог бегать и видеть».

Так же поступали народы Америки. Подобная традиция существовала на Крайнем Севере Старого и Нового Света по отношению к белому медведю.

О жителях Аляски и островов Берингова моря Вениаминов писал: «...ныне женщины, увидев след медведя в лесу или какие-либо его признаки, заочно хвалят его, уговаривают и умоляют, чтобы он не разсердился и не

увел к себе. А мужчины у убитого медведя по содрании шкуры отнимают голову, и украсив оную перьями, подобно шаманской головы, ставят к огню и поют особенные песни, для того, чтобы и впредь им было такое же счастье в промыслах, и отнюдь не смеют смеяться или говорить какие-либо худые слова (что называется вообще тликас), насчет его».

Подобная традиция существовала у народов Алтая, Забайкалья, Камчатки, побережья Охотского моря.

В Америке ареал семейства медведей охватывает остров Св. Матфея, Св. Лаврентия, Нунивак, острова Прибылова, Королевы Шарлотты, Аляску.

Красная отметина

На Дальнем Востоке, на Аляске и на Алеутских островах в XIX веке было известно предание о «Вечном шатуне» с необычной для медведя красной отметиной на груди.

Конечно, слышали об этом звере и жители Русской Америки. Возможно, кто-то из них даже встречался с редкостным и необычным медведем. По крайней мере, так утверждали некоторые русские охотники. Но к рассказам охотников во все времена относились с недоверием.

У жителей Русской Америки были свои предания о «Вечном шатуне» с красной отметиной. Одно из них связывали с экспедицией штурмана Руфа Серебренникова. В 40-х годах XIX века он с небольшим отрядом совершил путешествия в бассейне реки Медная и в окрестностях Плавежного озера.

В 1847 году главный правитель Русской Америки, капитан-лейтенант Михаил Дмитриевич Тебеньков приказал Серебренникову с небольшим отрядом отправиться из Константиновского редута вверх по реке Коппер. Перед экспедицией была поставлена задача: добраться до истока реки, а оттуда преодолеть водораздел и спуститься в долину Юкон.

В то же время вверх по этой самой большой реке Аляски, навстречу Серебренникову, двинулся экспедиционный отряд Ивана Захарова.

В мае 1847 года главный правитель Русской Америки писал Захарову: «...С реки Медной навстречу тебе, я устраиваю экспедицию к вам на Квихпак под начальством Руфа Серебренникова. Дай Бог, чтоб вы сошлись и рассказали друг другу про дорогу и доставили бы мне удовольствие благодарить вас...»

Речной переход

В августе 1847 года Серебренников и пять его спутников прибыли к устью реки Медной и к ее западному рукаву. Индейцы называли его Ани.

Именно там, согласно рассказам туземцев, путешественники встретили «Вечного шатуна» с красной отметиной. По нему открыли ружейный огонь. Однако зверю удалось уйти от людей невредимым. Но с той поры он шел по следу экспедиции.

Путешествие было трудным. В конце сентября на Медной и ее притоках появился лед, а в середине октября река встала.

В те дни Серебренников писал в дневнике: «...С этой поры, наступило однообразие, нарушаемое только состоянием атмосферы.

Снега выпадали довольно часто, и в большом обилии. Морозы, при северных ветрах, в январе месяце, доходили до 40 градусов...

С усиливающимся ветром или падением снега всегда уменьшались морозы, особенно при юго-восточных ветрах приносивших дождь даже среди зимы. Во время жестоких морозов, над рекою почти всегда стоит пар, поднимающийся из незамерзших полыней в реке.

В ночь на новый год, была особенно замечательна, по Северному сиянию, подобного какому я не видел потом всю зиму. Трудно описать красоту этого великолепного явления: почти все небо было объято пламенным переливом цветов: красного, багрового, желтого, голубого и других, образуя безпрерывно струящиеся во все стороны столбы, движение которых производило шум, вроде какого-то легкого треска, а над головой образовался блестящий купол».

Согласно преданиям племен Аляски, в такие ночи, охваченные Северным сиянием, можно встретить «Вечного шатуна», который зачарованно следит за игрой небесных огней.

Весной экспедиция продолжила свой путь.

Предостережение индейцев

16 мая 1848 года Серебренников писал: «...взяв одну байдару, проводников и небольшой запас провизии — 100 юкол, 4 пуда сухарей, 4 диких барана, несколько чаю и сахару — с благословениями от управляющего, отправились в дальнейший путь, вверх по реке.

17-го, около полудня, в правой руке, миновали реку Щечитну, и другую называющуюся Дикая. Обе впадают в Медную от востока.

18-го, вечером, остановились ночевать у селения, жителей в котором 12 душ. По-видимому, все претерпевали страшную нищету и голод. Термометр показывал 10 градусов тепла.

19-го, ввечеру, приехали в селение по сию сторону переноса, жителей в котором тоже только 12 душ, 6 женщин и 6 детей, а все мущины, 5 человек, уехали в Константиновский редут. На другой стороне реки барабора (шалаш), в которой живет еще одно семейство, 7 душ. В селении жители угощали кореньями и заплесневелыми рыбьими костями. Им роздано до 2 фунтов табаку...

20-го, отправившись рано поутру, с погодою тихою и ясною, вечером также остановились у селения, в котором однакож не нашли никого жителей...

21-го, простояв на месте почти до вечера, за дурною погодою, вечером отправились в дальнейший путь и вскоре опять увидели селение, в котором также не нашли жителей. Поискав однакож в соседнем лесу, отыскали слепого старика и женщину с тремя детьми. Они сказывали, что приняли приезжих за кхыльтшан-дальные (индейское племя), которых очень боятся. Для успокоения подарено им полфунта табаку...

22-го, отправились в путь с восхождением солнца. Баранье мясо кончилось, и стали производить команде по одной юколе в день...

23-го, поутру починивали байдару, которая во многих местах прорвалась...

24-го, приехали к реке Тлышитне (р. Тазлина), выпадающей с запада, из Плавежного озера. Запасы рыбы значительно уменьшились и стали выдавать по половине юколы в день.

Река Тлышитна мелка, камениста и быстра, почему подъем по ней чрезвычайно затруднителен... на другое утро отправились на Плавежное озеро берегом. Из провизии оставалось только по одной юколе и по одному фунту сухарей; питались кореньями, выкапываемыми по дороге.

Шли лесом, не теряя реку из виду, чтобы не сбиться, и прокладывая дорогу, продвигались вперед очень медленно. В первый день застрелили двух белок и одного зайца...

Миновали шесть довольно больших озер, и не встречая ни сухого места, ни кореньев на пищу, не останавливаясь шли всю ночь, и только на разсвете 28-го, остановились у небольшой речки. Отдохнув, с полудня опять пустились в дорогу, опять лесом, но уже более сухими и ровными местами, и вскоре вышли на р. Тлышитну, где встретили два семейства Медновцев (индейцев с реки Медная — р. Коппер), возвращавшихся с оленьего промысла.

Они угостили свежим оленным мясом, и были одарены за это двумя фунтами табаку...»

В предании говорится, что именно медновские охотники предупредили Серебренникова и его товарищей об идущем за ними «Вечном шатуне» с красной отметиной.

Как индейцы определили это?.. Видели следы медведя или почуяли близость страшного зверя по иным приметам?..

Истинные охотники до конца не раскрывают свои тайны.

Вероятно, русских путешественников не очень впечатлило предостережение туземцев.

Плавежное озеро (из записок Серебренникова)

«...29-го (мая), перед заходом солнца, пустились в дальний путь, взяв с собою в проводники одного из встреченных туземцев...». (Впоследствии медновские заявили, что из их рода он один не боялся «Вечного шатуна», поскольку в свое время оказал этому зверю какую-то услугу.)

«...30-го, поднявшись на довольно высокую гору, увидели Плавежное озеро...

Следуя отсюда к северу, невдалеке встретили два семейства жителей, у которых остановились на ночлег...

Жители, встреченные нами на Плавежном озере, тоже Медновцы, тот же язык, та же нищета и то же постоянное страдание — голод, почти без исключения начинающийся с половины зимы, как бы ни был обилен летний лов... Обыкновенно, зимою питаются зайцами.

Построив, при помощи жителей байдару, и запасаясь несколько провизиею, 3-го июня поехали осматривать озеро, которое и было обойдено кругом, в течение следующих двух дней».

Серебренников составил подробное его описание и определил точное географическое положение. Он пришел к выводу, что по течению речки Нельчан, впадающей в Плавежное озеро, можно за 11—12 дней добраться до залива Кука на юге Аляски.

Последние страницы дневника

«...Чрезвычайно бедное население страны около Плавежного озера, ведет к заключению, что значительного количества пушных промыслов здесь не может быть, и все, что добывается здесь, поступает в Медновскую одиночку и в Кенайский залив», — писал Серебренников.

Он собирался информировать Тебенькова, что не выгодно создавать в районе Плавежного озера торговую факторию Российско-американской компании.

5 июля в дневнике была сделана запись, в которой сообщалось, как участники экспедиции распростились «с добрыми приятелями, оказавшими нам гостеприимство и помощь в построении байдары».

А спустя двадцать дней Серебренников отметил, что отрядом достигнута широта 62 градусов 48 минут 43 секунд. Это была его последняя запись.

В селении индейцев племени колчан (верховных атна) он и двое русских участников экспедиции были убиты. Еще одного помощника Серебренникова, креола Пестрякова, туземцы ранили. Но он погиб, когда возвращался в Русское укрепление (Медновская одиночка). По мнению военного инженера Петра Дорошина и других исследователей Русской Америки, путешественников убили не ради грабежа. Почти все имущество экспедиции, в том числе и записки Серебренникова, индейцы доставили в Константиновский редут.

Несгибаемый Алексей Пестряков

Горный инженер и путешественник Петр Дорошин в 50-х годах XIX века изучал полезные ископаемые Аляски и посетил большинство селений Русской Америки. Он также записывал были и предания, услышанные в Новом Свете и от соотечественников, и от туземцев.

В 1866 году в «Горном журнале» в Санкт-Петербурге были опубликованы записки Дорошина. В них приводился рассказ индейцев о гибели Серебренникова и его товарищей.

В селении индейцев, куда прибыла экспедиция, произошла размолвка местного вождя с русскими. Как писал Дорошин, туземцы решили убить пришельцев. «Всю ночь они следили за нашими, которые, впрочем, были настороже: часовые сменялись у палаток... При восходе солнца часовой, креол Пестряков, разбудив русского Гордеева, поставил на огонь медный чайник, прилег в палатке и задремал. Гордеев же, разбуженный Пестряковым, как коренной русский человек, зевая и почесываясь, не подымался с места».

Индейцы заметили отсутствие часового и подкрались к палаткам. «В обеих, на фут от земли, были прорезаны отверстия, чтобы можно было наблюдать за окрестностью... эти отверстия послужили во вред нашим...».

Нападавшие разглядели спящих русских и нанесли им удары копьями.

«Спящие были поражены одновременно. Одно копье положило на месте крепко спящего креола, другое поразило руку Алексея Пестрякова, лежавшую на его лице, третье вонзилось в живот Гордеева. Больной угаленец (проводник-туземец), спавший в той же палатке, остался нетронутым. В то же мгновение копье поразило и самого Серебренникова, пройдя ему под ребра. Этим сильным ударом несчастный Серебренников был вытолкнут из палатки, где добит топориком по переносью и по лбу, не успев и вскрикнуть.

Но Гордеев и Пестряков были еще живы. Первый из них, почувствовав в животе копье, схватил его за древко и, желая переломить, страшно увеличил свою рану, из которой показались внутренности. Он сгоряча положил свою подушку на живот и, подвязав полотенцем, выбежал с ружьем, выстрелил и упал мертвым».

Раненный в руку Пестряков еще находился в палатке. Выстрелом из пистолета он ранил одного нападавшего. Затем, схватив два ружья, выскочил из палатки. Ударом приклада уложил еще одного индейца и открыл огонь по остальным. Видимо, контратака оказалась настолько успешной, что нападающие кинулись в лес.

А дальше действия отважного Алексея не поддаются здравому смыслу. Как записал Дорошин: «Отогнав врага, он взял два сухаря, два ружья, два пистолета и боевых зарядов и бросив остальные патроны в реку, сел у огня и, перевязав рану, стал пить чай...»

Индейцы с изумлением следили из-за деревьев, как раненый чужак, окруженный трупами, невозмутимо завтракал, зная, что за ним наблюдают враги.

После обильного чаепития единственный оставшийся в живых участник экспедиции неторопливо скрылся в лесу. Его поведение весьма поразило индейцев. Вначале они даже не решились напасть на Пестрякова. Лишь спустя какое-то время отправились по его следу.

Убийцы не избежали наказания

Племя, которое уничтожило экспедицию Серебренникова, туземцы с реки Медной называли «гольцане». Русским сообщили, что гольцане — людоеды и поклоняются неизвестным существам, в том числе и зверю с красной отметиной.

И в России, и в Америке нередко попадаются не залегшие в зимнюю спячку медведи. Много бед приносят эти шатуны людям. Зимой они питаются в основном мясом, а значит, нападают и на домашнюю скотину, и на человека.

О «Вечном шатуне» с красной отметиной мало что известно. Бывалые охотники и в России и в Америке не любили вспоминать о нем. А если дотошный слушатель приставал с вопросом, отвечали однозначно: «Проклятый зверь... Такого лучше не тревожить словами... Одни беды от таких разговоров...»

Спустя несколько месяцев после нападения на экспедицию Серебренникова один из индейцев-гольцан рассказал:

И в Америке, и в России излюбленная тема разговоров у лесного костра — медведь

— «Вечный шатун» был недоволен, что одному русскому удалось скрыться от расправы в лесу, и за это он наказал всех гольцан, участвовавших в нападении...

В своем дневнике Дорошин писал о гибели убийц Серебренникова и его товарищей: «...об этом я слышал летом 1850 года, будучи в горах Кенайского полуострова, от медновца Тоиона (старшины) Озерновского селения на Плавежном озере...

Тоион упомянул и о том, что сделали гольцане с патронами, брошенными Пестряковым в реку. Вынув их из воды, гольцане разсыпали порох на доске и стали сушить на солнце.

Несколько раз брали они его по щепотке и пробовали зажигать: порох не горел. Эта неудача сделала их неосторожными: они отделили небольшую кучку пороха и старались зажечь его на той же доске, где разсыпан был и весь остальной порох. Пробная кучка наконец вспыхнула и передала огонь остальному пороху».

От взрыва погибло несколько индейцев. И старики-гольцане объявили соплеменникам: так «Вечный шатун» с красной отметиной наказал нерадивых, и надобно во что бы то ни стало настигнуть оставшегося в живых бледнолицего...

Преследование

В Русской Америке о гибели Пестрякова узнали от разных индейцев. Их сообщения во многом отличались. Но все же картину последних дней Алексея можно представить.

Гольцане шли неотступно за раненым. После его яростного отпора днем нападать на русского не решались. На вторую или третью ночь, когда Алексей сидел у костра, преследователи снова попытались убить его. Стреляли из ружья и луков. Пуля попала Пестрякову в ногу, а стрела зацепила грудь. Путешественник не растерялся и открыл ответный огонь. Гольцане отступили.

Алексей кое-как перевязал раны и покинул место ночевки. Он стонал от боли, а чтобы противники не услыхали его, — стискивал зубами обрывок кожаного ремня.

Петр Дорошин писал, что гольцане продолжали преследование, «...охотясь за человеком как за зверем. Их собаки каждую ночь открывали его ночлег. Дикари находили убитых оленей, от которых была взята лишь печень, которую можно есть сырою, что, вероятно, и делал Пестряков, боясь разводить огонь».

Неизвестно, сколько суток шло преследование. Наконец гольцане решили вернуться домой — посчитали, что раненый и так скоро умрет или попадет в лапы «Вечному шатуну».

Все лето Пестряков пробирался лесом, по горам к своим. В последней стычке с гольцанами он получил еще несколько ранений. Боль, голод, большая потеря крови не позволяли двигаться в полную меру.

В сентябре Алексей наткнулся на индейцев с Плавежного озера, которые говорили на знакомом ему языке. К тому времени вся одежда на Пестрякове превратилась в лохмотья. Как потом рассказывали индейцы, бледнолицый был почти голый, весь в крови, но не выпускал из рук два ружья, на веревке, через плечо, были привязаны пистолеты.

Туземцы поделились с Алексеем одеждой. Взамен он отдал им ружье.

Как отмечал Петр Дорошин, один из индейцев стал проводником Алексея. Вскоре они вышли к реке Медной. Там они встретились с двумя гольцанами. Вчетвером соорудили плот, чтобы на нем продолжить путь по реке. «...оставалось весло; за деревом для весла пошли дикари в лес, а Пестряков остался у огня и заснул.

К сонному подошел один из гольцан, неся на плече лесину, которую и сбросил на голову Пестрякову. Видя, что русский лежит без дыхания, дикарь присел к огоньку. Но Пестряков очнулся и с яростью бросился на убийцу».

Завязалась борьба. Но обессиленный от ран Алексей не мог противостоять врагу. Гольцану удалось столкнуть его с кручи в реку. Быстрое течение подхватило Пестрякова. «Утопавший хватался за береговой кустарник, но убийца бежал за ним берегом и бил топориком по рукам Пестрякова, который наконец исчез в воде».

Прибежал из лесу проводник Алексея и спросил у гольцана, «за что он погубил русского?

Да так! — был ответ».

Эту же фразу убийца повторил через несколько дней русскому байдарщику.

Петр Дорошин приводит рассказ тойона о гибели Пестрякова: «Проворный парень был этот русский... но тут промахнулся: в дорогу с незнакомым не пускайся. Ему бы следовало всех троих положить из ружья, тогда безопаснее было бы».

Тойон говорил от чистого сердца; на нем, считают, более десяти убийств, вследствие которых он и пришел к нам, чтобы избежать мщения».

«Зверь уважал достойных»

Явились к русским и соплеменники тойона. Они утверждали, что Алексей Пестряков, как и другие участники экспедиции Серебренникова, были убиты по велению «Вечного шатуна» с красной отметиной. Принцип — вали грех на безмолвного зверя, — видимо, и тут сказался.

А еще индейцы разных родов и племен сообщили русским, что когда Пестряков погиб, то «Вечный шатун» тоскливо ревел три ночи. Зверь уважал достойных врагов.

Известно, что и в Америке, и в России излюбленная тема разговоров у лесного костра — медведь. Каких только баек и правдивых историй не услышишь об этом звере у ночного огня!

Вот только и в Сибири, и на Аляске даже те, кто что-то слышал о «Вечном шатуне», и в наши дни не станут о нем говорить.

ВОСЕМЬ СИЛ — ВОСЕМЬ ЖИЗНЕЙ

С древних времен люди, жизнь и труд которых связаны с морем, верили, что в морской пучине живут странные и огромные существа, не похожие ни на рыб, ни на медуз, ни на других обитателей океана. Правда, в легендар-

ном облике этих созданий, в чертах необычного телосложения и поведения, которыми их наделил миф, чувствовалось что-то неуловимо общее с осьминогами. Но эти несуразные и химерические чудовища были несравненно более огромные и опасные твари. Почти у всех приморских народов, живущих по берегам океанов и открытых морей, есть свои мифы об этих загадочных животных.

Игорь Акимушкин, писатель, биолог

Таинственные исчезновения кораблей

С первых лет основания Российско-американской компании ее руководители стремились создать свой морской флот. Необходимо было постоянное снабжение русской колонии в Новом Свете, вывоз оттуда мехов и добыча морского зверя на хорошо оснащенных судах. Кроме того, Русская Америка нуждалась в военных кораблях для защиты своих поселений.

Александр Баранов не только покупал суда для компании, но и организовал их строительство в колонии. Так, в 1809 году в Ново-Архангельске сошли со стапелей шхуна «Чириков» и бригантин «Открытие». Спустя двенадцать лет флотилия Русской Америки имела бриги «Ильмень», «Булдаков», «Финляндия», бригантин «Открытие», галиот «Румянцев», шхуны «Фортуна», «Чириков», шлюпы «Баранов», «Константин», «Платов».

По данным Петра Тихменева, с 1799 по 1821 год Российско-американской компанией было приобретено 5 иностранных судов для кругосветных экспедиций, 8 — для плавания в колониальных водах. На верфях русской колонии в Новом Свете и в Охотске построено 15 судов. Как отмечал Тихменев, за указанный период потерпело крушение 16 кораблей Российско-американской компании.

Дело Баранова продолжил капитан-лейтенант Петр Егорович Чистяков. Он управлял русской колонией в 1825—1830 годах. Под его руководством в Ново-

Архангельске были спущены на воду парусные боты «Уналашка», «Бобр», «Сивуч», трехмачтовый корабль «Уруп».

Но опасный для судоходства Тихий океан продолжал собирать свою дань. Едва ли не каждый год гибли в его водах большие и малые суда. Кораблекрушения во все времена окутывались тайнами. Явные причины — шторма, рифы, вражеские нападения и т.д. — дополнялись загадочными. Народная молва делала виновниками трагедий: корабли-призраки, неразгаданные природные явления, неизвестных морских чудовищ. Впрочем, в уничтожении судов и людей обвинялись и известные существа: киты, акулы, гигантские спруты. Этим животным-убийцам неизменно приписывались огромные размеры, невероятная сила и различные фантастические свойства.

Рассказы о нападениях огромных спрутов на корабли и лодки были известны и в Русской Америке.

В 1823-м или в 1824 году в районе островов Прибылова на промысловое судно напал гигантский осьминог. Вначале он утащил за борт двоих моряков, а затем перевернул и потопил судно. Об этом сообщил русским колонистам алеут. Он наблюдал за трагедией, проплывая на байдаре.

Сохранился рассказ о нападении огромного спрута на шхуну, которая доставляла шкуры котиков и сивучей из русской колонии на Камчатку. Случилось это в 30-х годах XIX века. Чудовище ухватилось двумя щупальцами за борт, а еще одним потянулось к капитану судна. Однако экипаж не растерялся и с топорами, ножами и саблями кинулся на чудовище. Морякам удалось отсечь пару кусков от щупалец спрута. После этого чудовище скрылось под водой и больше не появлялось.

Трофеи были доставлены на Камчатку. Но передать ученым отрубленные части тела хищника моряки не смогли. Кто-то из них скормил мясо осьминога собакам.

«Пуговичный рак»

Петр Дорошин упоминал, что индейцы — чугачи и креолы — охотно употребляют в пищу моллюсков. В том

числе и спрута, которого туземцы называли «Пуговичным раком».

«О последнем здесь можно услышать рассказы, подтверждающие существование гигантского спрута, который увлекал в бездну океана не только байдарки, но и байдары. Таков был, по преданию, — около входа в Воскресенскую бухту».

Со слов туземцев Дорошин сообщал об огромных размерах этого осьминога: «...его восемь щупальцов подымались из воды наподобие мачт; присасывательные бородавки, двумя рядами покрывающие щупальцы, были величиною в средний люк трехлючной байдарки (около ¾ аршина в диаметре — примерно 56 сантиметров).

Для истребления этого чудовища, чугачи сплотили несколько байдар, и когда щупальцы спрута появились из воды и обхватили сплаченные в одно целое байдары, то чугачи принялись рубить, пилить, колоть копьями эти мачтовидные щупальцы, и чудовище было побеждено. Рассказов более вероятных о пуговичном раке я слышал несколько. Мне указывали даже на одну креолку, которая была схвачена спрутом в то время, когда собирала ракушки и морскую капусту на каменьях, во время отлива. Сколько ни старалась она освободиться от канату — подобных щупальцов спрута, но оторвать их от себя не могла. А море пошло на прибыль, и набегающие волны все более и более покрывали ее. Крик заглушался прибоем...

Но она была замечена чугачами, случайно плывшими в байдарках мимо, и освобождена из объятий этого самого хищного из головоногих животных. Небольших пуговичных раков находят чугачи между каменьями, во время отлива и часто вместе с костями морских птиц, которые, по словам чугачей, служили пищей животному».

Русские колонисты первое время отказывались есть осьминогов, когда их угощали туземцы. Но постепенно, особенно в голодные годы, стали употреблять в пищу и «пуговичных раков».

Следы на коже кита

В научной литературе весьма настороженно относятся к сообщениям о гигантских спрутах, нападавших на корабли и в далеком прошлом, и в наше время.

О гигантских моллюсках в справочниках говорится, что обитают они и на больших глубинах, и на мелководье. Обладают эти существа коротким телом без боковых плавников и имеют восемь «рук» — щупальцев.

Спруты нападают на добычу, в несколько раз превышающую их по размерам. Но и сами являются пищей кашалотов, касаток, акул.

Это животное было хорошо известно поморам — русским ловцам морского зверя в Северно-Ледовитом океане. В изданном в Москве в 1778 году «Словаре ручной натуральной истории» есть упоминание о морском животном — краке: «...величины непонятной, обитающий в Северном море; он занимает ужасное место, и северные рыбаки бывают рады, когда на оное место наедут, ибо над ним всегда множество рыб вьется. Познают пребывание его по мели в море: когда известное место, бывшее глубиною до ста сажень, по мере гирьки окажется только сажен в тридцать, заключают тогда, что на дне крак находится. И если отмель сия отчасу становится мельче, заключают, что крак вверх поднимается, тогда спешат отъехать и, достигнув до настоящей глубины, останавливаются.

Тогда видят оказывающуюся из воды поверхность сего ужасного животного, ибо всего его никто не видывал».

Под легендарным чудовищем «краке», «кракен», «краббен» средневековые авторы подразумевали спрута фантастических размеров. Согласно описаниям этих авторов, длина щупальцев морских чудовищ достигала сотни метров, а толщина превышала ствол двухсотлетнего дуба.

Аборигены тихоокеанского побережья Нового Света и жители Русской Америки в преданиях о гигантских спрутах называли более скромные размеры. В рассказах

алеутов, эскимосов и русских промысловиков и мореходов о встречах с подобными великанами редко сообщалось о длине щупалец более шестидесяти метров.

Но разве могут не впечатлять и такие размеры?..

Биолог и литератор Игорь Иванович Акимушкин посвятил свою диссертацию осьминогам Тихого океана. В течение многих лет он занимался исследованиями в этом регионе. Помимо научно-биологических изысканий, еще записывал рассказы очевидцев встреч с гигантскими спрутами.

Не раз ему доводилось осматривать добытых в северных водах Тихого океана китов. Игорь Иванович обратил внимание, что на коже почти каждого взрослого кашалота, в особенности в углах губ и на голове, заметны были отчетливые отпечатки присосок спрута, а у иных китов даже змеевидные вмятины — отпечатки целых щупалец. Можно представить себе, с какой колоссальной силой был стиснут кит, если на его многотонной голове остались такие следы после объятий чудовищного жителя глубин.

Акимушкин пришел к заключению: «схватки кашалотов с огромными осьминогами — явление обычное, но они редко даются китам».

Игорь Иванович допускал, что в глубинах океана живут осьминоги длиной в 30—40 метров. Подтверждением этому являются отпечатки огромных присосок на коже китов и куски гигантских щупалец, обнаруженных в желудках кашалотов.

Голубая кровь на шхуне

У народов Аляски, северных тихоокеанских островов, Камчатки и Чукотки существовало предание, в котором гигантского спрута называли «Восемь сил — восемь жизней».

Первой рукой (щупальцем) это чудовище получало живительную силу от не доступного людям мира, который находится глубоко под морским дном; второй — от обитателей морского дна; третьей — от подводного мира; четвертой — от поверхности морей и океанов; пятой —

от того, что плавало по волнам; шестой — от прибрежных камней; седьмой — от наземного мира. Ну а восьмой рукой чудовище получало жизненную силу от звезд.

Вот почему, согласно преданию, смертельно раненный спрут тянет одно щупальце высоко вверх, обращаясь за помощью к звездам.

В городе Сиэтл, на северо-западе США, в 80-х годах прошлого века у одного коллекционера, потомка русских колонистов Аляски, сохранилась лубочная картинка. На ней были изображены спрут и шхуна. Несколько щупальцев чудовища обхватили судно. Люди бьют по спруту из пушек и ружей. Видно, что гигантское животное смертельно ранено, однако врага не отпускает. Его кровь, голубого цвета, забрызгала шхуну. Одно щупальце спрута тянулось вверх к звездам, словно чудовище просило дать ему живительную силу...

По словам коллекционера, этот лубок был изготовлен в середине XIX века неизвестным мастером из Русской Америки.

«Колготной Фаддей»

В рассказах о Русской Америке ее жителей частенько изображают то хваткими промышленниками, готовыми за шкуру калана или котика убить ближнего, то благостными героями-первопроходцами. Но колония в Новом Свете была лишь каплей Великой России, в которой также обитали праведники и грешники, замечательные личности и подлецы, бессребреники и стяжатели, законопослушные и разбойники, смиренные и ухари, трудяги и бездельники, деловитые, практичные и несуразные, чудаковатые, с простыми и с запутанными биографиями.

В конце 50-х годов XIX века из Русской Америки в Охотск направилась очередная шхуна, груженная шкурами котиков, сивучей и каланов. Судно до места назначения не дошло. Рыбаки обнаружили в океане его обломки. По селениям Русской Америки прошел слух, что перегруженная шхуна утонула во время шторма.

Так посчитало начальство колонии и рядовые жители русских поселений в Новом Свете.

Не верил в такую причину гибели судна лишь один человек — младший брат капитана погибшей шхуны.

Фамилия его позабыта. Сохранилось лишь прозвище — «Колготной Фаддей». В Русской Америке многие люди, знаменитые и неприметные, имели прозвища.

Знакомых и незнакомых колонистов Колготной Фаддей убеждал, что судно его брата захватило чудище «Восемь сил — восемь жизней» и уволокло в глубины океана. Такое было ему видение во сне.

Хоть и любили жители Русской Америки страшные истории и байки, но Фаддею не верили. Разве можно воспринимать всерьез человека, никчемного в любом деле? И в промысле зверя, и в заготовке леса, и в старательных работах давно он проявил свою никчемность. В небольших поселениях человеку трудно скрыть свои качества. Струсил, загулял, совершил преступление, не выполнил приказ — весть об этом, несмотря на огромные расстояния между населенными пунктами, стремительно разлеталась по всей Русской Америке.

Почему начальство терпело никчемность Фаддея, неизвестно. Может, оттого, что дальше уже некуда было ссылать за провинности? Но, вероятно, выручало его умение рисовать. Соотечественники не очень почитали творения Фаддея, а вот туземцы, — и островные, и с материкового берега, — всегда подолгу любовались рисунками самородного художника.

Удар по самолюбию

Ни холстов, ни настоящих красок у него не было. Использовал он доски и исписанные с одной стороны листы бумаги. Рисовал вначале углем, а потом научился сам изготавливать краски. Как он их делал и из чего, — никому не рассказывал. Впрочем, народ этим не интересовался.

Соотечественники, хоть и называли Колготного Фаддея дармоедом и никчемой, были довольны, что он нашел занятие. К тому же туземцы из близких и далеких селений, прослышав о доморощенном художнике, все чаще стали приезжать к нему и заказывать рисунки. Расплачивались в основном пушниной и китовым жиром.

Как правило, индейцы просили изобразить зверей и птиц, а иногда — портрет «злого человека».

Фаддей, конечно же, интересовался, почему заказывали портреты лишь каких-то неизвестных «злых людей», которых он никогда не видел.

Туземцы отвечали туманно: дескать, увидит человек свое страшное нарисованное обличие — и тут же сделается добрым. Художник, хоть и недолго жил в Новом Свете, но знал: у каждого народа свои поверья, приметы, причуды. Наивный ответ не настораживал Фаддея.

Он лишь ворчал, принимаясь за новый портрет:

— Ну как я могу изобразить человека, если никогда его не видел?!

Каждый раз заказчики охотно поясняли, что вовсе не обязательно сходство портрета с оригиналом. Достаточно нарисовать на голове «злого человека» перья определенной птицы, шрамы на лице или украшения, о которых они подробно рассказывали. Вот в этих деталях туземцы требовали точности изображения.

Удача недолго балует творческого человека, зато быстро кружит голову и толкает на необдуманные поступки. Однажды похвастался Фаддей: заявил промысловикам, что он получает от туземцев шкур котиков и лисиц больше, чем добывает каждый из охотников.

Конечно, это вызвало обиду.

Кто-то из бывалых охотников предостерег:

— Не больно колготись, Фаддейка. Фарт громких и бахвальных слов не любит!..

Художник не прислушался к совету и заявил в ответ, что дикари лучше разбираются в искусстве, чем его соотечественники, и умеют ценить прекрасные творения.

На это промысловики ничего не ответили — только хитровато перемигнулись.

Вскоре Фаддей, в составе исследовательской экспедиции, был направлен в устье реки Стикин. Нехватка людей заставляла руководство колонии привлекать к научным изысканиям и самых никчемных соотечественников.

Там, на реке Стикин, и постигло художника разочарование в своем творчестве. Он надеялся, что индейцы раз-

вешивают его работы в вигвамах и любуются ими. Оказалось по-другому.

Когда туземцы отправлялись на охоту на какого-то зверя, они швыряли в костер изображение этого животного, созданное Колготным Фаддеем. А «злым человеком» являлся для них вождь враждебного племени. Сожгли его портрет — и враги остались без предводителя. После подобного ритуала вождь либо внезапно умирал, либо уже не мог управлять воинами от какой-то напасти.

Довелось самолично увидеть художнику, как сгорают его творения и как совершают индейцы вокруг ритуального костра свой боевой танец. Будь Фаддей степенным человеком, наверняка свихнулся бы с горя от увиденного. Но у колготного человека и так с рассудком неполадки. Куда ж дальше катиться?..

Новая причуда

Погоревал немного Фаддей да и забросил художество. Даже самые зубоскалистые колонисты, и те сочувствовали ему.

Коль утратил колготной человек свой стожар, — жди неудачи, беды и очумелых запоев — так говаривали на Руси в старину.

Чтобы Фаддей от кручины не свалился в запой, колонисты подарили ему балалайку. Пускай бренчит, — авось, тоску развеет.

Пока Фаддей бездумно щипал струны, новая беда объявилась: бесследно пропала шхуна, которой командовал его брат. Несостоявшийся художник, может, и в самом деле увидел вещий сон. В виновность гигантского спрута он поверил безоговорочно и сразу решил отомстить морскому чудовищу.

За дело принялся ретиво. И снова — удивил народ. Готовился со знанием дела к походу на восьмирукого супостата — так, будто уже не раз сражался с этой гигантской тварью.

Сперва-наперво принялся Фаддей мастерить из дерева и порченых шкур сивучей и котиков чучело кита. К работе он привлек лишь одного человека — старого, сле-

пого алеута. Вместе наловили они на отмели несколько ведер мелких осьминогов, бросили их в бочку и залили кровью кита. Выдерживали несколько дней. До тех пор, пока не пошел от бочки такой дух, что собаки за полверсты ее обходили.

Ни туземцы, ни самые бывалые русские даже не слыхали о подобном месиве из осьминогов и китовой крови. С расспросами и ехидными замечаниями приставать к Фаддею не стали. Родной брат погиб — мало что Колготной еще начудит с горя!

А бывший художник со своим помощником принялся обмазывать жутким месивом чучело кита. Хватило обоим ума делать это подальше от селения, а то бы уморили всех жителей.

Слепой алеут предоставил для охоты на спрута свою байдару. Фаддею он объяснил, что выходить на «Восемь сил — восемь жизней» надо только в безлунную, но звездную ночь. Гигантский спрут охотится, лишь когда воспринимает одним из щупальцев животворную силу звезд. А запах приготовленного месива обязательно почует из любых океанских глубин.

Знакомые понимали, что отговаривать Фаддея от безумной затеи бесполезно: Колготной он и есть колготной! Тут и начальство колонии не поможет.

«Покажи свою силу и отвагу!..»

Наконец настала заветная безлунная и яснозвездная ночь. И отправился Фаддей на байдаре с привязанным чучелом кита. Провожал его на подвиг лишь слепой алеут.

До рассвета старик колотил в бубен, приплясывал и кричал нараспев:

«Восемь сил — восемь жизней»,
Выходи из глубин!
Знатное угощение ждет тебя!..
Волнуются все твари морские,
На то угощение зарятся,
Тебя хотят опередить!..

От шума проснулись в селении. Несколько промысловиков пришли на берег разобраться с виновником происшествия. Но слепой алеут словно и не слышал их вопросов. Знай себе горланит:

«Восемь сил — восемь жизней»,
Выходи из глубин!..
Покажи свою силу и отвагу!..

Поняли охотники, что ничего от убогого не добьются, присели на камни, трубочками запыхтели и стали наблюдать, чем сумасбродство Фаддея закончится. Никто не верил в его победу над чудовищем, но всем было интересно, чем собирался Колготной убить гигантского спрута. Пуля, копье, гарпун — все это пустяковина для такой огромной твари, да еще в неумелых руках Фаддея.

Без пушки в таком деле не обойтись, а коль нет ее, тут и каюк настанет Колготному, если восьмирукое чудовище позарится на приманку, — единодушно решили промысловики.

С первыми лучами солнца выдохся алеут. Положил на камни бубен и сам примостился рядом.

Еще немного посудачили охотники и собрались по домам. Но тут вдруг встрепенулся убогий. Вскочил, снова подхватил бубен и заголосил так, что перекрыл гомон чаек:

Пропал «Восемь сил — восемь жизней»!..
Синей кровью забрызгал байдару!..

А тем временем на горизонте появилось какое-то суденышко. Оно быстро приближалось к берегу. Вскоре промысловики разглядели байдару Колготного Фаддея. Еще не причалив, он помахал собравшимся землякам.

— Отыскал-то чудище?! — насмешливо поинтересовался один из охотников.

— А куды ж ему от меня скрыться!.. — весело отозвался Фаддей.

— Ну и как?.. Сладил с восьмируким?.. — все так же насмешливо прозвучал вопрос.

Спрута часто обвиняли в уничтожении судов и людей

— Одолел проклятого... Помотал он меня изрядно, да все «восемь сил — восемь жизней» я из него вышиб, — охотно пояснил Фаддей.

Он с помощью слепого алеута вытащил байдару на берег, присел на борт и задорно подмигнул землякам:

— Чего рты разинули?.. Поглядите-ка: вон доказательство в лодке...

Подошли к байдаре промысловики и застыли от удивления. На дне и в самом деле находилось весомое доказательство сражения с гигантским спрутом. Кончик щупальца морского зверя был с человека — и по длине, и по толщине.

— По всему видать, это лишь десятая часть руки чудовища, — прикинул один из промысловиков.

— Такой зверюга и шхуну потопить мог!..

— Да как же ты его без пушки одолел?.. — загалдели разом охотники.

А Фаддей пожал плечами и скромно ответил:

— Ружьецо, копьецо да топорик — вот и все мое оружие. Главное — знать, когда и куда бить...

— Может, эту тварь кашалот порвал, а Колготной у дохлого чудища отрубил кончик щупальца?.. Или ки-

тобои прикончили спрута, а наш-то и купил у них часть туши... — послышались сомнения.

Но кто-то из бывалых промысловиков прервал:

— Нет, по всему видно: это Фаддейкина добыча. Поглядите на борт байдары, да на копье и топор. Ясное дело: нешуточная драка была...

По-прежнему окутаны тайной

Категоричный вывод опытного охотника приняли остальные. Так непутевый «неумеха» стал героем. И стар и млад в селении еще долго допытывались, как все же ему удалось победить морское чудовище, и просили показать, как он орудовал копьем и топором.

Отвечал на расспросы Фаддей незамысловато и скромно. А вот оружие брать в руки отказывался. Что ж, и у героев случаются причуды.

О дальнейшей судьбе победителя гигантского спрута ни в документах Русской Америки, ни в преданиях русских колонистов больше не упоминалось. Как известно, легенды забываются, документы пропадают, а с ними теряются в прошлом интересные судьбы, деяния, имена.

Но таинственные гигантские спруты волнуют человечество и в наше время. В XX и XXI веках появилось немало сообщений об этих животных, о сражениях великановосьминогов с кашалотами, об их атаках на рыболовецкие и китобойные суда, на танкеры и сухогрузы, на яхты и катера в северной акватории Тихого океана.

НЕПРИМИРИМЫЕ ВРАГИ

В часы гнева духи наградили этих зверей ненавистью друг к другу. Никогда раненая рысь не убежит на дерево, если ее противник — росомаха; ...и самая неуклюжая росомаха будет сражаться до последнего вздоха, если схватилась с рысью.

Из преданий народов Северной Америки и Дальнего Востока

Кровавые развлечения

Во второй половине XIX столетия немало жителей Русской Америки отправились искать золотую удачу вглубь Нового Света. В одиночку и небольшими группами русские осваивали берега Юкона, Фрейзер, Колумбии и десятков более мелких рек запада Северной Америки. Они вливались в интернациональные ряды старателей и добытчиков пушнины, прибывших из разных штатов и стран.

Стремительно возникали новые поселения, куда возвращались после трудного и опасного сезона искатели золота и зверобои, где постоянно вертелись торговцы. Из южных и восточных городов в эти селения доставлялись провизия, оружие, одежда, инструменты, а вывозились золото, мех, кожа.

С окончанием сезонных работ часть старателей и добытчиков пушнины возвращались в родные места. Но были и те, кто не смог заработать денег на обратную дорогу или не имел ни дома, ни семьи. Эти самые отчаянные парни оставались зимовать в некомфортных, наспех сколоченных жилищах золотоискателей и охотников. Надежду на удачу в следующем году они ежедневно сдабривали виски, водкой, ромом. Гуляли в долг или закладывали свои нехитрые пожитки, оружие, ездовых собак. Владельцы питейных заведений аккуратно вели списки должников и наметанным глазом определяли, кому из клиентов повезет в следующем сезоне, а кто — сопьется или погибнет.

В пору межсезонья людям особенно требовались развлечения. А их так не хватало в суровом краю! Беседы за выпивкой, скандалы, драки, заключение самых безумных пари... Все это быстро приедалось. Среди старателей и охотников встречались самодеятельные музыканты, песенники, хорошие рассказчики веселых, печальных и поучительных историй, но таких было слишком мало — для заполнения досуга бесшабашного, мающегося от безделья народа.

Поэтому особенно популярными у них стали собачьи бои, а иногда и бои между пойманными зверями. Но схватки лесных хищников были редкостью. Отлов диких животных, их содержание в неволе, обустройство специально оборудованного места для сражения требовали много времени и затрат.

Медведи, росомахи, волки, рыси, попавшие живыми в руки охотников, содержались впроголодь в тесных клетках, но чаще — в ямах. Хищникам бросали старых больных собак и раненых животных.

Теплая кровь обязательно должна входить в рацион диких бойцов, — считали организаторы боев.

«Пусть сами решают»

Однажды в селение старателей и охотников доставили рысь, а спустя немного времени — росомаху. Оба еще были слишком малы для боев, и организаторы кровавых развлечений решили содержать их до следующего сезона. Для зверей соорудили клетки и поставили рядом. Наверное, устроители боев думали, что такая близость пропитает рысь и росомаху еще большей ненавистью друг к другу.

Многие охотники в России и в Америке знали о необычных взаимоотношениях этих животных. Рысь и росомаха — непримиримые враги. И если они встречались в лесу, то всегда яростно кидались друг на друга и сражались до последнего.

Но в чем необычность их взаимоотношений? Мало ли враждующих хищников на свете!

Природа устроила так, что более слабый зверь чувствует более сильного противника другого зоологического вида и старается избежать столкновения с ним. Гиена в одиночку не станет противостоять льву, волк — медведю. Лишь приближение голодной смерти или защита детенышей изредка ломает эти природные устои. Болезнь бешенства может заставить шакала кинуться на леопарда, лисицу — на волка. Но подобные случаи — исключения.

Рысь и росомаха — примерно равные по силе хищники. Оба зверя обитают в Старом и Новом Свете и приспо-

Рысь — непримиримый враг росомахи

соблены жить в суровых условиях северных лесов. У росомахи туловище массивное и короткое. Издали она напоминает медведя, хотя относится к семейству куньих. Это сильный и ловкий зверь, хотя производит впечатление неуклюжего существа. Мощные лапы с большими когтями, острые клыки делают росомаху опасным хищником. При длине тела около метра, высоте в плечах не более 45 сантиметров, а весе не более 35 килограммов она смело нападает даже на таких крупных животных, как олени и молодые лоси.

Охотники и в Старом, и в Новом Свете сообщают, что росомаха часто уничтожает попавшую в капкан добычу, ворует съестные припасы у людей. Настигнутый собаками, этот зверь сражается яростно, несмотря на многочисленные раны.

В случае опасности росомаха может вскарабкиваться на дерево. Конечно, делает она это не так ловко и быстро, как ее извечный враг — рысь.

В преданиях народов Сибири и Северной Америки лесные духи наделили хищников навыками избегать друг друга, делить охотничью территорию. Но о рыси и росомахе духи почему-то сказали: пусть эти твари сами решают, как им поступать при встречах.

Росомаха — хищник, примерно равный по силе рыси

Природа наградила рысь и росомаху возможностью охотиться и днем, и ночью, убивать животных во много раз больше и сильнее, чем они. И рысь, и росомаха прыгают на оленей, кабаргу, лосей и вгрызаются им в загривок, пока обеспокоенная жертва не свалится.

Подготовка к знаменательному сражению

Присматривать за молодыми хищниками, а также кормить их устроители боев поручили Николке. Отец его, выходец из русской колонии, отправился на поиски золота в верховья Юкана и пропал без вести. С той поры мальчику самому пришлось зарабатывать на жизнь.

Наверное, окажись на свободе, рысь и росомаха немедленно сцепились бы и сражались насмерть. Особенно бесновались они, когда Николка приносил еду. Мальчик кормил зверей по очереди. Входил в клетку к росомахе, давал мясо и долго что-то нашептывал. Рысь видела это и не находила себе места от злости и начинала метаться по клетке.

Через какое-то время Николка переходил к ней. Тут начинала злобствовать росомаха. Однако оба зверя по-

своему любили мальчика и принимали у него пищу из рук. Наверное, для них он был единственным существом, которому они доверяли.

Пролетел год, рысь и росомаха, по мнению владельца, достигли необходимых размеров и силы, чтобы потешить кровавой дракой публику.

В селении никто еще не видел, как сражаются росомаха с рысью, поэтому предвкушали небывалое зрелище. Устроители боев решили не обманывать ожидание публики и вначале поднатаскать молодых хищников в драках с собаками.

Против рыси выставили неповоротливого от старости пса. Лесная кошка расправилась с ним в несколько минут. Так же быстро прикончила своего противника и росомаха.

Владелец зверей был доволен: не зря откармливал их целый год. Радовались и другие устроители боев. Слух о предстоящей кровавой потехе уже разлетелся по многим селениям старателей и охотников. Ожидался небывалый наплыв зрителей и чрезвычайно высокие денежные ставки.

За несколько недель до знаменательного сражения для тренировки против рыси и росомахи выставлялись уже крепкие и опытные псы. Оба зверя, хоть и получали ранения, но все же побеждали.

Николка понимал, что в предстоящей схватке один из его любимцев станет убийцей другого, или погибнут оба. Сколько ни размышлял мальчуган, так и не смог придумать, как помешать смертельному поединку своих питомцев.

Бой на опушке леса

В день перед сражением владелец запретил кормить и поить зверей. Сам он с утра отправился обходить прибывших в поселок зрителей, чтобы собрать деньги. Едва хозяин покинул дом, Николка решился на отчаянный поступок. Вначале прихватил хозяйский кольт и жменю патронов к нему, затем отрезал куски мяса от оленьей туши и, наконец, выпустил из клеток своих питомцев.

Он боялся, что звери тут же накинутся друг на друга. Но этого не произошло. Рысь и росомаха поспешно съели по куску мяса и стали озираться. Возможно, они чувствовали какой-то важный перелом в жизни. Но к лучшему или к худшему? Этого зверям не дано было понять. Некоторое время они стояли на месте, задирали головы, втягивая воздух, и снова озирались. Друг друга — будто не замечали.

Николка поманил рысь и росомаху олениной и двинулся от дома хозяина в сторону леса. Он опасался встретиться с людьми, а еще того, что непримиримые хищники все же сцепятся.

Однако на пути никто не попадался, а его подопечные спокойно бежали следом. Снег едва покрывал мерзлую землю, поэтому Николка и звери легко и быстро преодолели безлесное пространство. Добрались до опушки. Мальчик швырнул оставшиеся два куска оленины в разные стороны, чтобы рысь и росомаха не затеяли ссору.

Внезапно со стороны селения послышались крики и лай собак. Николка увидел, как погоня вышла на след. Собаки почуяли запах ненавистных зверей и рванулись к опушке.

Рысь и росомаха одновременно встрепенулись и, мгновенно оценив обстановку, повернули к ближайшим деревьям. А разъяренная свора была уже рядом. Звери все-таки успели вскарабкаться на невысокие черные ели.

Николка выхватил кольт и выстрелил в устремившихся на него псов. Раздались визги раненых, но это не остановило свору. Собаки окружили два дерева и стали прыгать, надеясь достать клыками зверей.

Николка хотел было вставить новые патроны в барабан кольта, но прозвучали выстрелы преследователей. Мальчик схватился за грудь, опустился на колено, а потом ткнулся лицом в землю и затих.

Что произошло дальше? Северные рассказчики былей и небылиц нередко наделяют животных человеческими качествами и разумом. Вот и слушателей этой истории они уверяли, что росомаха и рысь, увидев гибель друга, соскочили с деревьев на своих врагов.

Бой был не равный. Когда примчались люди, они увидели несколько собак с перерезанными глотками. А оставшиеся в живых псы терзали мертвых зверей. Рысь и росомаха сражались и погибли рядом.

О застреленном Николке властям сообщили, что он перезаряжал кольт и по неосторожности выстрелил в себя. Сообщению поверили, и расследование не проводилось.

Необычный случай вскоре превратился в предание, а над преданием, как известно, никто не властен. Весть о том, как на самом деле погиб мальчик, утаить не удалось. Но что стало с виновниками убийства, — неизвестно.

Иногда природа ломает свои правила. Случалось и такое: встретятся в лесу рысь и росомаха и разойдутся без кровопролития. И тогда старые охотники северо-западной Америки заявляют: «Это Никола зверей с миром развел...»

Вот только не всегда они объясняют, кого имели в виду: святого Николая или погибшего в давние времена мальчишку.

КОМАНДОРСКИЕ ЭТЮДЫ

Нелегко достигнуть и пройти моря студеные, еще труднее постичь их тайны...
Не всякому они откроются и поведают, какие земли сокрыли, какие племена и народы навсегда затерялись в их ледяных водах...

Предание о Морях Студеных

...слыхал я еще бывши в Анадырске, от предков моих, что в давние годы вышло из устья реки Лена... семь кочей, и поворотя Северным морем, шли благополучно до реки Колымы и оттель тем же Северным морем вокруг Чукоцкой нос, поровнясь против самого носу и тут зделался шторм и тем штормом те

кочи разнесло, из которых четыре известны, а о трех неизвестно, и те народы где ныне находятся не знатно також...

Из журнала казачьего сотника
Ивана Кобелева

Хрустальные дворцы в холодном океане

К полудню шторм прекратился. Небо заяснело голубизной. Словно кончились внезапно буйные силы океана. И только ветер завывал от обиды, что не смог как следует разгуляться, и теперь лишь уныло закручивал пенные гребешки волн.

Я поднялся на верхнюю палубу. Двое матросов что-то высматривали прямо по курсу. Неожиданно один из них вытянул руку вперед и негромко произнес:

— Остров Беринга...

Мне показалось, что сказал он это слишком равнодушно.

— Где?.. — не сдержался я.

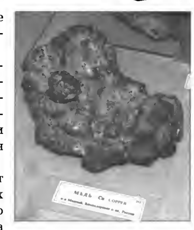
— А во-он, — снова устремил вперед руку матрос. — Да не туда смотрите, чуть левее. Видите?

Теперь я разглядел над темной полосой горизонта неясные очертания заснеженных сопок. Сказочные хрустальные дворцы в холодном океане!..

Вот он — главный остров Командор! Вот она, заветная точка на карте. Со школьной скамьи она манила меня своей загадочной отдаленностью. Даже в ее названии угадывались таинственные истории, морские походы, победы и трагедии, великие и негромкие открытия.

После продажи в 1867 году русских колоний Соединенным Штатам моряки и охотники на морского зверя неофициально называли Командорские острова «Непроданной частицей Русской Америки».

Конечно, и до прибытия сюда я уже знал, что Командоры — западное ответвление Алеутской островной гряды. Омываются они с севера Беринговым морем, с юга — Тихим океаном. Состоят из двух больших островов — Беринга и Медного, и двух малых — Топорков и Сивучий.



Медь с острова Медный

А неподалеку от них еще имеется множество торчащих из воды скал.

По геологическим меркам, Командоры возникли недавно, благодаря вулканическим силам. Но образованный этими силами хребет стал разрушаться ветрами и водой.

Наверное, тысячи лет назад стихия в этих местах не пощадила легендарную Землю Синей звезды, и она исчезла как географический объект. И лишь неясные предания, отголоски прошедших веков, вызывают споры современных исследователей, любителей древних тайн.

Спроси у Синей звезды

О ней упоминается в преданиях разных народов. «Все, что произошло, происходит и произойдет с человечеством, знает Синяя звезда...»

Не всякому дано увидеть ее в миллиардно-звездном небе. Но «...тот, кто сможет в Египте взобраться на Большого Сфинкса, не потревожив его покой, сразу отыщет ее». Так говорят знатоки древних тайн.

«...Синяя звезда сама притянет взгляд того человека. Ибо она покровительствует Сфинксу».

Возможно, потомки оставшихся в живых после катастрофы представителей легендарной цивилизации создали предания о Земле Синей звезды. Пройдя через тысячелетия, их рассказы о прародине могли сильно исказиться. И ныне живущим пока еще не дано разобраться, где правда, а где вымысел в легенде о Синей звезде и о погибшей цивилизации.

Идущие к морям и землям студеным, к берегам Северного Ледовитого и Тихого океанов... Откликались

ли они на зов легендарного, затерянного в космической бездне, светила, или только стремление познать и открыть неведомое, научный, экономический и политический интересы заставляли их отправляться в рискованные путешествия?..

Не знаю, как называли ее астрономы в древности. К каким созвездиям или туманностям она принадлежит? И занесена ли вообще в звездный каталог?

Спрашивал у специалистов. Ответа не получил.

В преданиях говорится, что Синяя звезда едва заметна в ночном небе. Не каждый может ее отыскать, как и постичь и разгадать тайны прошлого, настоящего, будущего.

Хранители древних знаний из разных стран и сегодня поклоняются ей и вопрошают, надеясь познать неизведанное.

Тот, кто сможет в Египте взобраться на Большого Сфинкса, не потревожив его покой, сразу отыщет Синюю звезду

Она то ярче горит, то бледнеет. Кажется то ближе к земле, то дальше. Порой возникает предчувствие, что ее тайна вот-вот раскроется. Вроде бы искомый ответ уже совсем рядом... Но и верные ответы заветной звезды частенько теряются в потоках неясной информации, многочисленных версиях, догадках, сомнениях.

От индейцев штата Орегон, от жителей Аляски и Скандинавии, Таймыра и Сахалина, от бурят и чукчей, алеутов и эвенков я слышал ответ: «Спроси у Синей звезды...»

Однако большинство из произносивших магические слова ничего не знали об этой хранительнице древних тайн. Для многих ответ «Спроси у Синей звезды...» являлся лишь привычной фразой, пришедшей из давних времен.

«Осталась в наших снах»

В 60-х годах XVIII века русский мореход Андреян Толстых во время своих походов по Тихому океану пытался отыскать мифическую «Землю Гамма», которую некоторые называли Землей Синей звезды.

Нередко поиск не существующих или исчезнувших географических объектов приводил к важным открытиям.

Толстых не нашел легендарного острова, зато открыл часть Алеутской гряды, получившей название Андреяновских островов. Эта гряда вошла в состав Русской Америки.

В августе 1761 года его судно «Андреян и Наталия» подошло к одному из Алеутских островов, прозванному туземцами Атту. Местные жители выделили русскому путешественнику двух алеутов-проводников. Поход Толстых и его товарищей длился три года.

Экспедиции удалось исследовать шесть островов: Амля, Атка, Аях (Адак), Большой Ситкин, Канага, Тагалак. Путешественники собрали сведения о животном мире этих северных тихоокеанских земель. С алеутами — жителями островов — наладились добрые отношения, и они, после предложения Андреяна Толстых, приняли подданство Российской империи.

В своей книге «Русские мореплавания на Тихом океане в XVIII веке» Василий Афанасьевич Дивин писал: «Толстых и его спутники сделали географическое описание островов, собрали материалы о занятиях, нравах и обычаях алеутов. Живут они на низменности в неотапливаемых земляных юртах; одежду — парки выделывают из кож морских птиц, а также из кишок морских зверей — сивучей и нерп, питаются сырой рыбой, морской капустой, морскими зверями...»

Андреян Толстых интересовался у местных жителей о том, что они слышали о Земле Синей звезды. Согласно преданию, алеуты отвечали: «Часть ее забрали подводные духи, а часть осталась в наших снах...».

Никаких конкретных сведений о легендарной земле русский путешественник вроде бы не получил. Как отмечал Дивин: «...14 июня 1764 года корабль «Андреян и Наталия» оставил берега острова Адак. На обратном пути судно несколько раз получало пробоины, а 17 сентября, когда оно вошло уже в устье Камчатки, разбилось. Значительная часть грузов была спасена, но коллекции, собранные Андрияном Толстых, и многие составленные им описания погибли».

Возможно, среди пропавших документов были и записи о Земле Синей звезды.

Но это — лишь предположение любителей древних тайн.

Первые упоминания

Может, на Командорских островах остались хоть какие-то следы существования Земли Синей звезды?

Увы, пока безответность... Даже вопрос о посещении людьми Командорских островов, до прихода сюда экспедиции Витуса Беринга, остается спорным.

Известно, что еще в конце XVII века русские переселенцы на Камчатке знали: неподалеку от их полуострова есть в океане какие-то неразведанные земли.

В 1710 году эта весть дошла до Якутска. В приказной избе держали ответ служилые люди.

Один из них, Михайло Наседкин, сообщил, что восемь лет назад вместе с приказчиком Многогрешным они отправились из Анадырского острога в Камчадальский.

На лыжах и нартах добрались до устья реки Камчатка, чтобы «усмирить немирных камчацких мужиков». «...И против Камчацкого де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того он, Михайло, не ведает, и преж сего на том острову русские люди бывали ль, того де он, Михайло Наседкин, ни от кого не слыхал...».

Примерно в те же дни, когда в Якутске был допрошен Михайло Наседкин, приказчику Осипу Миронову поручили обследовать остров, который находится «напротив устья реки Камчатка», и выяснить, что за люди живут там, какой они веры, какие водятся там звери и птицы, а также составить подробную карту этой неизвестной земли.

Добрался ли до острова и выполнил ли Осип Миронов приказ? Скорее всего, нет.

В 1698 году картограф Семен Ремезов составил «Чертеж всех сибирских городов и земель». На нем изображена река Камчатка. В работе Ремизова об этой реке сказано: «А живут по ней неясашные камчадалы, платье на них собачье и соболье и лисье, а луки у них маленькие усовые на жилах». Сведения о жителях Камчатки Семен Ремезов получил от казака Дмитрия Попова, побывавшего на полуострове в 1684 году. После возвращения с Камчатки в Якутск рассказывал он об исчезнувшей в океане много веков назад «дивной земле».

«О чем мыслил давно»

Механик и изобретатель Андрей Нартов вспоминал разговор Петра I с генерал-адмиралом Федором Апраксиным. Произошел этот разговор незадолго до смерти императора.

«Я, будучи тогда беспрестанно при государе, видел сам своими глазами то, как е.в. спешил сочинять наставление такого важного предприятия и будто бы предвидел скорую кончину свою и как он был спокоен и доволен, когда окончил.

Механик и изобретатель Андрей Нартов

Призванному к себе генерал-адмиралу... говорил следующее: "Худое здоровье заставило меня сидеть дома, вспомнил на сих днях то, о чем мыслил давно, и что другия дела предпринять мешали, т.е. о дороге через Ледовитое море в Китай и Индию...

В последнем путешествии моем в разговорах слышал я от ученых людей, что такое обретение возможно. Оградя отечество безопасностию от неприятеля, надлежит стараться находить славу государства через искусства и науки. Не будем ли мы в исследовании такого пути счастливее голландцев и англичан, которые многократно покушались обыскивать берегов американских..."»

Прибытие в Никольское

Итак, конец 70-х годов XX века.

Теплоход «Петропавловск» замер на рейде в полумиле от берега.

Тихая бухта. Белые дюны. Приземистые сопки с плоскими вершинами.

На палубе собралось человек двадцать пассажиров с чемоданами, сумками, портфелями, рюкзаками. Ждали высадки на остров Беринга.

Несмотря на середину весны, вся видимая часть суши еще была покрыта снегом. И только в селе Никольском он лежал редкими пятнами.

Никольское — единственный населенный пункт на Командорских островах. С верхней палубы теплохода просматривались все его строения.

С берега подошла безымянная посудина — самоходная баржа, похожая на огромное, ржавое корыто. На ней перевозят людей и грузы с «Петропавловска» на берег. Спустить трап на это суденышко невозможно из-за его малых размеров, поэтому людей высаживают в корзине, сплетенной из толстых канатов.

Вместе с пятью пассажирами влезаю в нее. Заворчала грузовая стрела «Петропавловска», и мы медленно оторвались от палубы. Покачиваясь, на некоторое время повисли над водой, потом устремились вниз, к неказистому суденышку. Едва успели выйти из корзины, как снова заработала стрела.

Наконец, выгрузка закончилась. Мы отошли от борта теплохода.

На бревенчатом причале острова собралась толпа — встречающие и те, кто просто пришел поглазеть на приезжих. Ведь пассажирское судно у острова Беринга — всегда событие. Один раз в неделю заходит оно сюда, а длится навигация с мая по ноябрь. Примерно в конце октября пассажирское сообщение Командорских островов с материком прекращается почти на полгода...

Вместе с моим новым знакомым Михаилом Титеевым мы шли от причала по вязкой дороге. Михаил несколько лет прожил в Никольском и был знатоком истории Командор.

Тишина в селе. Только чайки жаловались океану на хлесткий ветер, да где-то за сараями урчал трактор.

Мы поднялись по уцепившейся за крутой холм шаткой деревянной лестнице и остановились у двухэтажного здания. Таких домов много в селе Никольском.

— Ну, вот и наш гранд-отель, — сказал Михаил.

Над одним из трех подъездов большими буквами гордо красовались два слова: гостиница «Чайка».

Первая ночь на острове Беринга

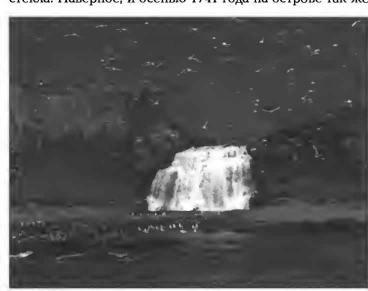
Маленькая комнатка в гостинице. В окна ломится ветер с океана. Ночь. На рейде, недалеко от берега, замерло судно.

Туман за окном то собирался в тяжелые клубы, то превращался в капли моросящего дождя. В разрывах тумана сверкающими тропинками разбежались по воде отражения судовых огней. Кажется, что в этих огоньках кроются загадки океанов, дальних стран, неведомых земель, прошлого и настоящего. Они — братья отраженным в море звездам.

Не спится. Из репродуктора доносится тихий голос: «В Москве сейчас 15 часов, в Красноярске — 19, Иркутске — 20, Хабаровске — 22, Южно-Сахалинске — 23, в Петропавловске-Камчатском — полночь». Девять часов разницы с Москвой.

Неодолимая бессонница... В который раз откладываю и снова раскрываю книгу Свена Ваксела, славного сподвижника командора. Неистовый, энергичный лейтенант возглавил экспедицию в самую трудную для нее годину, во время болезни и после смерти Витуса Беринга.

Ветер за окном гостиницы усиливался. Резкими и частыми становились его порывы. Того и гляди, высадит стекла. Наверное, и осенью 1741 года на острове так же



На острове Беринга

бушевал штормовой ветер. Только не было этого уютного номера гостиницы, электрического фонаря за окном, тихой песни из репродуктора...

Лишь поздно ночью я смог оторваться от записок Свена Ваккселя. Выключил свет. Утром рано вставать. А в эту ночь ко мне в гости придут, гремя сапогами, суровые мореходы, будут вспоминать страшную осень 1741 года, и лейтенант Ваксель простуженным голосом продолжит свой печальный рассказ...

«...Мы испытывали самые ужасные бедствия. Наш корабль плыл как кусок мертвого дерева, почти без всякого управления, и шел по воле волн и ветра, куда им только вздумалось его погнать...».

Оценивая заслуги русских первопроходцев «к морям студеным», известный немецкий историк Гельвальд писал: «В начале XVIII столетия уже почти все народы Европы имели свою долю участия в деле открытия Америки... Но истинным чудом представляется, что... предприимчивые русские казаки нашли путь в Америку, невзирая на бесконечные пустыни Сибири, и совершенно самостоятельно и своеобразно открыли эту новую часть света...»

Другой зарубежный ученый, английский географ Дж. Бейкер, также дал высокую оценку нашим первопроходцам: «Продвижение русских через Сибирь в течение XVII века шло с ошеломляющей быстротой.

Успех русских отчасти объясняется наличием таких удобств путей сообщения, какими являются речные системы Северной Азии, хотя преувеличивать значение этого фактора не следует, и если даже принять за расчет все природные преимущества для продвижения, то все же на долю этого безвестного воинства достается такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужеству и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ».

По селу за околицу

...Тихое, светлое утро. Солнца нет. В белесом небе коегде проступают голубые клочки.

Неподалеку от гостиницы — невысокий холм. С него видно все Никольское — одно из старейших селений Русской Америки. Потемневшие избушки, двухэтажные дощатые домики: голубые, желтые, а за ними — квадратики огородов.

На околице села — торопливая речка Гаваньская впадает прямо в океан. Через нее перекинут бревенчатый мостик, за ним, до заснеженных сопок, — береговые дюны.

С холма спускаюсь на главную улицу Никольского. Немноголюдно — рабочий день. Строители ремонтируют двухэтажный дом. Пробегают мимо ребятишки — наверное, в школу торопятся. Женщины катят детские коляски.

Возле афиши нового фильма два старика о чем-то спорят. Увидели меня — замолчали. Два любопытных взгляда прощупали с ног до головы. Определяют: приезжий. Старики-алеуты здороваются первыми, я — в ответ. И снова между ними разгорается спор.

Лишь одна фраза долетела до меня из их эмоциональной беседы: «Спроси Синюю звезду...»

Я вздрогнул и остановился. Но потом подумал, что неудобно сейчас вмешиваться в разговор алеутов, и зашагал дальше.

Площадь в центре Никольского. Над кручей — памятник Ленину. Вдали виднеются чуть окутанные туманом сопки и два клочка суши в океане. Это Арий камень и остров Топорков.

Спускаюсь к берегу. Здесь почти не осталось жилых домов: магазины, складские помещения, мастерские, столовая, библиотека, музей. Старые дома да избы. Не то что в верхней части Никольского.

Откуда пошло название села?

Старожилы говорят, что названо оно в честь престольного праздника. Ведь первопоселенцы острова Беринга, как и большинство русских колонистов в Новом Свете, исповедовали православную веру. Об этом в 70-х годах прошлого века напоминало бывшее здание церквушки. После революции ее переоборудовали в районный Дом

культуры. Долго служил он никольчанам, пока не построили новое здание.

Я хотел идти дальше за околицу вдоль речки. Но ворвался в село ветер, стремительно нагнал с океана непроглядный туман. Заморосило. Даже тропинка под ногами стала теперь еле видна.

Кончилась моя прогулка. Надо возвращаться в гостиницу.

Дожить до весны

Каждый день Свен Ваксель подолгу стоял на морском берегу. Шел снег, завывала пурга, но лейтенант не обращал на ненастье внимания. Казалось, ничто не может отвлечь его от тяжелых мыслей.

Что ждет впереди? Как продержаться до весны? Хватит ли сил и умения у оставшихся в живых построить из обломков пакетбота «Св. Петр» новое судно и добраться до Камчатки?

Главное — дожить до весны, а там...

Трудно было всем участникам экспедиции. Ваакселю — вдвойне, как начальнику и... отцу. Ведь Свен взял в плавание своего малолетнего сына.

Главное — дожить до весны!..

О погодных условиях на острове он писал, что здесь ветер зимой достигает неимоверной силы: «Меня самого как-то раз перебросило ветром через крышу нашей землянки, которая была покрыта брезентом... Я ухватился изо всех сил за что-то и закричал во весь голос, призывая на помощь товарищей...»

Выброшенное на отмель судно под действием сильных приливов почти на девять футов погрузилось в рыхлый песок. Трюмы были залиты морской водой.

Люди смогли вырваться из смертельного штормового плена. Но дала ли спасение земля?

Спустя несколько лет в своей книге «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга» Ваксель напишет:

«Оказалось, что запасов продовольствия было так мало, что на каждого человека к выдаче пришлось ежемесячно вначале по тридцати, затем по пятнадцати фун-

тов ржаной муки, которая, однако, вскоре совсем окончилась...

...Решено было также, что с наступлением весны все должны перейти на питание травами и корнями диких растений, которые каждый должен был сам себе собирать, с тем чтобы сохранить восемьсот фунтов ржаной муки в качестве запаса для нашего морского путешествия — переезда с острова на материк. Было постановлено всем, без различия звания или чина, как высшим, так и низшим, выдавать одинаковый паек, не считаясь с лицами или положением...»

Дожить до весны!..

Зима на остров пришла рано. Утонули в снегах и тундра, и сопки. Труднее стало собирать травы и коренья. Все реже встретишь куропаток. Люди продолжали умирать. Вконец обнаглевшие песцы нападали на ослабевших. Разрывали могилы и выгрызали у мертвых щеки, нос, уши.

Иногда море выбрасывало на берег малопригодные в пищу туши каланов, сивучей, котиков. Люди разделывали их и ели жесткое сырое мясо.

Праздничные дни наступали, когда удавалось убить морскую корову. По свидетельству участников экспедиции, мясо этого безобидного животного не уступало по вкусу телятине. Однако удача не баловала людей. Несколько раз море прибивало к берегу мертвых китов. Чуть прогнившие туши тут же разделывались. Мясо и жир делились между всеми поровну.

Чтобы хоть немного согреть холодные ямы и сварить еду, приходилось целый день собирать на берегу выброшенные морем деревья и долго высушивать их.

Дожить до весны!.. Немногие дожили до нее.

Но весна пришла.

И остатки команды во главе с лейтенантом Вакселем в августе 1742 года вернулись на Камчатку...

Рисунки в пещерах

На средиземноморском берегу Алжира, неподалеку от мыса Тенес, в одной из горных пещер есть древнее

изображение сфинкса. Над головой сфинкса неведомый художник нарисовал, а вернее, процарапал на каменной стене восьмилучевую звезду.

— Это Синий сфинкс и Синяя звезда, его покровительница, — символы вечных тайн, — пояснил мой знакомый алжирец.

— Но почему ты называешь их синими? — удивился я.

В свете фонаря и сфинкс, и звезда были скорее темно-желтыми.

Знакомый пожал плечами:

— Не знаю. Так говорят старики...

Под сфинксом едва просматривалось изображение спирали и лабиринта — символов вечности, мироздания и человеческого бытия.

Считается, что спираль и лабиринт, построенные древними мастерами, помещены под Большим Сфинксом в Гизе, на севере Египта.

Когда, в каком веке или тысячелетии было сделано изображение в горной пещере близ мыса Тенес, я так и не смог выяснить.

А спустя несколько лет я путешествовал по Черногории.

На юго-западе этой республики находится известняковое плато. Множество пещер пронизывают Черногорское плато.

В одной из них, неподалеку от города Никшич, я увидел изображение сфинкса и восьмилучевой звезды. Очень похожее на то, что находится в пещере близ мыса Тенес, только меньшее по размеру. И не просматривались под сфинксом изображения спирали и лабиринта. Скорее всего, если они и были, то их за многие века размыло водой.

Мои белградские знакомые с уверенностью подтвердили, что на стене пещеры нарисована именно Синяя звезда — хранительница всех тайн мира. Но кто и когда это сделал — они не знали.

Командорские острова, Черногория, Алжир так далеки друг от друга. Возможно ли, что люди этих уголков земли в древности почитали одну и ту же звезду, слагали

о ней легенды? Об этом пока можно лишь предполагать и строить гипотезы.

Система поселений в Новом Свете

Российско-американская компания выработала свою особую градацию колониальных селений. В Новом Свете они подразделялись на 15 оседлостей.

К «Первой оседлости» относились Командоры (остров Беринга и остров Медный), на которых располагались артели добытчиков морских котиков, каланов, сивучей и песцов.

«Вторая оседлость» была на острове Атхе. Там русские колонисты тоже добывали морского зверя.

«Третья оседлость» располагалась на острове Уналашка. Здесь главное селение русских называлось «Доброе согласие».

«Четвертая» и «Пятая оседлости» находились на островах Прибылова, где шла добыча морских котиков и моржовых бивней.

«Шестая оседлость» включала русские селения на острове Кадьяк.

На Американском материке находились крепости Александровская, Воскресенская, Георгиевская, Павловская, поселения «Константин и Елена», Семеновское у мыса Св. Илии, Николаевское в Беринговом заливе. Все они входили в «Оседлости» — с 7-й по 13-ю.

«Четырнадцатая оседлость» была на острове Ситха.

«Пятнадцатая оседлость» располагалась в Калифорнии (Форт Росс).

«Остались за Россией»

Когда готовилась продажа Русской Америки Соединенным Штатам, управляющий Морским министерством Н.К. Краббе вручил императору Александру II секретную записку «Пограничная черта между владениями России в Азии и Северной Америкой».

В ней упоминались и Командорские острова: «... Основной точкой пограничной черты служит пересечение меридиана 169 градусов западной долготы от Грин-

вича с параллелью 65 градусов 30 минут северной широты. От этого пункта граница идет: к северу — и по меридиану 169 градусов W-й долготы, который разделяет пополам Беринговов пролив и проходит между островами Ратманова... и Крузенштерна...

Далее пограничная черта направляется на SW 41 градуса на середину пролива между Командорскими и Алеутскими островами, а именно на средину линии, соединяющей восточную оконечность острова Медный и западную острова Атту...»

В декабре 1866 года император одобрил проект.

Кто-то из приближенных Александра II с усмешкой заметил:

— Хоть два клочка суши от Нового Света остались за Россией!..

Дары моря

Было время отлива. Из моря уродливыми клыками торчали камни. Шевелились и блестели на солнце прибрежные луга. Ноги по колено утопали в коричневых и синих водорослях.

— Видал, какое богатство? И название красивое придумали — «дары моря». Вот только не научились мы еще разумно этими дарами пользоваться, — Михаил нагнулся и выдернул из воды пучок морских водорослей. — Нам не решить продовольственную проблему, если не сумеем грамотно использовать наши местные ресурсы. На Командорах — богатейшая водорослевая флора прибрежных участков. Ученые насчитали около 180 видов.

«А ведь прав Михаил, — подумал я, — сколько мне пришлось поездить, на скольких морях побывать, нигде не встречал такого обилия водорослей».

Современное освоение океанов и морей предусматривает интенсивное использование их зеленых ресурсов. Добыча и заготовка водорослей — важный вклад в развитие животноводства. В некоторых странах я видел, как скот выгоняли на берег во время отлива. С каким удовольствием животные поедали морскую зелень!..

— Знаешь, сколько преимуществ у кормовой муки из водорослей перед луговым сеном? — прервал мои размышления Михаил и, не дожидаясь ответа, начал загибать пальцы. — Во-первых, по сравнению с луговым сеном она содержит больше белков. Во-вторых, больше безазотистых и минеральных веществ. В-третьих, в водорослевой муке меньше клетчатки. И вообще, корм, дарованный морем, стимулирует жизнедеятельность животных и птиц. А благодаря витаминам, микроэлементам, ценным кислотам и солям, которых в водорослях предостаточно, их можно применять для предупреждения авитаминоза...

— Ну хорошо, в их пользе убеждать никого не надо. Об этом много пишут и говорят. Но как практически осуществить сбор и заготовку морских растений? Не окажется ли это слишком дорогим удовольствием?

— Нет, — покачал головой Михаил, — добывать и обрабатывать водоросли легче и выгоднее, чем выращивать, скажем, овес. Один гектар морского дна при научном подходе к добыче и заготовке в течение года прокормит стадо коров в 50 голов...

Долго еще стояли мы на берегу, смотрели, как суетятся среди камней кулички, как все дальше отступает к горизонту прибой и как медленно шевелятся коричневые луга — богатства, дарованные морем, но еще мало используемые человеком.

Невидимые ворота

А потом ветер стих. И стало как-то непривычно тихо. До того тихо, что казалось: вокруг серебристо звенит мелкорослая тундровая травка. В небе легкими шелковистыми лоскутами замерли облака.

И вдруг откуда-то с вышины брызнула веселая песня крапивника. Эту маленькую коричневую птичку с бойко вздернутым хвостиком иногда называют «командорским соловьем».

Один орнитолог утверждал, что крапивник исполняет в день около двух тысяч песен. Не знаю, уж как ему удалось это подсчитать...

Я поднял вверх голову.

Крапивник то камнем падал вниз и протяжно посвистывал, то опять рвался вверх, превращаясь в черную точку, и тогда тише становилась его песня. Для кого он так старается? Кого хочет порадовать своим чудесным пением? Долго я наблюдал за его полетом и, наконец, понял: «командорский соловей» завлекал подругу.

Крапивник — «командорский соловей»

Может быть, подзадоренные песней крапивника, на мелководье схватились два диких селезня. Раз-другой прикрикнул на них баклан. Ах-ах-ах! — зашумели, загалдели чайки. Всполошились от этой кутерьмы кулики и громко стали посвистывать.

Казалось, передо мной распахнулись невидимые ворота в мир природы, где свои законы и порядки, не всегда понятные и доступные человеку.

Неожиданно, шагах в десяти от меня, выскочил из норы взъерошенный песец. Зверек сердито несколько раз кашлянул, будто отчитал пернатых соседей: «Чего шумите? Что не поделили?..» Потом он замер, вытянув тощую облезлую шею.

Я сделал пару беззвучных шагов, но песец почуял меня. Вначале вздрогнули уши, потом он как-то сжался и резко повернул голову. «А это еще кто появился?!» — говорил весь его вид.

Я шагнул навстречу, но зверек не захотел познакомиться со мной поближе. Он резко и громко заворчал и потрусил прочь.

Наверное, его недовольство стало сигналом тревоги для птиц.

Смолк вдруг крапивник. Пронзительней запричитали на разные голоса чайки и полетели к морю. Следом за ними — баклан и кулики. Отпрянули друг от дру-

га драчуны-селезни и с шумом рванулись прочь. И лишь вдали еще слышалось рассерженное тявканье песца, но и оно скоро стихло.

Все... Захлопнулись невидимые ворота в мир тундры острова Беринга.

Дорога на лежбище

В Никольском каждый знает, что в тридцати километрах от села, у северной оконечности острова, за болотистой, с черными торфяными озерами, кочковатой тундрой, заросшей ирисами и пушицей, на каменистых отмелях, расположено одно из двух беринговых лежбищ котиков. Морские котики считаются главным богатством Командор. Для жителей Русской Америки они также были важнейшим объектом промысла.

С грохотом на все Никольское к гостинице подъехал вездеход. Я влез в кузов, покрытый брезентом.

Поприветствовав меня, Федор Гаврилович Киселев сделал водителю знак: «Поехали!..» В ту пору Киселев занимал должность первого секретаря местного райкома

Морские котики считаются главным богатством Командор

КПСС (Коммунистической партии Советского Союза), и в народе его величали «главным командорцем».

Вездеход резко рванул вперед. Из-под гусениц полетели комья грязи, и мы затряслись на ухабах.

В кузове нас трое: охотовед Николай Мымрин, Федор Гаврилович и я.

— Далеко до лежбища? — спросил я, стараясь перекричать шум мотора.

— Около часа езды, — так же громко ответил мне Мымрин. — А вы первый раз на лежбище?

— Первый. Морских котиков видел только по телевизору.

Мне показалось, что Николай даже обрадовался этому.

Вездеход внезапно остановился.

— Кто хочет со мной на крыше ехать? — спросил Киселев.

Не дожидаясь ответа, он раздвинул брезент и перемахнул через борт кузова.

Я вопросительно посмотрел на Мымрина. Николай развел руками: не могу, насморк, на ветру простужусь еще больше.

Я спрыгнул в снег и провалился выше колен.

Киселев уже сидел на крыше кабины.

— Не боишься замерзнуть? А то можно сесть в кабину к водителю.

— Не замерзну, — ответил я, усаживаясь рядом с Федором Гавриловичем.

— Вообще-то правила техники безопасности запрещают ездить на крыше, — подмигнул Киселев. — Ну ничего. Нарушим. Только покрепче держись. У нас хоть и конец мая, а вся тундра под снегом. Летняя дорога не видна, так что придется по кочкам прыгать, а тут главное — не слететь с вездехода.

Из кабины выглянул водитель:

— Можно трогать, Федор Гаврилович?

— Давай, Вить! — махнул рукой Киселев.

Вездеход снова ринулся вперед. Казалось, маленький кораблик несся по молочному океану. Куда ни посмотришь — всюду белая снеговая гладь и не за что уце-

питься взглядом. Лишь позади тянулся след вездехода, и далеко-далеко, в той стороне, где осталось Никольское, едва просматривались синеватые силуэты сопок.

Из зимы в весну

Вездеход круто взял влево — и как-то неожиданно кончилось белое раздолье. Впереди показалась освободившаяся от снега желтая тундра. Кое-где пробивалась молодая травка, а дальше — сизая полоса океана. Мы словно одним прыжком перенеслись из зимы в весну. Чем ближе к воде, тем меньше снега. Береговая кромка была затянута морскими водорослями. Во время отлива они еще не успели высохнуть и блестели под солнечными лучами.

Киселев трижды стукнул по крыше кабины, и вездеход остановился.

— Прибыли!

Я удивленно огляделся по сторонам:

— Где же лежбище котиков? Кругом только птицы!..

Перехватив мой недоуменный взгляд, Киселев засмеялся:

— До лежбища надо еще пешком идти с полкилометра. Шум вездехода может напугать зверей и спровоцировать панику...

Мы поднялись на песчаный холм, затем спустились в лощину и снова стали взбираться вверх.

Тропинка поднималась все круче и круче. Последний кустарник. Каменная макушка скалы. И вдруг мир озарился внезапной синей вспышкой... Океан!..

Казалось, открывшийся простор взмахнул крыльями так, что съежились вдали сопки. Их испуг подхватили вздохи ветра. А простор величественно распрямил крылья и понесся раздвигать горизонт — все дальше и дальше...

Океан тем временем шел в наступление на землю. Он старался ухватить края неба, словно пытался сблизить горизонт с берегом острова.

Главное богатство Командор

Многотысячный крик морских котиков пронзительно врывался в этот простор. Захлебываясь от страсти,

ревели могучие секачи. Они выходили на берег из океана и отбивали для себя клочки суши. Блеяли обиженные секачами годовалые самцы и собирались в небольшие стада. Фыркали самочки, присоединяясь к гаремам секачей.

По всему побережью — лоснящиеся черные и темно-коричневые тела котиков. А из океана выходили все новые и новые. Казалось, они рождались прямо здесь — из океанской пены, простора и буйного ветра.

— Вот оно — главное богатство Командор... — тихо произнес у меня за спиной Киселев.

До XVIII века на Руси о котиках почти ничего не было известно. Айны и камчадалы сообщали первым русским землепроходцам, что добывают у берегов зверей, похожих на тюленей. Мех этих животных красив, а шкуры очень крепкие. Однако где эти животные обитают, почему появляются у берегов лишь весной, — не говорили.

Участник Второй Камчатской экспедиции Георг Стеллер в ноябре 1741 года первым изучил и подробно описал их жизнь.

В отличие от своих сородичей-тюленей других видов, котики не ползают по суше, а ходят и даже бегают. Они прекрасно приспособлены к жизни в океане.

Новорожденные малыши — темного цвета. Поэтому их называют «черненькими». Мех у детенышей котиков легко намокает, и первые три месяца они почти не покидают берега.

В 70-х годах прошлого века в мире существовало четыре основных района обитания этих зверей: Командорские острова, остров Тюлений, некоторые острова Курильской гряды и острова Прибылова в США.

Как правило, расположение лежбищ не меняется много сезонов. Ведь большинство котиков каждый год возвращается из океана к месту своего рождения.

При появлении человека на лежбище они часто покидают берег и пережидают опасность в океане. Заняв участок для гарема, секачи становятся агрессивными и могут даже напасть на людей. Но такое случается редко.

Лишь осенью распадаются гаремы, и лежбища пустеют. Смолкают рев, блеяние, рыки, стоны, фырканье морских зверей.

В ноябре, когда на Командорах выпадает снег, затихают до следующего года птичьи базары, начинаются осенние штормы, и котики уходят в океан.

И только печальный крик чаек да сердитое покашливание песцов, шныряющих в поисках падали, можно услышать на опустевшем берегу.

Котики плывут на юг по ночам, а днем, как правило, спят, мирно покачиваясь на волне...

Эту короткую историю о жизни морских зверей мне поведал Николай Мымрин, когда мы пробирались вдоль лежбища.

Говорили вполголоса, чтобы не потревожить гаремных секачей, которые и без того уже косились в нашу сторону и недовольно ревели и фыркали.

Шагах в тридцати от нас «черненький» оторвался от материнского живота, поднял голову и застыл.

Казалось, ничто не заставит его шелохнуться: ни рев секачей, ни удалое насвистывание ветра, ни сутолока лежбища, ни радость солнечного луча, ни звонкие удары волн о камни.

— Малыш делает «первые глотки жизни»... — пояснил Николай.

А потом был костер

Близился полдень. Океан разгулялся не на шутку. Он тащил километровые сети прибоя, набитые галькой. Бестолково и поспешно вываливал их на берег, швырял на скалы и тут же снова и снова утаскивал галечную массу в пучину.

Киселев долго смотрел в океан, а потом спросил у Мымрина:

— Не помешает шторм самкам выйти на берег?

— Такой?.. Нет, — быстро ответил Николай. — Только бы сильней не разгулялся...

Океан и ветер бились о скалы разорванными парусами. Сизые полотнища тумана хлестали друг друга и не-

слись к горизонту, где перемешивались с водой, небом и со всем, что попадалось им на пути.

Потом мы отъехали подальше от лежбища и разложили в тундре костер. Огонь был вялым, словно его только что разбудили и бросили на влажные поленья.

Деревянных обломков — плавуна — здесь, на побережье, много, их каждый день тоннами выбрасывает океан в подарок безлесным Командорам.

Неразрешенные проблемы

— Всего несколько десятилетий назад многие считали, что поголовье котиков уже невозможно восстановить, — продолжил разговор Киселев. — Но все же удалось спасти положение благодаря улучшению охраны животных и международным соглашениям об упорядочении промысла котиков. На забой теперь идет лишь определенное число молодых холостяков.

— А почему только холостяков? — поинтересовался я.

— Во-первых, у них самый ценный мех, а во-вторых, забой определенного процента молодняка не причиняет вреда стаду, — пояснил Мымрин. — А вот добыча самок запрещена уже много лет. Во время отгонов холостяков с лежбища к месту забоя запрещается распугивать самок и детенышей.

— А убивают таким же варварским способом, как и сто лет назад — дубинами?.. — спросил я, хотя знал ответ.

— Увы, пока не придумали ничего нового, — развел руками Николай.

— Проблем еще много, — добавил Киселев. — Необходимо улучшить охрану тридцатимильной запретной зоны вокруг Командорских островов. Не допускать здесь промыслового вылова рыбы и кальмаров — главной пищи котиков. Загрязнение океана — тоже большая проблема. Судовое топливо, бытовые отходы, обрывки рыболовных сетей — все это для них серьезный вред. Довольно часто любопытные котики попадают головой в ячейки сетей. С обрывками сети на шее животные теряют скорость и маневренность во время охоты или когда

спасаются от своего страшного врага — касатки. Кроме того, по мере роста котика этот «ошейник» может его попросту задушить...

Долго мы еще сидели у неяркого тундрового костра. Изредка ветер с лежбища доносил многотысячный рев морских зверей. Пошел мелкий дождь, и костер совсем сник. Казалось, он вот-вот спрячется под поленья и уже никогда не разгорится.

Наконец, я решился спросить у Киселева и Мымрина, что они слышали о Земле Синей звезды, и правда ли, что на острове Беринга, на каком-то прибрежном камне, выбита карта легендарной страны. Об этом несколько дней назад мне поведал один камчатский журналист.

Вначале мои собеседники переглянулись. Потом Федор Гаврилович неожиданно громко рассмеялся:

— Карта на камне?.. А ты сам спроси у Синей звезды...

До чего знакомые слова!..

Лицо Киселева стало серьезным, и он добавил:

— Слыхать-то мы слыхали, да не за что в тех слухах зацепиться. Познакомлю я тебя с Иванычем — старейшим алеутом нашего острова, знатоком преданий Русской Америки. Вот с ним и потолкуй на эту тему...

Оленьи битвы

Была ночь, и тревожно и загадочно светилась вода в бухте...

Отчаянно металась в тучах запутавшаяся луна.

Из океана вышли олени — два серебристых облачка поднялись над водой.

Что это?.. Как они оказались в океане? Может, решили искупаться? Или это моя фантазия, рожденная свечением воды?

Но я никогда не видел и не слышал, чтобы олени купались в океане.

Нет, это не сон и не фантазия. Явственно виделось, как два серебристых облачка плывут по воздуху от берега в тундру.

А вдруг они вышли из океана для меня? Чтобы я увидел чудо?..

Волны терлись о камни, и в их шуме не слышен был олений бег по ночному берегу...

А утром над тундрой полились странные звуки. Оу! О-о-оух! — затрубил рослый бык. Ох-ох-у-у! — принял вызов другой.

Мы с Николаем припали к высокой кочке, чтобы не спугнуть животных. Не всякому, даже выросшему на Командорах человеку удается хотя бы раз в жизни увидеть битву северных красавцев.

Сошлись наконец быки.

В отдалении от них стояла задумчивая оленуха. Она казалась равнодушной к происходящему и лишь изредка подергивала ушами и посматривала в сторону кавалеров.

Быки тем временем кружили по тундре, сталкивались рогами.

Соперники попеременно теснили друг друга. Они то расходились, то снова яростно кидались в бой. Белая пена клочьями разлеталась из их широко открытых ртов в разные стороны.

Накал битвы наконец заинтересовал оленуху. Сошло равнодушие, и она стала неотрывно следить за поединком.

Но вот один олень выдохся. Он все больше отступал, уклонялся от ударов, потом наконец отпрянул в сторону и бросился к сопкам. Второй преследовал его лишь метров тридцать—сорок.

А когда неудачливый соперник скрылся из виду, он высоко вытянул шею, протрубил победу и медленно направился к оленухе.

Особенности островного стада

Об этих северных животных ученый и литератор Игорь Иванович Акимушкин в своей книге «Следы невиданных зверей» писал: «Современные северные олени представляют исключение среди других своих собратьев: большие развесистые рога у них носят и самцы и самки...

Северный олень — один из самых молодых видов животных... Он начал свое развитие в одно время с че-

Северный олень — один из самых молодых видов животных

ловеком. Северные олени около миллиона лет назад произошли от американских оленей, среди которых были виды, приспособившиеся к жизни на зыбкой почве болот...

Когда с севера материка поползли гигантские ледники, уничтожая на своем пути роскошные леса и сминая холмы и горы, северная заболоченная тундра, сопутствуя ледникам, завоевала огромные пространства... Оленям — типичным лесным жителям — пришлось привыкать к новым условиям. Лучше всех это удалось сделать болотным оленям, которые уже были приспособлены к жизни на зыбкой почве лесных болот. Они постепенно превратились в настоящих обитателей тундры — северных оленей...

Когда ледники отступили на север, в полярные страны, за ними ушли и северные олени... С Аляски они проникли на Чукотку (очевидно, во времена существования Берингии) и расселились дальше по всей Сибири. Северные олени заселяли новые для них страны и с запада: через Гренландию попали в Исландию, на Шпицберген и дальше в Западную Европу...»

На остров Беринга оленей завезли в 1882 году. Пятнадцать выходцев с Камчатки дали хорошее потомство.

Условия на новом месте оказались для них благоприятными, и в начале XX века стадо возросло до тысячи голов.

В зимнее время, когда трудно с кормом, буйные командорские ветры часто срывали снег, открывая пастбища. Так что у оленей было достаточно их основной еды — ягеля. Животные не требовали ухода. Их не надо было пасти и следить за ними. Куда убежишь с острова? На Командорах нет опасных врагов оленей — волков и медведей. Стадо быстро одичало.

Тогда-то появилась необходимость регулировать всё возрастающее поголовье и начать отстрел. Но администрация острова медлила.

С годами олени уничтожили главный свой корм — ягель и перешли на тундровые травы. Однако эта еда не обеспечивала должным образом энергию и силы для зимовки. Животные слабели, из поколения в поколение мельчали. Началась их массовая гибель.

Еще одной причиной катастрофического сокращения стада явилась островная изоляция. На протяжении многих лет у оленей здесь складывались близкородственные отношения. А это приводило к вырождению.

Через тридцать пять лет после завоза на острове Беринга не осталось ни одного оленя. Лишь кости, обглоданные песцами, да высохшие рога, разбросанные по тундре, напоминали об их прошлом существовании на этой земле.

Потом был новый завоз животных, но ошибка повторилась. И снова стали вымирать олени.

Так продолжалось до тех пор, пока люди не поняли, как важно для островного стада периодическое «обновление крови» и регуляция их численности.

Погода как погода

И опять налетели студеные ветры с океана. Снова заледенели снега.

Хоть и конец мая, а как-то не верилось, что солнце сможет убрать с острова Беринга остатки зимы: сугробы, покрытые толстой прозрачной коркой.

Всю ночь шел снег и мела поземка. Совсем как в декабрьские дни где-нибудь в Подмосковье.

А хмурым утром сквозь тучи неожиданно прорвалось запоздавшее солнце, и угомонились буйные океанские ветры. К полудню закапало с крыш. Зажурчали по всему Никольскому ручьи. Вода перемешивалась со снегом в звонкую весеннюю кашу. Потемневший несколько часов назад снег исчезал буквально в считанные минуты.

Яростные, разрушительные морские ветры — бич Командорских островов. Особенно зимой.

По данным страховой компании Ллойд, в мире ежегодно гибнет около 160 судов. А всевозможные повреждения получают почти 8 тысяч. Основная причина этих бед — плохие гидрометеорологические условия: ураганы, шторма, туманы.

Как же уберечься от произвола стихии? Как предотвратить многочисленные человеческие жертвы и материальные потери?

Выход пока один — своевременное предупреждение о надвигающейся опасности.

Чем больше человек будет знать о факторах, влияющих на погоду, тем правильнее будет прогнозирование бед, которые она может преподнести. Постоянные гидрометеорологические наблюдения на острове Беринга начались в 1899 году.

Если провести линию от Командорских островов вдоль Курильской дуги и дальше на юго-запад, то получится линия раздела двух воздушных масс: теплых — океанических и холодных — континентальных...

Поскольку скорость движения частиц в сталкивающихся массах воздуха неодинакова, образуется волна. Потом она превращается в вихрь, который несется по линии раздела с юга на север. Его называют циклоном.

Циклон переносит теплый и влажный воздух. Так доставляется тепло с юга на север. И тогда даже привык-

шие к суровой непогоде командорцы говорят: «Заиграли настоящие ветра...»

Конечная остановка циклонов — Командорские и Алеутские острова. Над ними накапливается теплый и легкий воздух. Образуется область постоянного низкого давления. Держится она почти всю зиму. Метеорологи называют эту область алеутской депрессией.

Особенность ветрового и теплового режима Командорских островов объясняется не только влиянием циклонов, но и рельефом местности.

По подсчетам метеорологов, жители села Никольского видят солнце в среднем всего 881 час в году.

Но командорцы не унывают и редко жалуются на погоду. А если это делает кто-нибудь из приезжих, они только пожимают плечами и чуть пренебрежительно отвечают: «Погода как погода...»

Владыки студеных морей

Откуда они пришли? Где их прародина?

«Владыки студеных морей» — так называли алеутов первые на Тихом океане русские путешественники и промысловики. На своих юрких лодочках, в шторм, в непогоду алеуты смело выходили охотиться на китов, сивучей, моржей, котиков, вызывая уважение у пришельцев.

Происхождение, быт, культуру этого народа изучали участники Второй Камчатской экспедиции.

Много писал о них и ученый-путешественник Гавриил Сарычев, когда в 1785—1794 годах обследовал Берингов пролив и северо-западные берега Америки.

Живущих на острове Уналашка алеутов он охарактеризовал так: «Они среднего роста и еще несколько пониже... Все смугловаты с оттенком черноты. Лицо широковатое. Глаза по размеру лица маловаты, и углубленные в ямах, волосы на голове, в бровях и на теле черные и крепковатые; скуловые кости высоки; уста пропорциональные; нижняя губа имеет две скважины, в которые проделываются перья или обделанные косточки вместо украшения: уши у иных не проколоты, а у других украшаются

бисером и родом янтаря, у некоторых мущин, однако таковых мало, я приметил, что носовая перегородка имеет на себе дырочку, подбородок мал и кругловат; а бороды очень мало.

Вообще сложение тела их хорошее: они статны, и весьма проворны на маленьких своих байдарах, которых они держат в великой чистоте. Никакими красками они тела своего не мажут и наблюдают около себя всевозможную опрятность. Женский пол у них крепкотел и плотен; главы своей никогда не покрывают; на каждой щеке имеют две чисто пунктированные черты, от ушей до носа; и самой подбородок у женщин пунктирован вдоль короткими, правильными и плотными черточками».

Историю, быт, воззрения алеутов изучали и участники первой русской кругосветной экспедиции на кораблях «Надежда» и «Нева». Эта экспедиция под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского проходила в самом начале XIX века.

Русская церковь на острове Уналяска

Алеуты — «владыки студеных морей»

Уделял внимание культуре и истории алеутов русский миссионер и естествоиспытатель, этнограф и лингвист Иван Вениаминов.

Русские путешественники и исследователи отмечали радушие, с каким алеуты принимали заморских гостей.

Интерес к этому малочисленному народу отчасти объясняется географическим положением Алеутской островной дуги. Ведь она является как бы мостом между Азией и Америкой.

Тысячи лет назад алеуты освоили суровую климатическую зону и создали своеобразную культуру. Многие считают, что изучение истории и быта этого северного народа поможет решать проблему взаимодействия и взаимозависимости человека и среды обитания.

Кулики

С моим новым знакомым, стариком алеутом Иванычем, мы отправились к бухте Буян.

Там, по словам командорского старожила, в море, в нескольких метрах от берега, можно увидеть под водой развалины какой-то древней стены.

А вдруг это останки построек некогда могучей цивилизации — Земли Синей звезды?!

На полпути до заветной бухты мы с Иванычем устали так, что повалились на жесткий моховой ковер тундры, не снимая рюкзаков. Не было сил пошевелиться. Не хотелось ни о чем думать.

Над тундрой, пригретой солнцем, струилось легкое марево. Вдали, между сопками, виднелся клочок моря. До него оставался какой-нибудь час пути. Мы смотрели на него, молчали, и никто не решался произнести одну лишь фразу: «Пора подниматься!..»

Сверху послышались переливчатые звуки. Мы задрали головы. Над тундрой летела стая куликов. Маленькими стрелами птицы неслись в сторону моря.

Мы проводили их взглядом. Стремительный полет куликов взбодрил нас.

И тогда, не сговариваясь, мы неуклюже оторвались от пригревшего мохового ковра, поправили рюкзаки и молча зашагали вслед за улетевшими птицами.

И пробил час буйного промысла

В первой половине XVIII века мех котиков еще не очень ценился. Спрос на него появился после того, как известному русскому мореплавателю, купцу и исследователю Григорию Шелехову удалось организовать массовый вывоз шкур в Китай.

С того года на Командорских островах стали забивать ежегодно до 30 тысяч котиков. Не щадили даже беременных самок.

Неразумная погоня за наживой привела к перенасыщению пушного рынка. Сотни тысяч шкур ценного морского зверя гнили на складах. Для поддержания высоких цен их сжигали в печах, как дрова, и топили в море.

Массовый, неразумный забой, конечно, отразился на численности зверей. Их поголовье на Командорских островах стало резко сокращаться.

Зверопромышленники понимали, что разделку туш морских котиков и обработку шкур выгоднее производить неподалеку от мест забоя. Необходимо было создать постоян-

ную базу на Командорских островах, но для этого нужны умелые забойщики зверя, люди, знающие толк в пушнине, способные выжить в суровых климатических условиях.

Кто же лучше алеутов отвечал этим требованиям!

В 1828 году группу алеутов с острова Атхи завезли на остров Беринга, а с острова Атту — на Медный.

С конца 40-х годов XIX века на Командорах стали селиться русские, эскимосы и представители других народностей.

Соперничая между собой, торговцы пушниной переманивали друг у друга алеутов-промысловиков. Платили им, как правило, не деньгами, а оружием, предметами быта, украшениями, водкой и табаком.

Пушная лихорадка заражала все новых и новых людей. К началу 70-х годов XIX века на Командорских островах ежегодно добывали уже 60—70 тысяч морских котиков.

После продажи царским правительством Аляски и Алеутских островов Соединенным Штатам промысел котиков на Командорских островах был передан в аренду компании «Гутчинсон, Кооль и Ко».

Так настал и долгое время продолжался час буйного промысла пушных сокровищ Командорских островов...

Тревожное сообщение

Мне попался рапорт, который свидетельствует о массовом браконьерстве в XIX веке. Написал его командированный к Управлению Командорскими островами Гребницкий.

«...М.В.Д., Управление Командорскими островами, 25 января 1882 года, № 19.

Его Высокопревосходительству Господину Генерал-Губернатору Восточной Сибири.

Имею честь донести Вашему Высокопревосходительству о новых нападениях иностранных шкун на котовыя лежбища на островах Беринга и Медном, причем на последнем истреблено шкунами большое по величине лежбище в Секачинской бухте и только оружием отражено нападение на главное лежбище котиков...

Шкуны переменили тактику: стали являться осенью, будучи уверены не встретить после половины сентября парохода «Александр II», тем более военного крейсера, который, как они хорошо знали, уже ушел.

Между шкунами существует какое-то соглашение: менее двух шкун не подходило к острову, чаще же более (до пяти).

Если принять во внимание, что на шкуне бывает от 20—30 человек команды, которая, как это было осенью 1881 года, всегда съезжала вооруженною скорострельными винтовками (системы Шарпса)...

И если правительство не придет на помощь — присылкою ли военного судна на время от июля до конца октября или учреждением военных постов — лежбищам на о. Медный будет нанесен серьезный ущерб, от которого трудно будет оправиться.

Достаточно припомнить уже изложенный ранее мною факт, что после истребления северного лежбища в сороковых годах на острове Беринга оно едва начинает поправляться, хотя условия местоположения лежбища таковы, что оно должно быть по числу зверя не менее лежбищ о. Медный...

...Часовых постоянных на западной стороне возможно иметь только в некоторых местах, что и было летом 1881 г., когда устроены были караулы из казаков камчатской команды и жителей...

При караулах имелся вельбот и байдарки, но выезжать к шкунам было более чем рискованным, так как наблюдения показали, что шкуны грузили шлюпки людьми и оружием и не задумались бы, как был уже пример, употребить его в дело; оставалось одно — где допускали условия местности, гнать с берега зверя в воду, что и делалось в местностях, где нельзя было спуститься — не допускать шлюпки к берегу стрельбою из ружей.

На объявления шкуны не обращали внимания. Но хуже всего то, что шкуны выбирали ночное время. Часовые на горах, окутанных почти ежедневно осенью туманом, не могли видеть шкун, которые приходили к вечеру и становились где-нибудь за мысом.

Таким образом, ночью удалось шкунам истребить лежбище в Секачинской; те же, вероятно, шкуны в числе четырех намеревались сделать нападение на главное лежбище, но были отражены силою оружия...».

Утро на морском берегу

Приходилось ли вам просыпаться от птичьего крика в шалаше, палатке или просто под открытым небом? Готовить завтрак на костре в горах, в тундре, в тайге? Приходилось пить чай, слегка пропахший дымком?

А вытаскивать из догоревшего костра печеную картошку?

Если нет — вы себя обокрали...

Заспанное солнце едва показалось над сопками. Таинственные розовые туманы разливались вдали, там, где проходит невидимая граница между Тихим океаном и Беринговым морем.

По откосу я сбежал к безымянной речке. Некоторое время стоял завороженный, словно впервые увидел сопки в снеговых шапках, студеное небо и речку, что впадала в Берингово море.

Я зачерпнул ладонями воду и плеснул в лицо. Сна как не бывало. Сразу почувствовал удары сердца. И так радостно стало на душе, что захотелось крикнуть изо всех сил.

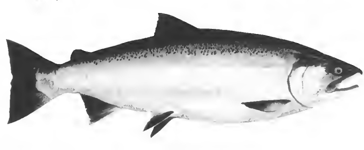
Это можно себе позволить: ведь я один. Вокруг ни души. До Никольского — десятки километров.

Разжег костер. Не хотелось в такое утро сидеть в старой алеутской юрташке и возиться с металлической печкой.

Пока грелась вода в котелке, доел остатки пойманного вчера кижуча. Потом выпил крепкого, почти черного, чая. Завтрак окончен.

Сегодня мне повезет, и я смогу дописать то, с чем не мог справиться вчера. Достал из рюкзака тетрадь и начал работать.

И пусть море швыряет от злости камешки, пусть удивленно таращит глаза осторожный калан, что притаился в камнях и наблюдает за мной... В это утро и безымянная речка, и любопытные черные бакланы, и



Кижуч

цветущая тундра — все окажутся на страницах моих записей.

Солнце поднялось высоко, в глазах стало рябить. Я наконец спрятал тетрадь. На сегодня хватит. Отправляюсь бродить по берегу.

Радость прошедшего дня

Часы отлива. Необычно молчаливо Берингово море. На береговой кромке валялись мертвые рыбки величиной с ладонь. Я нагнулся и поднял одну. Это была прилипала, или, как ее называют на Командорах, «мяконькая».

Похожа рыбка на бычка, только еще округлей сверху. На светлом брюшке у нее круглая присоска. Захочет — к камню пристанет, и так крепко, что океанская волна не сможет оторвать.

Командорские рыбаки рассказывали: эти рыбешки из-за своей лени во время отлива не уходят с водой, а забиваются под камни. Их с удовольствием ловят и поедают каланы, песцы, сивучи, морские котики.

За какие-нибудь пятнадцать минут я добыл голыми руками целый котелок «мяконьких». Рыбки не бились и не пробовали выскочить из котелка, а покорно ждали своей участи...

Уха получилась отличная. А может, мне показалось? Разве случалось, чтобы еда, приготовленная своими руками на костре, вдали от человеческого жилья, оказалась невкусной?

Вечер ласкал море. Едва слышался крик одинокой чайки.

Костер угасал и затягивался пеплом. Вместе с ним угасала последняя полоска вечерней зари...

Я еще долго следил, как менялось в сумерках море. Оно хмурилось, становилось холодным и чужим, и даже полная луна не могла отразиться в нем.

Я взглянул вверх. Звезды едва просматривались в небе. Есть ли среди них сейчас та самая таинственная Синяя звезда, которой поклонялись жители Берингии много тысяч лет назад?..

Медленно окуная в черную воду огоньки, вдали от берега прошло какое-то судно. Может быть, оттуда был виден угасающий огонек моего костра. Одинокий, крошечный огонек на темном берегу.

Судно вскоре исчезло. Со мной остались море и командорская ночь, а в душе — радость прошедшего дня.

Пляшущий валенок

Даже в самое благодатное для них время года — в июле и августе — песцы не отличаются скромностью. А в начале мая, когда только начинает сходить снег и худо с пропитанием, они особенно наглеют.

В поисках еды настырные, изголодавшиеся зверьки часто совершают воровские набеги даже в село Никольское. И страх перед людьми и свирепыми собаками не останавливает их.

Однажды ночью пробрался песец в село. Решил отыскать что-нибудь съестное среди мусорной кучи. Вдруг видит: старый валенок.

Может, с голода ему что-то померещилось, а может, любопытство разобрало: полез он в брошенную обувку.

Залезть-то залез песец в валенок, а вот назад выбраться не сумел. Испугался зверек, стал что есть мочи дергаться и хвостом вертеть, но так и не смог освободиться. Накрепко застрял.

Утром проходили мимо люди и ахнули от изумления. Рядом с мусорной кучей старый валенок сам собой дергается, будто в пляс хочет пуститься. Сказка, да и только!..

А когда подошли поближе, увидели: из валенка хвост песца торчит, — и догадались, в чем дело.

Хоть и вороватый зверек, а все же стало жалко, раз в беду попал. Вытащили его и отпустили на волю.

Хандра

...Иваныч все не возвращался из тундры к юрташке. У меня появилось подозрение, что его рассказы о людях Синей звезды, о древней стене на дне моря — сплошная выдумка. Неужели старик решил пошутить над чересчур любопытным приезжим?

Может, от этих мыслей испортилось настроение. Все вокруг стало казаться не таким, как вчера. Прошел восторг и очарованность. Да и откуда им взяться?..

Море — холодная тупость. Скалы — серая бессмыслица. Любопытные песцы — ободранные пожиратели падали.

Ничего не хотелось делать.

Хандра...

Я долго бродил по берегу, а потом уселся на камень. Достал тетрадь, но не смог написать и строчки.

Берингово море, каланы, чайки, безымянная речка, тундра и сопки — все вы остались на свободе. Вы не уместились в клеточки моей тетрадки. Я не сумел превратить вас в холодные символы на бумаге.

Солнце угасало за синими складками сопок. Быстро темнело. Плоское облачко догорало вдали последним закатным светом. Но вот и оно померкло.

Погрустнел, пригорюнился вечер и поник головой уснувшего старика.

Тихо колыхалось море. Но в его мирном колыхании и вздохах чувствовалась сила громадного пространства ничем не скованной воды.

Сумерки были полны мудрости уставшей земли и моря. Слышалось только редкое попискивание куликов, словно разбрасывали они по камням звонкие серебристые горошины.

Вскоре все живое умолкло, растворилось в сонной темноте.

Лишь тихо колыхалось море...

А потом оно стало светиться от малейшего прикосновения. Брошенный камешек вспыхнул, коснувшись воды.

Он ушел в глубину большой искрой, а за ним потянулся сияющий след. Еще миг — и сияние угасло во мраке моря.

А потом я долго вглядывался в небо.

А есть ли на самом деле эта Синяя звезда — хранительница и покровительница тайн древнего народа?..

Почему вдруг возникло сомнение?

Хандра...

Ночью опять не спалось. Я видел, как набежал на берег короткий ливень. Слышал, как лупили по стеклу единственного оконца в юрташке тугие капли, как журчала за тонкой дощатой дверью вода.

Кончился ливень, а я продолжал сидеть, уставившись пустым взглядом в темноту.

Хандра...

Или тоска по дому?..

Древняя находка

В первый день нашего знакомства Иваныч показал небольшое каменное изваяние мужской головы.

Иваныч пояснил, что она сделана из какого-то «мыльного камня». По его словам, несколько подобных древних творений находили на островах Беринга и Медном.

Я внимательно осмотрел старинную вещицу. Удлиненное лицо, большие глаза, широкие брови, орлиный нос, крупные черты напоминали американского индейца. Хотя и было в этих чертах нечто азиатское.

У меня вдруг сразу мелькнула мысль: а вдруг именно так выглядели жители таинственной Земли Синей звезды?

— Сколько же лет этому изваянию? — поинтересовался я.

Иваныч только развел руками:

— Кто его знает!.. Может — тысяча, может — и больше...

Специалисты, к которым я обратился впоследствии, тоже не могли определить возраст находки с острова Беринга. Но они были уверены в одном: изваяние сделано более восьми веков назад.

Мое робкое предположение о десятитысячелетнем возрасте не вызвало одобрения у историков. Лишь молчаливое пожимание плечами в ответ и скептическая улыбка: дескать, предполагай, как хочешь, а мы утверждать и поддерживать подобное не будем.

А мне, конечно же, хотелось, чтобы древнее изваяние, найденное на острове Беринга, оказалось творением мастера из легендарной Земли Синей звезды.

Это ласковое слово «цунами»

— Океан!..

Кеан-а-ан!..

— Ветер!..

Тер-тер!..

— Птицы!..

Тицы-тицы!..

— Почему вы умолкли?!

Олкли-олкли!..

— Слышите?..

Ите-ите!..

Эхо смолкло, передразнив вопрос, но не дав ответа. Человек тревожно обвел взглядом вершины скал. Ему показалось, будто угрюмые великаны замерли в ожидании чего-то.

Но что они предчувствовали?!

— Как странно, очень странно, — пробормотал человек и обернулся к океану. — Я никогда не видел здесь такого сильного отлива. А тишина? Здесь никогда не было такой тишины. Может, я оглох?! Я не слышу криков чаек... Чаек не слышу! Ведь их здесь сотни, нет, тысячи... Куда они подевались? Только что над океаном носились тысячи чаек. Где они?..

По каменистому склону человек сбежал вниз, остановился у береговой кромки и снова беспокойно заговорил сам с собой:

— Что с океаном? Он уходит все дальше от берега. Он сжимается... Как побелело солнце! Серебристые лучи вонзились в глаза, не дают рассмотреть, что делается на горизонте. А ведь там что-то происходит... Кажется,

какая-то черная линия... Она движется, приближается... Да, так и есть. Но уже не линия, а широкая черная лента охватила часть горизонта...

На мгновение человек оцепенел:

— Неужели?.. Неужели это?!

Крик застрял в горле. Человек, задыхаясь, бросился к ближней скале.

— Сопки! Скалы! Спасите! Это идет оно!.. Страшное, беспощадное, неотвратимое... Цунами!!!

Грохот черной водяной стены поглотил последний крик человека. Даже могучие скалы не смогли остановить страшный удар смертоносной волны. Клыкастые каменные верхушки переломились, как обыкновенные ледяные сосульки...

«Цунами» в переводе с японского языка означает «волну в гавани». Среди русских колонистов это название почему-то считалось «ласковым словом». Наверное, до той поры, когда они сами не становились свидетелями грозного явления.

«Злые духи карают людей за их грехи» — так говорили о цунами жители Алеутских островов.

Удары по Командорским островам

Порождается подобное бедствие в результате подводных землетрясений и извержений вулканов, при перемещении огромных пластов морского дна.

Вблизи очагов землетрясения гигантские волны могут подняться на десятки метров. Стена воды несется по океану почти со скоростью реактивного самолета — 700 километров в час.

Когда цунами приближается к более мелким участкам океана, нижние слои воды тормозятся сильнее верхних, и тогда образуется ревущий серповидный гребень.

Первый и самый верный признак этого стихийного бедствия — необычное и быстрое отступление воды от берега. Внезапно смолкает привычный шум прибоя. На сотни метров обнажается дно, исчезают птицы. А через несколько минут появляется почти вертикальная стена воды.

Одной волной цунами не ограничивается. Чаще их бывает от трех до десяти. Самая мощная — обычно третья или четвертая.

Человек пока не может активно бороться с этим грозным явлением. Он не в состоянии построить береговые защитные сооружения, способные сдержать удары миллионов тонн воды.

Осенью 1737 года от цунами пострадали Командорские острова. Высота волны была примерно 60 метров. Об этом спустя много лет «поведали» ученым останки китов и других обитателей океана, заброшенные на много километров в глубину острова Беринга и даже на высокие сопки.

В следующий раз цунами ворвалось на остров 16 сентября 1949 года. Оно было не таким сильным, как в 1737 году. Но все же многие дома в селе Никольском были разрушены, а жители едва спасались на вершинах сопок.

Приход цунами отмечался на острове Беринга и в 1923-м, и в 1952 году.

Неподалеку от берегов Чили 23 мая 1960 года произошло мощное землетрясение. Примерно через 22 часа волна цунами достигла Командорских островов. Сначала океан отступил почти на 50 метров от берега, а через несколько минут появилась темная водяная стена.

Какой же силой обладала эта волна, если крепкий бревенчатый мост через речку Гаваньскую был вырван со своего места и заброшен почти на 600 метров вглубь острова!..

Самые аристократичные

В первой половине XVIII века замечательный натуралист, участник Второй Камчатской экспедиции Георг Стеллер отмечал изобилие каланов на острове Беринга и называл их самыми доверчивыми зверями.

В те времена любопытные морские животные еще не боялись человека. Но вот начался на Командорских островах промысел котиков, а затем и массовая добыча каланов.

И лишь суровые условия плавания у скалистых берегов этих земель, частые штормы и отсутствие хороших якорных стоянок спасли каланов от полного истребления.

К 1924 году, когда вышел строжайший запрет на их промысел, животных сохранилось всего несколько десятков, и то лишь на острове Медный.

Над морским зверем с самым ценным мехом нависла угроза вымирания.

В справочной литературе сообщается, что калан — хищное млекопитающее семейства куньих, длина тела до полутора метров, хвоста — до 40 сантиметров, вес достигает 40 килограммов. Окраска чаще всего темно-бурая.

Когда-то они были широко распространены во всей северной части Тихого океана. Многие командорцы считают их самыми симпатичными и добрыми животными.

А с какой заботой и нежностью каланы выращивают детенышей! Пожалуй, такого отношения к своим малышам не встретишь у других животных.

Не случайно у алеутов есть много легенд, в которых этому зверю придаются человеческие черты.

Они хорошо приспособлены к воде, великолепно плавают и ныряют, ведут дневной образ жизни, ночью спят на прибрежных камнях. Правда, на берегу каланы беспомощны и неуклюжи.

Много раз я наблюдал за ними и всякий раз удивлялся их игривости, невероятному любопытству, какой-то шаловливой непосредственности и наивности.

Питаются они в основном рыбой, ракообразными, моллюсками. Но самое лакомое блюдо — морские ежи. Чтобы добраться до мидий, каланы разбивают раковины камнями.

Однажды на мысе Толстом острова Беринга я заприметил каланиху-мать с детенышем.

Утро едва отогрелось от прохлады и теперь нежилось на сопках и в долинах.

Звери плескались метрах в тридцати от берега, напротив небольшой коричневой скалы. Я поспешил спрятать-

ся за камнями, чтобы осторожные животные не испугались меня.

Каланенок пытался взобраться на живот матери. Та лежала на спине, подставив брюшко солнечным лучам. Только он вскарабкивался на нее, как она поворачивалась на бок, и малыш падал в воду. Наверное, так приучала детеныша самостоятельно осваивать родную стихию...

На свет каланята появляются вполне самостоятельными существами. В суровой океанской стихии малышей поджидает множество опасностей, но их матери всегда рядом. Растут они быстро и через несколько дней после рождения уже отлично плавают и ныряют и вскоре начинают привыкать к пище взрослых.

Каланы — единственные морские млекопитающие, у которых нет защитного слоя жира. Но от переохлаждения в воде их спасает необыкновенно густой мех: на одном квадратном сантиметре тела растет около 120 тысяч волосинок.

Командорцы в шутку называют каланов самыми аристократичными животными. Никто так не заботится о своей шубе, как они — по нескольку часов в сутки чистят свой мех. Ведь даже от мазутного пятна этот зверь может погибнуть.

Говорят, они почти никогда не дерутся между собой — боятся за свою роскошную шубу. Незначительная ранка на теле — и нарушаются теплозащитные свойства меха, животное может быстро переохладиться в море.

Несмотря на мрачные прогнозы, предрекавшие им скорую гибель, каланы, к счастью, не вымерли.

Камни бухты Буян

У меня на ладони — командорские опалы. Миллионы лет, застывшие в прозрачно-матовых каплях. Кажется, в них сжались энергия моря и огня.

Есть на острове Беринга бухта Буян. Так же называется и речка, впадающая в Берингово море. Здесь, на небольшом, протяженностью в несколько десятков метров, отрезке берега обнаружены богатые россыпи агатов, опалов, яшмы и сердоликов.

Бухта Буян

Конечно, эти поделочные и полудрагоценные камни — не такая уж редкость и в других уголках земного шара. Но специалисты говорят, что командорские имеют лучшую форму и качество.

Агат, яшма, сердолик, опал образовались в лавах базальтов во время подводных извержений, которые сотрясали дно Тихого океана около 50 миллионов лет назад.

Камни с острова Беринга хорошо отполированы, поскольку попадают на морское побережье из базальтовых лав не сразу, а долгие годы перекатываются речкой Буян.

С центральных гор острова река выносит агаты, яшму и опалы. Восьмикилометровый путь к морю они преодолевают за многие века.

Неудачная попытка

Иваныч утверждал, что именно здесь, в нескольких метрах от берега, в бухте Буян на небольшой глубине находятся остатки древней стены.

Еще в детстве он слышал от стариков алеутов о большом городе, который был построен неизвестным народом несколько тысяч лет назад.

Говорили старики: тот народ поклонялся мудрой и вещей Синей звезде. Она знала все, что происходило в да-

леком прошлом и что случится в будущем. Знала и подсказывала тем, кто ей поклонялся.

Но потом те древние люди придумали и научились делать дурманящий туман. И все чаще, вместо того чтобы работать и советоваться с мудрым светилом, они окутывали себя туманом.

И вскоре не стало видно заветной звезды на небосводе, и никто уже не мог предостеречь людей о надвигающейся катастрофе. Дурман победил. Он притупил в человеке волю к жизни, способность мыслить, преодолевать трудности и принимать верные решения.

После катастрофы древняя земля ушла под воду, и лишь немногим жителям удалось спастись. Но вскоре они растворились среди более молодых племен Азии и Америки.

Рассказывали старики, что остатки разрушенной стены в бухте Буян украшены агатами и синими опалами. Кто-то даже видел под водой изображения восьмилучевой синей звезды и каких-то диковинных зверей...

Много интересного довелось мне услышать от Иваныча. Но чувствовалось, он далеко не все поведал о загадочных руинах. Надоедать вопросами — бесполезно. Упрямый старик. Захочет сам рассказать — рассказывает, не захочет — слова не выдавишь, сколько бы не упрашивали его.

Начальник местного погранотряда, к моей радости, тоже оказался приверженцем идеи существования и Земли Синей звезды, и развалин древнего города на дне бухты Буян.

Поэтому для своих поисков я получил от него на несколько дней надувную лодку. При этом пограничник потребовал от меня клятвенного обещания: больше, чем на пятьдесят метров, не удаляться от берега, и чтобы лодка во время поисков была «на поводке», под надзором Иваныча, поскольку сильное течение может унести ее в открытое море.

К сожалению, даже на позорном «поводке» мне не удалось отойти от берега. Все четыре дня, которые я мог позволить себе находиться в бухте Буян, не утихал шторм.

Не то что на лодке, даже на большом корабле нельзя было выйти в море.

Четверо суток мы с Иванычем засыпали и просыпались под грохот волн. Четыре дня я бродил по берегу мрачного моря в надежде, что шторм вот-вот ослабеет. Но признаков затишья так и не дождался.

Время истекло. Пора было возвращаться в Никольское. Таинственный подводный город «может спать спокойно». Десятки раз я повторил про себя утешительную в подобных случаях фразу: «Когда-нибудь я все же найду его...» С этой робкой надеждой я и покинул бухту.

А в память от неудачной попытки увидеть загадочные развалины Земли Синей звезды или какой-то другой цивилизации остался лишь целлофановый пакетик с агатами, опалами и сердоликами, собранными в бухте Буян.

Корабли с острова Синей звезды

Мальчишка сидел на высоком плоском камне и смотрел в сторону океана. Мальчишка был без шапки, и хлесткий ветер безжалостно трепал его длинные черные волосы.

Он не слышал моих шагов.

— Ты почему здесь сидишь? Холодно и поздно уже!

Мальчишка вздрогнул, обернулся, окинул меня удивленным взглядом, но тут же приложил палец к губам:

— Тише! Он уже совсем рядом и может испугаться...

— Кто?

— Мой кит.

Я недоуменно посмотрел в ту сторону, куда указал мальчишка, но ничего, кроме волн и корабля на рейде, не увидел в океане.

— А ты не сочиняешь?

— Нет. Честное слово, не сочиняю.

— Но там же ничего нет!

— Вы не умеете смотреть. У меня кит не простой, а дрессированный и хитрый-прехитрый. Его Митькой зовут. Как посмотрит на него чужой человек, так он прыг — и в бабочку превращается и улетает высоко-высоко в небо.

— Вот это да! — восхитился я. — А когда он снова превратится в кита?

Мальчишка внимательно посмотрел мне в глаза, не смеюсь ли. Но, встретив мой серьезный взгляд, пригладил зачем-то взлохмаченные волосы и тихо сказал:

— Когда приплывут корабли с острова Синей звезды...

— Откуда?!

— Есть такой остров далеко-далеко, — пояснил он. — Там живут все знаменитые капитаны. Сегодня они придут на своих кораблях и заберут командора Беринга. Только я и кит Митька знаем, где он прячется. Хотите, покажу?

— Хочу...

— Только никому ни слова, — строго предупредил мой собеседник.

— Клянусь: никому ни слова! — поспешно заверил я.

— Смотрите: во-он, в океане — Арий камень. Видите? В нем есть подземелья с сокровищами древних людей с Синей Звезды. Там и спрятался командор Беринг.

Юный фантазер хотел еще что-то добавить, но с океана хлестнул брызгами ветер.

Мальчишка поежился, смахнул с лица капли и весело крикнул:

— Ох и поштормит сегодня!..

В океане — остров Арий камень

— Ты почему без шапки? — строго спросил я. — Потерял, наверное?

— Не-а, разбойники отняли. Ох, и здоровенные, черти! Как выскочили из тундры, как засвистели — аж мороз по коже! Треснули мне по шее и шапку отняли. Вот...

Мальчишка рассказывал о том, что хотел увидеть: кита Митьку, который может превращаться в бабочку, живого командора Беринга и корабли с острова Синей звезды... Ведь каждый ребенок — немного поэт.

Так стоит ли взрослым вмешиваться в его мечты, фантазии и приземлять их?..

Попытать счастья в России

Говорят, ничто так не объединяет людей разных национальностей, государств, верований, сословий, профессий, как совместное путешествие.

В экспедицию Беринга были включены не только офицеры, матросы, мастеровые, но и немало русских и иностранных ученых: Гмелин, де ла Кройер, Миллер, Степан Крашенинников, Лука Иванов, Федор Попов, Алексей Горланов, Василий Третьяков. Ее участниками также стали художники Люрсениус, Беркан, переводчик Илья Яхонтов, геодезисты Александр Иванов, Андрей Красильников, Моисей Ушаков, Никифор Чекин.

Входил в эту разнонациональную команду исследователей-первопроходцев и Георг Вильгельм Стеллер. Родился он в Германии в 1709 году. С детских лет его главным увлечением стала ботаника.

Преподаватели пророчили Георгу блестящее будущее, но за свой вспыльчивый характер и необузданные выходки он был исключен из университета. Стеллер пытался продолжить учебу в других европейских странах, но на это не было средств. Помогать своенравному студенту никто не желал. Георг умудрился поссориться и со своими родственниками, и с друзьями.

В XVIII столетии Россия предоставляла немалые возможности способным, энергичным специалистам из Западной Европы. Тем, кто не находил должного применения у себя на родине.

Решил попытать счастья в великой северной стране и Георг Стеллер.

Шесть часов на американской земле

В августе 1734 года он прибыл в Петербург, где, по рекомендации немецкого ученого Байера, стал личным врачом архиерея Феофана Прокоповича.

Этот известный в России просветитель, церковный и общественный деятель был сподвижником и твердым сторонником Петра I. В круг научных интересов Прокоповича входили: естествознание, физика, история, география и планы освоения Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока.

По достоинству оценив способности Стеллера, Феофан Прокопович рекомендовал его в Академию наук.

Георг стал адъюнктом натуральной истории, а вскоре был направлен во Вторую Камчатскую экспедицию.

Феофан Прокопович — известный просветитель, церковный и общественный деятель

К сожалению, между Стеллером и Витусом Берингом с первой же встречи сложилось недопонимание. Потом оно переросло в открытое противостояние.

Но, несмотря на это, после смерти командора Георг писал о нем как о справедливом и честном человеке.

Во время Второй Камчатской экспедиции Стеллер находился на корабле «Святой Петр». Когда путешественники достигли Америки, Беринг не хотел отпускать Георга на сушу, поскольку считал, что задача экспедиции выполнена и надо спешно возвращаться на Камчатку, иначе вскоре из-за штормов и непогоды сделать это будет почти невозможно.

Однако ученый настоял на своем. Результатом кратковременного пребывания Стеллера на берегу стала его книга «Описание растений, собранных за 6 часов в Америке».

Именно за шесть часов он сумел собрать и описать 160 видов американской флоры!

На Командорах и на Камчатке

Георг не прекращал своих зоологических и ботанических исследований даже после кораблекрушения пакетбота «Св. Петр».

В первый же день пребывания на неизвестном острове он понял, что земля эта — не Камчатка, и что она необитаема. Ведь животные и птицы здесь совершенно не боялись людей.

Кораблекрушение и смерть многих товарищей не выбило Стеллера из колеи. Он составил научное описание местной флоры и фауны, которое вошло в книгу «Описание острова Беринга».

Ученый обошел в одиночку весь остров. Впоследствии он писал об этом: «Я был один, под открытым небом, должен был сидеть на земле, мне мешали холод, дождь, снег, и часто беспокоили меня звери; у меня не было нужных инструментов, и притом я не надеялся, чтобы когданибудь моя работа сделалась известной и принесла комунибудь пользу...»

Георг считал, что цингу у участников экспедиции можно было предотвратить, если бы командор послушал его

Скелет морской коровы Стеллера

совета и разрешил на острове Шумагина собрать необходимые лекарственные растения. К сожалению, на острове Беринга нужных трав не оказалось.

Стеллер, очевидно, впервые из европейцев изучил морских котиков, каланов, сивучей и описал уникальное морское млекопитающее, которое водилось лишь у берегов Командор. Это животное потом назвали морской коровой Стеллера.

На острове Георг собрал 224 вида растений и дал научное описание множеству камней.

В 1742 году, после возвращения в Петропавловск, Стеллер продолжил исследование Камчатки. Своими силами он построил избу и прожил в ней два года. Занимался охотой, собирал растения, чертил карты, изучал языки, обычаи, культуру и историю камчадалов.

Он побывал во многих уголках полуострова. У местных жителей — ительменов и коряков — научился питаться сырой рыбой, кореньями, травами.

На свои скудные средства Стеллер открыл в Большерецке школу, где сам и преподавал.

Ученый писал в Санкт-Петербург и просил, чтобы ему разрешили с русскими промысловиками отправиться в Америку. Ответа не дождался.

Однажды он вступился за двенадцать ительменов, обвиненных в бунте. Враги, а их было у него немало, воспользовались этим. На Стеллера написали донос в Сенат, в котором сообщалось, что ученый освободил двенадцать государственных преступников и таким образом сам стал бунтовщиком.

Имя на карте острова

Летом 1744 года Георг покинул Камчатку. Пора было возвращаться в Академию и представлять на суд ученых свои исследования и собранные в экспедиции материалы.

Он прибыл в Иркутск именно в тот день, когда губернатор получил распоряжение Сената об аресте «бунтовщика Стеллера».

Ученого арестовали, но вскоре отпустили, поскольку стало известно, что императрица Елизавета Петровна благосклонно отнеслась к участникам Второй Камчатской экспедиции.

Весной 1746 года Георг добрался до Соликамска. Здесь он стал жертвой издержки в работе почты. Местное начальство предъявило устаревшее постановление Сената о его аресте. Соликамские власти еще не знали, что путешественника уже оправдали.

Лишь спустя месяцы пришло сообщение: Стеллер не виновен...

Поздно... Он не выдержал тюремных пыток, побоев и скончался.

У писателя и ученого Игоря Забелина есть строки: «Трудно назвать другую науку, которой открытия доставались бы такой же дорогой ценой, как географии.

Тысячи и тысячи безымянных могил географов-исследователей разбросано по материкам и островам, скрыто в волнах океанов; прах этих скитальцев давно смешался с землей, изучению которой они посвятили свою жизнь. Эти люди шли на подвиги и совершали их

незаметно, без шума, даже не сознавая, что проявляют героизм, потому что они делали любимое дело, потому что никогда не променяли бы тяготы и тревоги походной жизни на уют и спокойствие городского существования».

Слова Забелина можно отнести к большинству путешественников разных профессий и, конечно же, — к естествоиспытателю Георгу Стеллеру.

Его имя увековечено в названиях самой высокой вершины острова Беринга и уникального памятника природы — каменной арки. Именем Стеллера названы несколько видов растений и животных.

Дельфинья беда

Десяток крупных терпугов шевелились на дне лодки. С таким уловом не стыдно возвращаться с рыбалки. Есть что показать и чем поделиться с другими.

Мы уже хотели поворачивать к берегу, как вдруг Иваныч тихо произнес:

— Гляди-ка: дельфины! Редкие гости в наших водах.

И правда, неподалеку, на спокойной воде, стремительно катились белые буруны. Животные быстро приблизились к нам и теперь почти касались темными лоснящимися спинами бортов нашего суденышка.

Казалось, что своими действиями дельфины стараются привлечь внимание людей.

Иваныч заглушил мотор, привстал и начал озираться.

— Что случилось? — поинтересовался я, но старик не ответил.

Он снова запустил мотор и развернул лодку.

— Дельфины волнуются. Неспроста это, — наконец пояснил Иваныч. — Видно, беда какая в океане случилась.

Теперь дельфины неслись впереди нас, будто указывали дорогу. Лодка едва поспевала за ними. Неожиданно мы увидели пляшущий на волнах рыбацкий буй. Вода вокруг него расходилась большими кругами.

Иваныч застопорил ход, перегнулся через борт и схватил буй двумя руками. Но тот не поддавался. Я кинулся помогать старику.

За буем потянулся длинный обрывок рыболовной сети. Кое-как вытащили сеть, а в ней — неожиданный улов: накрепко запутанный дельфиненок.

Быстрыми ударами ножа Иваныч распорол путы и положил попавшего в беду малыша на дно лодки. Тот тяжело дышал.

— Ничего, сейчас придешь в себя, и я тебя отпущу к своим, — пробормотал Иваныч. — Сколько ж ты без воздуха намучился, бедолага?

Старик, словно котенка, погладил дельфинчика, и тот шевельнул хвостом.

— Какой глупый и злой народ еще ходит по морям-океанам, — покачал головой Иваныч. — Ведь строго-настрого всем рыбакам наказано не швырять за борт обрывки сетей. Котики, дельфины, каланы, сивучи и даже могучие касатки гибнут от них. Эх-эх-эх, нельзя бездушных людей в океан выпускать...

Неожиданно дельфинчик рванулся из рук. Не успели мы опомниться, как он скользнул по борту лодки и плюхнулся в воду. Секунда, другая — и малыш уже плыл к своим сородичам. А те дружно покачивали головами: то ли приветствовали спасенного, то ли благодарили нас с Иванычем.

Дочь солнца и снега

На севере, и нашей страны, на Аляске и на Алеутских островах, существуют легенды об удивительной птице, которая спасала попавших в беду мореходов. Называют ее Розовая чайка.

В одном предании говорится: «Когда корабль сжимают льды, и кажется, что студеные штормы вот-вот погубят его, когда морская пучина распахивает смертоносные объятия, чтобы уничтожить судно вместе с людьми, а губы и глотка уже не в состоянии прохрипеть ни молитву, ни проклятие, — взгляни в небо: на помощь летит маленькое чудо Севера.

Из штормовой непроглядной тьмы появится розовая чайка, похожая на частицу луча восходящего солнца. Птица будет кружить над кораблем с тревожным, но все

В одном предании аляскинских эскимосов розовую чайку называют «дочерью солнца и снега»

же обнадеживающим криком до тех пор, пока ее не увидит самый отчаявшийся моряк.

Надежду, прилив новых сил приносит розовая чайка на своих крыльях.

Потом она снова исчезнет в штормовом мраке. Улетит на помощь другим мореходам. Но уже не так яростно будут биться льды о борт корабля. Стихнет вскоре шторм, и каждый отчаявшийся почувствует в себе неукротимую силу, которую не одолеть ни северной стуже, ни буре, ни морской пучине».

Еще в одном предании аляскинских эскимосов розовую чайку называют «дочерью солнца и снега». Чтобы путник увидел ее ночью, полярный день подарил чайке оперение из розовых лучей восхода. А чтобы ее видели днем, полярная ночь надела на шею птице черное ожерелье.

С тех пор летает розовая чайка днем и ночью над льдами, спасает путешественников и моряков.

Долгое время считалось, что эта птица существует лишь в легендах.

Осенью 1818 года английский полярный исследователь Джон Росс попытался на своем корабле обогнуть с севера Американский материк и выйти к Берингову проливу. Как отмечено в документах, он первым из европей-

цев описал розовую чайку. Но это не так. В первые годы XIX века эту прекрасную птицу видело немало жителей Русской Америки.

Через несколько лет после открытия Джона Росса участники британской полярной экспедиции добыли этих двух птиц. Но в те времена в научном мире еще никто не знал, где их родина.

Лишь в начале XX века русский орнитолог Сергей Александрович Бутурлин обнаружил гнездо розовых чаек в заболоченной тундре в устье Колымы. Там же собирались их небольшие колонии.

Примерно в конце июля и взрослые, и только вставшие на крыло птицы начинали перелет от низовья Колымы к Северному Ледовитому океану.

О жизни розовых чаек до сих пор известно очень мало. Уж очень редко попадают они людям на глаза.

Мне лишь однажды удалось увидеть розовую чайку. Произошло это недалеко от бухты Буян на острове Беринга.

Птица неслась вдоль побережья и, казалось, настолько увлечена полетом, что не замечала берега, где могла бы отдохнуть, не обращала внимания на шумную стаю своих серых сородичей, на штормовой ветер.

Я рассмотрел розовую чайку в бинокль. Спинка ее была жемчужно-серого цвета, голова, грудь, хвост — нежно-розовые, а вокруг шеи — черная отметина. И впрямь — будто ночь накинула на нее свое ожерелье.

Недолго длилась моя единственная встреча с крылатым чудом Севера.

Не больше минуты видел я легендарную птицу. Но это была та минута, что остается в памяти на всю жизнь.

Беспокойные соседи

Хозяева лежбищ — котики — не одиноки в своей просторной природной «квартире». Всегда рядом на побережье суетятся серокрылые чайки. В поисках падали шныряют песцы и совсем не обращают внимания на грозный недовольный рев секачей. Неподалеку от котиков на камнях отдыхают гигантские морские львы — сивучи.

Деловито попискивают длинноклювые кулики и лапландские подорожники. То тут, то там снуют юркие пуночки и овсянки.

Невозможно представить себе лежбище и без таких птиц, как топорки, бакланы, ипатки, глупыши... И все эти беспокойные соседи прямо или косвенно связаны друг с другом.

Серокрылые чайки — главные санитары лежбища. Питаясь отходами котиков, они очищают побережье.

Чайки начинают присматриваться к лежбищу еще до массового выхода морского зверя на сушу.

Когда у чаек появляются птенцы, им приходится постоянно курсировать между лежбищем и своими гнездами. В это время птицы становятся особенно шумными и драчливыми. Более опытные и взрослые теснят молодых. Но агрессивность чаек не распространяется на котиков и других обитателей лежбища.

Остерегаются чайки лишь песцов. С опаской они отбегают или отлетают в сторону, как только рядом появляются эти пронырливые зверьки. Похожим на лисицу хищникам никто не доверяет на острове — ни птицы, ни морские звери.

Они тоже санитары лежбища. Но бывает, что особо обнаглевшие песцы нападают на маленьких котиков и загрызают их. Однако подобное случается редко.

Да, происходят иногда стычки и конфликты между соседями. Но все же чувствуется на лежбище мудрая рука хозяйки, которая заставляет жизнь обитателей этого дома двигаться в едином ритме. Имя хозяйки — Природа.

Цветы острова Беринга

Несколько раз приглашали меня на утиную охоту, да все не было времени. Наконец выбрался вместе с Виктором, рабочим зверозавода.

Долго шли тундрой. Не торопились. До вечерней зорьки еще уйма времени. Иногда мы останавливались и любовались летним ковром тундры и разноцветьем сопок. Растительный мир наверстывал упущенное после затяжной северной зимы.

Есть в тундровых цветах острова Беринга особая, скромная красота.

В чем она?

Пожалуй, в контрасте с угрюмыми скалами, неумолкающим прибоем, частыми туманами, стремительными ветрами.

Цветов на острове много. Лиловые ирисы встречаются за околицей села и в огородах. Даже вдоль дороги пестрят их венчики, издали похожие на усталых бабочек. Разбежались во все стороны по тундре белые, с золотым солнышком в центре, веселые ромашки. А на склонах сопок уже распустились луговая герань, бледно-розовый анемон, синий колокольчик...

Встречались на острове Беринга еще какие-то цветы, но мне так и не удалось выяснить их названия.

Солнце уже коснулось краешком диска моря. Час вечерней зари...

Мы добрались наконец до места. Виктор оставил меня на одной «засидке», сооруженной из плавника и травы, а сам отправился к другой.

Конец охоте

Я постелил на камнях штормовку и улегся. Ждал долго, а уток все не было и не было. От нечего делать начал мысленно представлять, что сочинит неуемный фантазер Витька по поводу нашей утиной охоты.

Мой товарищ по сегодняшней охоте славился в Никольском своими выдумками и странными, несуразными приключениями. Дня не проходило, чтобы он не попал в какую-нибудь историю или, по крайней мере, не сочинил ее.

То на его лодку напала гигантская белая касатка; то он вступил в поединок с матерым сивучом и, конечно, победил зверя; то предотвратил высадку на лежбище котиков каких-то браконьеров или становился свидетелем появления из океана неизвестных существ.

Трудно иногда было понять приезжим на острове Беринга, где в его рассказах — правда, а где — разгул неуемной фантазии. Местные жители, как правило, не вери-

ли ни одной Витькиной побасенке, но все же с удовольствием слушали его.

Что же он соврет сегодня? Особенно если охота будет неудачной. Наверное, скажет, что уток распугало доисторическое чудовище, выплывшее из моря, или неопознанные летающие посланцы далеких миров...

От солнца остался лишь рваный, чуть виднеющийся над водой, клочок, а утки так и не появились.

Конец охоте...

Пора искать Витьку и возвращаться в село.

Я прошел берегом метров пятьсот, но его нигде не было. Что за ерунда? Куда он мог подеваться на открытой местности? Небось, опять какой-нибудь фортель выкинул...

Хрустели под ногами ракушки. Усиливался рокот прибоя. Неподалеку, розовые от вечернего света, скалы напоминали покинутый всеми заколдованный древний город. Однако никаких признаков присутствия человека не слышно — не видно.

Вдруг я заметил среди камней ружейный ствол.

— Виктор!.. Вить!..

Тот не отозвался. Я подошел поближе и обомлел.

Чертовщина какая-то! Витька лежал прямо на камнях. Глаза его были закрыты, лицо зеленое, а одежда вся насквозь мокрая.

— Что случилось?! Слышишь?!

— Т-ты см-м-мерть видел к-когда-нибудь? — вдруг застучал зубами Витька и принялся, наконец, стаскивать куртку и сапоги.

— Всякое бывало, — настороженно ответил я.

— Вся-а-а-кое, — укоризненно протянул он. — А я видел только что. Совсем рядом...

«А жить все-таки лучше!..»

Лишь когда мне удалось развести костер, Витька начал свою душещипательную историю.

— Подстрелил я здоровенную утку, а она в море упала. Прямо в одежде кинулся за ней. Дотянулся, схватил, а тут самого кто-то за ноги цап — и вниз, на дно. Рвусь к берегу, а меня опять — дерг! Волны, заразы, одна за дру-

гой шарашат по башке — вздохнуть не дают. Воды наглотался, одежда набухла. Ну, думаю, конец. Обидно так стало: до берега ведь рукой подать. Тут-то смерть и появилась собственной персоной... Суетная какая-то попалась, а может, припадочная. Рожа у нее разноцветная, и голова подергивается. Верещит, а чего — не поймешь. За руки и ноги хватает, будто я ее чем-то разозлил... Всегда мне не везет: даже смерть явилась — чокнутая.

«Во дела! Это уже похуже сочинений о гигантской касатке. Настоящий бред...», — сокрушенно подумал я и добавил вслух:

— Как же ты мог подстрелить утку?.. Что-то я не слышал выстрела...

Витька даже не обратил внимания на мой озадаченный взгляд и вопрос. Вдохновенно он продолжал гнуть свое.

— Честное слово, обидно ни за что ни про что концы отдать. Бросил я к чертовой матери утку и из последних сил рванул к берегу. Спасибо — волна громадная ка-ак поддаст сзади, так я кубарем на берег и вылетел. Чуть башку не расколотил о камни. До сих пор перед глазами смерть с разноцветной рожей мельтешит... Дура припадочная!.. Слушай, а может, это было какое-то подводное привидение? Ну, из того затопленного города... А что, в старинных замках их полным-полно, почему бы не водиться им и в океане?

— Час от часу не легче!.. — Я махнул рукой и не стал поддерживать разговор о смерти с разноцветной физиономией, о мифическом городе и подводных привидениях.

Вовсю полыхал костер. Одежда, развешанная вокруг него, почти высохла.

— Что-то не м-могу согреться, — снова затрясся Витька. — Н-надо согревающего внутрь. У т-тебя н-нет с собой?

— Нет, — развел я руками. — Если б знал...

— Если бы да кабы, — разочарованно протянул Витька и тут же перестал трястись. — Я б десять бутылок водки взял. После встречи со смертью и столько не грех пропустить...

— Ты, кажется, и без водки согрелся.

Витька ничего не ответил, только поближе придвинулся к костру.

Потом новая «светлая» мысль озарила его, и он мечтательно продолжил:

— А представляешь: приходишь ты сюда, а на берегу — только стреляная гильза да ружье... И — нет Витька!.. То ли в океане сгинул, то ли старшие братья по разуму в космос уволокли. А может быть, тебя обвинили: дескать, стукнул замечательного человека по башке прикладом и — в море забросил!.. Ух, и начались бы в Никольском пересуды!.. Вот бы послушать!..

— Хватит ерунду молоть, — не выдержал я. — Пора возвращаться.

— Пора, — согласился Витька и глубокомысленно изрек: — А жить все-таки лучше!..

Увековеченные подвиги и труды путешественников

Имена русских первопроходцев, моряков, ученых сохранились на карте острова Беринга. Так, расположенный на северо-востоке мыс назван в честь лейтенанта Свена Вакселя. Двум другим мысам на острове тоже даны имена участников Второй Камчатской экспедиции: корабельного мастера Софрона Хитрова и подштурмана Харлама Юшина.

Бухта, где был похоронен Витус Беринг, названа «Командорской». Еще одна бухта и мыс острова названы в честь промысловика Российско-американской компании Шипицына. Этот охотник на морского зверя пробыл на острове Беринга с 1800 по 1807 год.

Как уже отмечалось, имя ученого, участника Второй Камчатской экспедиции Георга Стеллера присвоено самой высокой сопке острова Беринга.

В наследство потомкам

Взаимодействие человека и природы — постоянное и необходимое условие жизни и развития общества.

Командорские острова — суровый и в то же время хрупкий мир. Котиковые лежбища, нерестилища красной рыбы, каланы, сивучи, уникальные птицы и растения, бухта Буян — хранилище самоцветов... Что и говорить, неповторима природа Командор. В то же время она более уязвима, чем фауна, флора, ландшафт теплых краев. И нанесенные раны северной островной природе — будь то нарушение тундрового покрова, загрязнение воды и суши топливом или браконьерство — залечиваются намного дольше.

Очищение океанских вод здесь также протекает медленнее, чем в южных регионах планеты.

Освоение Командорских островов — отчасти пример необдуманного вторжения человека в природу. Стеллерова корова, крупное млекопитающее, достигавшее до десяти метров в длину и весившее до четырех тонн, в первой половине XVIII века в изобилии водилась здесь на мелководье. Вкусное мясо, доверчивость и медлительность животного погубили его.

Спустя всего двадцать семь лет после открытия острова Беринга заезжие промысловики убили последнюю морскую корову. Больше на земном шаре этого вида не существует.

Доживи до наших дней, может, стала бы она первым из обитателей океана одомашненным животным.

Печальная участь исчезновения постигла и стеллерова баклана, который водился только на острове Беринга.

На Командорах и сейчас встречаются птицы, находящиеся под угрозой исчезновения. К ним относится малый гоголь — птица настолько редкая, что образ ее жизни почти неизвестен специалистам.

Гнездится малый гоголь на севере Американского континента. На островах Беринга и Медном он — залетный гость.

Даже бескрайний, могучий океан сегодня под угрозой. Ведь в него бесконтрольно сбрасывают различные отходы, горюче-смазочные материалы, вредные вещества. Несмотря на международные соглашения, в океане порой промывают свои опорожненные емкости танке-

ры. В результате по воде на много километров расплываются маслянистые пятна нефти — зона смерти для растений, беспозвоночных, рыб, морских птиц и зверей. Еще больше бед приносят катастрофы нефтеналивных судов.

Наверное, не встретишь человека, назвавшего бы себя врагом природы. И все же не прекращается сброс в океан с кораблей отходов, продолжается гибель в обрывках рыболовецких сетей морских животных, по-прежнему орудуют браконьеры.

И сегодня все чаще звучат вопросы без определенного ответа: какой мы передаем природу в наследство потомкам?.. Мертвые воды и берега или цветущий и прекрасный мир?..

Прощай, командорское лето!..

Если во время экспедиции не находишь то, что искал, к чему стремился, нередко тешишь себя мыслью: все еще впереди...

Тогда, в конце семидесятых, мой старший товарищ — высокопоставленный советский руководитель — с интересом отнесся к рассказу о ненайденных руинах на дне бухты Буян, о гипотезах, связанных с Землей Синей звезды, о тайнах Русской Америки. Выслушать-то он выслушал, но «добро» на публикацию не дал: «Повременим пока с загадочными звездами, мифическими землями, хранителями древних тайн... Сейчас не до этого... А там — как знать?..»

Мне пришлось много странствовать по свету. Я любовался остатками красоты древней Пальмиры, закатами над Средиземным морем, яростными красками Скалистых гор в Колорадо, ласковой тишью озера Балатон, отдыхал в прохладе оазисов азиатских и африканских пустынь, бороздил на различных судах десятки морей.

Я счастлив, что видел раскопки великого Вавилона, ходил по таежным тропам Забайкалья, купался в Мертвом море и в Мазурских озерах, поднимался на исполинскую Баальбекскую террасу в Ливане.

Но ничто не сможет заслонить в моей памяти серебристые водопады острова Беринга, игру каланов на мелко-

водье, цветастый ковер летней тундры, студеный простор Тихого океана, сизые сопки, неброскую, застенчивую и суровую красоту Командорских островов и услышанные там легенды о Земле Синей звезды, предания Русской Америки...

Коснулись малиновых струн заката командорские «стынь-вечерницы». Под присмотром мудрой Синей звезды вызревала июльскими ночами зябкая тишина. Нарушали ее лишь далекий рокот прибоя да едва уловимые шорохи сонных трав.

В эти ночи молодое простоволосое лето сошло с дальних сопок и бродило босиком по берегу океана. Робкой дикаркой лето подолгу провожало взглядом огни кораблей у горизонта, всматривалось в небо, отыскивая там покровительницу всех тайн — Синюю звезду.

А мне слышалась в эти часы сказка старого алеута:

— ...Как схватились два песца на высокой сопке. Один — белый, другой — огненный. Одолеет белый огненного — и начнет коченеть тундра в синих туманах, и стужа расправит свои крылья, и заведет свистящую песню поземка. А возьмет верх огненный — заговорят разом реки, поднимутся в тундре цветы и травы, заревут олени, выплывут из океана котики и сивучи. И пойдет по острову лето, раздавая всем тепло своей души. И станут добрее от того тепла люди и звери. И даже мудрая Синяя звезда поделится с ними своими тайнами...

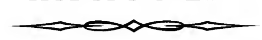
Но уже не увидеть мне всех даров командорского лета. Пора возвращаться на Камчатку.

Удастся ли еще побывать на острове Беринга и приоткрыть хоть чуть-чуть тайну легендарной Синей звезды?

Не знаю...

Но убежден: невозвратимо лишь то, чему мы сами позволяем затеряться в глубинах своей памяти.

ДРАГОЦЕННЫЕ, ОПАСНЫЕ ДАРЫ НОВОГО СВЕТА



Жизнь современного человека тяготеет к застывшим формам, а развитие цивилизации усиливает обыденное, а неожиданное случается редко. Но вот неожиданное происходит. Иной раз оно переворачивает вверх дном всю жизнь, и тогда неприспособленные погибают. Они не видят того, что не явно, не умеют принимать внезапных решений и теряют голову, попадая в новую, непривычную колею...

Но есть люди, которым удается выжить. Отдельные, лучше приспособленные личности могут избежать гибели, когда сила обстоятельств вырывает их из круга явного и привычного, принуждая ступить на новый, неизвестный путь.

Джек Лондон

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗОЛОТЕ АЛЯСКИ И КАЛИФОРНИИ

...известны две главные и чрезвычайно далеко растягивающиеся линии, по которым распространяются золотоносные местности; линии эти разделяются между собою Тихим океаном. По одну сторону океана месторождения золота расположены преимущественно на западном склоне Кордильеров в Южной и Северной Америке...

Линия эта оканчивается в южных частях русских американских владений...

«Горный журнал». Санкт-Петербург, 1866 г.

Удивительная страсть

С древних времен золото заставляло человека отправляться в дальние неизведанные края, рисковать, переносить невзгоды, совершать отчаянные поступки, подвиги и преступления. Оно обогащало и губило, меняло судьбы людей, определяло политику и экономику государств.

Немало географических, исторических, научных открытий совершалось благодаря поискам и находкам золота. Древние египтяне совершали дальние, по меркам того времени, экспедиции за вожделенным драгоценным металлом, при этом они расширяли свои познания мира.

В Средние века правители восточных и европейских стран снаряжали целые флотилии, армии, многочисленные отряды, чтобы найти легендарные, богатые золотом, земли.

На старинных картах обозначались несуществующие страны и острова, изобилующие драгоценными металлами и самоцветами. Немало русских первопроходцев, осваивая Сибирь, Дальний Восток и тихоокеанские берега Северной Америки, тоже мечтали о золоте и серебре. Весть о «сияющем богатстве» неизведанных земель приходила к ним от туземцев. Поиски иногда награждались желаемыми находками.

Коренных жителей Нового Света вначале удивляла страсть бледнолицых пришельцев к желтому, редкому и мало практичному, по их мнению, металлу. Иное дело — пушнина и медь.

Но вскоре индейцы поняли, что на этой страсти чужеземцев можно самим обогатиться. В XVIII—XIX веках русским промысловикам и путешественникам туземцы охотно рассказывали о землях, богатых золотым песком, жилами, самородками. Принимая на веру услышанное, небольшими группами, а иногда и в одиночку, русские колонисты отправлялись вглубь Американского континента попытать счастья. Немало из них погибало от рук индейцев, лишалось своего снаряжения или пропадало без вести.

И все же, несмотря на многочисленные выдуманные истории о золотоносных землях, драгоценный металл находили на Аляске, в Калифорнии и в других уголках Северной Америки.

«Русский способ»

В середине XVIII века Михаил Ломоносов пришел к выводу, что в России и во вновь открытых землях нужно добывать так называемое рассыпное золото из песков. Он изобрел новый метод извлечения мельчайших частиц драгоценного металла из золотосодержащих песков.

В 1857 году русским изобретателем был найден способ промывки золотоносных песков. Он широко применялся в Северной Америке и назывался «русским способом», а также на многие годы вооружил старателей Нового Света.

В Санкт-Петербург сообщения о существовании драгоценного металла на Аляске и в Калифорнии поступали из Русской Америки еще в конце XVIII века. Но они основывались на рассказах туземцев и на единичных, незначительных находках.

В 1866 году «Горный журнал» опубликовал заметку «Открытие золота в Русской Америке». В ней сообщалось: «...на острове Ситха (Ситка) при вырытии ям для русско-американского телеграфа открыты золотые самородки. Событие это, само по себе замечательное, получает новый интерес от известий, будто бы найденное месторождение богатством напоминает калифорнийское...

Желательно, чтобы Российско-Американская Компания, имеющая в этой местности монополию, обратила бы деятельное внимание на золотопромышленность и постаралась вознаградить себя за ежегодно уменьшающийся лов бобров».

Умолчать и скрыть не удалось

До определенного времени руководство Российско-американской компании старалось сохранить в тайне все, что касалось золотоносных участков на Аляске и в Калифорнии.

Как отмечал в 30-х годах прошлого века историк С.Б. Окунь, и руководство Компании, и правительство империи получали сведения о залежах драгоценного металла в Новом Свете от старателей-одиночек и имели веские доказательства в виде найденных самородков и россыпей. Собирая сведения о наличии золота на Аляске и в Калифорнии, владельцы Компании делали это «отнюдь не для того, чтобы приступить к изысканиям. Более того, опасаясь, чтобы известие о наличии золота не побудило правительство России отнять монополию, компания всячески противилась производству на ее территории каких бы то ни было съемок, исследований и проч. ...».

Но долго скрывать золотые богатства Аляски и Калифорнии не удалось. Старатели США и других стран проникали все дальше, в самые безлюдные северные уголки Нового Света, и тайком добывали драгоценный металл.

В 1862 году посланник США в России сообщил правительству и двору Александра II «о распространении открывшейся золотоносной полосы Орегона и Британской Колумбии до русских владений в Америке».

В ответ на уведомление посланника правление Российско-американской компании, по мнению С.Б. Окуня, «обнаружило свою полную растерянность, сообщая в одном и том же документе совершенно противоречащие друг другу сведения. С одной стороны, компания спешила уверить министерство финансов, что, судя по словам индейцев (другими источниками компания якобы не располагала), «ближайшее место, где найдено золото в большом количестве, находится от устья реки (Стахин) не ближе 200 верст, т.е. приблизительно за 7 дней пути, каковая местность находится уже вне русских владений».

С другой стороны, компания сообщала, что ею отдано распоряжение «при невозможности открытого и решительного сопротивления (которого предписано всеми мерами избегать) действиям золотоискателей допустить добывание золота в наших владениях с известною платой в пользу компании».

Вместе с тем, препровождая в Министерство финансов копии донесений горного инженера Андреева, посланного для исследования найденных россыпей, компания всячески подчеркивает, что «россыпи довольно бедны и золото мелко, как мука»

Руководство Русской Америки доложило правительству Александра II о том, что не в состоянии уберечь залежи драгоценного металла от «диких золотодобытчиков», и в связи с этим просило направить военный корабль к устью реки Стахин. По мнению Российско-американской компании, только присутствие хорошо вооруженного крейсера могло уберечь золотые запасы на ее территории.

Старатели Аляски во времена «золотой лихорадки» утверждали: как бы ни старался человек прятать золото, оно себя все равно проявит, — когда сочтет нужным.

СПЯЩИЙ ИСКУСИТЕЛЬ

Бледнолицые сами желали стать рабами золота... Оно завораживало их как песня шамана в ночь уходящей луны. Они отдавали золоту свои силы, мысли, волю.

Из предания индейцев Аляски

Конкурент и соперник Шелехова

Летом 1795 года скорбные вести дошли до жителей Русской Америки: индейцы с реки Медной на Аляске замучили соратника Шелехова Константина Самойлова и убили тринадцать промышленников Компании купца Лебедева-Ласточкина.

Якутский купец П.С. Лебедев-Ласточкин был компаньоном Григория Шелехова. Потом пути их разошлись. Компаньоны превратились в конкурентов.

Историк Василий Берх в 20-х годах XIX века писал о сопернике Шелехова в Новом Свете: «1791. ...Якутский именитый Гражданин Лебедев-Ласточкин, быв около сего времени одним из богатейших и предприимчивей-

ших Американских компанионов, отправил в сем году еще одно судно (в Америку)...

По доставшимся мне бумагам Шелехова и Баранова видел я, что Лебедевская компания имела несколько заселений в разных местах Америки... Надобно сожалеть, что почтенный Лебедев-Ласточкин не имел нужных связей, дабы удержать при учреждении Российско-Американской Компании все занятые им места.

Планы сего умного Якутского гражданина были очень обширны и ежели бы он присутствовал сам при исполнении оных, то компания его, вероятно, взяла бы верх над Голиковскою и Шелеховскою... Александр Баранов рассказывал мне многократно, что ежели бы он имел таких отважных и расторопных людей, каковых находилося в компании Лебедева до 200 или был начальником оной, то покорил бы все Американские племена вплоть до Калифорнии».

В 90-х годах XIX века Лебедев-Ласточкин организовал несколько экспедиций внутрь Аляски. Но о них мало что известно. Несколько путешественников пропали без вести, о других дошли слухи, что они погибли от рук индейцев. Лишь нескольким удалось вернуться и передать свои записи Лебедеву-Ласточкину. Однако и эти немногочисленные документы впоследствии затерялись.

«Великая потеря»

Даже такому скрупулезному исследователю истории Русской Америки, как Василию Берху, мало что удалось выяснить о первопроходцах, выполнявших поручения безусловно талантливого предпринимателя.

В книге «Открытие Алеутских островов», изданной в 1823 году, Берх упоминал о своей встрече лишь с одним путешественником, служившим в лебедевской компании. Лебедев-Ласточкин «...простер так далеко планы свои, что отправлял даже одну артель во внутренности Америки. Я разговаривал многократно с храбрым промышленником Василием Ивановым, предводителем артели сей.

В пути пробыл он от Рождества до Св. Пасхи, прошел, по его счету, более 500 верст (533 км), видел множество

рек и озер изобильных рыбою; встречал до 10 разноязычных племен, но не приметил нигде селения... более 200 человек.

Он толковал мне очень много о реке Тунте, шириною от 6 до 4 верст; сказывал, что по оной, как слышал, есть более 40 селений, но не умел порядочно объяснить, где она находилася...».

Уже после смерти Лебедева-Ласточкина появились слухи и в Русской Америке, и на Камчатке, и в Якутске, будто узнал он от индейцев Аляски расположение богатейших золотоносных мест. Конечно, эти сведения якутский купец держал в строжайшей тайне: исследовать золотоносного места посылал самых надежных людей. Возможно, он собирался добывать драгоценный металл на территории Аляски.

Но это лишь предположение и современников Лебедева-Ласточкина, и нынешних исследователей исторических тайн, не подтвержденные документами. В предисловии к своей книге Василий Берх сетовал: «Надобно считать великою потерею, что нельзя было получить бумаг покойных купцов Пановых, Поповых, Шиловых и Лебедева-Ласточкина. Почтенные Россияне сии имели в виду не одну только корысть. Отправляя корабли свои к Алеутским островам и получая оттуда богатые грузы мягкой рухляди, радели они в то же время о славе и пользе Отечества своего».

Кто отправится с вестью?

Ссора началась в тот же день, когда был найден первый самородок. Вначале его приняли за обычный камень серовато-желтого цвета. Один из путешественников, сам не зная зачем, пнул неприметный камень, и тот оказался в ручье. Стремительная вода мгновенно смыла пыль, и от долгожданного блеска люди замерли и несколько мгновений зачарованно смотрели на самородок величиной с детский кулак. Наконец один из артели нагнулся и поднял его из ручья.

Пятеро путешественников сгрудились. Каждому хотелось подержать находку на ладони, ощутить ее тяжесть.

Вечером у костра стали решать, кому из пятерых завтра отправляться в обратный путь. Хозяин компании Лебедев-Ласточкин наказал: как только отыщется золото, немедленно отсылать посланника в факторию с найденными образцами, отчетом, описанием всего маршрута и местности, где произошла ценная находка.

Было известно, что принесшему «знаменательную весть» последует награда. Лебедев-Ласточкин не любил швырять деньги на ветер, как иные купцы, однако не скупился, когда люди прекрасно справлялись с его поручением и доставляли добрые сообщения.

Кому быть обласканным хозяином вестником?..

Вот тут-то и начался спор, переросший в драку. Один из путешественников от удара в висок скончался. Виновника скрутили и повязали.

По жребию, трое выбрали гонца в факторию. В отчете хозяину была сделана приписка о печальном происшествии. Убийцу держали связанным еще сутки после того, как были отправлены самородок и бумаги для Лебедева-Ласточкина.

Что теперь мог сделать убийца? Ввязаться в новую драку? Пуститься в погоню за гонцом? Сбежать в дикие, неизведанные леса? Бессмыслица... Мордобой ни к чему не приведет. Догнать гонца уже невозможно. А в лесу за каждым деревом таится опасность: либо индейцы, либо разъяренные медведи, либо еще какие-то неведомые опасные твари...

Наверное, так поначалу думал и убийца, когда его освободили от веревочных пут. Произнес он несколько крепких словечек в адрес товарищей и покорно отправился с ними вверх по ручью на поиски желтого металла.

«Соверши задуманное»

Но сияющий змей-искуситель уже подобрался к нему и по ночам пристально смотрел на спящего человека и отравлял разум его своим ядовитым дыханием — так впоследствии рассказывали индейцы о приключениях русского отшельника.

Незаметно для себя и своих товарищей он стал пленником желтого змея. Теперь, и во время трудных переходов, и на отдыхе, его постоянно терзала мысль: что будет дальше?.. Убийство соотечественника, впереди — долгие годы каторги. Даже если экспедиция пройдет успешно, сурового наказания не избежать.

Так стоит ли возвращаться к своим?..

Жизнь в диком, неизвестном краю тоже не сулит ничего хорошего. И пленник желтого змея-искусителя сделал выбор: изрядно он испытал житье в миру да в нищете, так лучше остаться в богатом одиночестве...

С первыми осенними холодами люди Лебедева-Ласточкина завершили путешествие и поиски золота. В день, когда собрались в обратную дорогу, и нашептал проклятый искуситель одному из них: «Пора... Соверши задуманное...»

Своих товарищей пленник желтого змея зарезал, когда они спали. Тела их не стал закапывать — все равно медведи разроют и съедят. Забрал душегуб самородки, оружие, теплую одежду убитых.

В какую сторону идти, не задумывался: сверкающее чудовище само подталкивало своего пленника...

Метка проклятия

Вожди и шаманы предостерегали соплеменников: неприкаянного бледнолицего, убившего своих товарищей, не трогать, не смотреть ему в глаза, не прикасаться, не давать ему приближаться к своим жилищам, поскольку с помощью взгляда, прикосновения, слова или дыхания он может сделать рабом сияющего змея других людей. Индейцам даже запрещалось убивать бледнолицего: через невидимый след полета пули, стрелы, копья в обратном направлении может передаться вечная рабская зависимость.

Если человек стал почитать золото выше могущественных духов земли, воды, неба, огня, то излечить его уже невозможно, — считали шаманы. Они совершали обряды, посвященные медведям и волкам, чтобы звери как можно быстрей растерзали опасного бледнолицего.

Но шло время, а пленник сияющего змея продолжал свой путь по лесам, долинам рек и ручьев и совершал непонятную для индейцев работу. Туземцы постоянно следили за ним, нарушая запрет, но все же не приближались.

Казалось, бледнолицый ничего не замечает вокруг себя. Дни его были похожи один на другой: охота, сбор ягод, трав, кореньев и постоянный поиск золотых самородков. Совершал он все это без видимых усилий. Зверь и рыба словно сами шли ему в руки. И самородки будто окликали: не пропусти удачу, нагнись, подними...

Когда золота набиралось столько, что тяжело становилось продолжать путь, бледнолицый отыскивал пещеру и в ее глубинах закапывал свое богатство. На камнях над входом в пещеру пленник сияющего змея выбивал какие-то непонятные индейцам знаки.

Шаманы пытались прочитать их, но соплеменникам не раскрывали истину. Лишь объявляли: пещера проклята, поскольку бледнолицый, раб сияющего змея, поставил особую метку. Отныне в ней — губительный для человека дух золота. И даже медведи-гризли, побывавшие в этих пещерах, шалеют от проклятого духа и сходят с ума.

Но для кого прятались драгоценные самородки? «У сияющего искусителя немало коварных планов, и даже нам не разгадать их», — объясняли шаманы.

Индейцы интересовались у своих мудрецов, долго ли будет ходить по их земле и делать проклятыми пещеры опасный бледнолицый, — но и мудрейшие не знали ответа. Змей-искуситель не позволяет своим рабам долго жить под солнцем: скоро он уведет и этого бледнолицего в глубины земли, где зарождается золото...

Под видом обычного старателя

В конце XIX — в начале XX века, когда тысячи людей разных национальностей ринулись на Аляску добывать золото, индейцы рассказывали им о пленнике сияющего змея. Бледнолицых пришельцев предупреждали, что этот пленник может появляться из глубин земли под видом

обычного старателя, прельщать слушателей рассказами о пещерах с золотом.

Старатели в предания особо не верили. Но многие из них все же просили туземцев показать, где находятся пещеры, отмеченные легендарным злодеем.

Удавалось ли старателям добираться до них? На это бывалые охотники за драгоценным металлом отвечали уклончиво: «Золото любит молчание... Кто оказывался в тех пещерах и богател, — не признаются. А от исчезнувших там уже ничего не узнать...»

Даже после Первой мировой войны среди старателей Аляски еще ходила поговорка: «Голод и стужу перетерплю, от волков и гризли отобьюсь, лишь бы не отуманил разум и не попался на пути проклятый пленник сияющего змея...»

ЗАГАДОЧНАЯ ГИБЕЛЬ ДРУЗЕЙ

Первый шаг ваш в Америку доставил мне удовольствие узнать вас лично со стороны решительной предприимчивости; успешное возвращение ваше в Европу показало опыт искусства вашего; а вторичное путешествие в край сей удостоверило, сколь глубоко лежат в сердцах ваших благородные чувствования истинной любви к Отечеству...

И так, приступим общими силами к совершению великого дела...

Из письма видного деятеля
Российско-американской компании
Николая Резанова
лейтенанту Николаю Хвостову
и мичману Гавриилу Давыдову.
Август, 1805 год

Выпускники Морского корпуса

В начале 50-х годов XIX века историк, исследователь освоения Сибири и Тихого океана Алексей Соколов писал: «В ряду талантливых молодых моряков, начала цар-

ствования Императора Александра I, особенно замечательны Хвостов и Давыдов.

Их дальние странствия и чудные подвиги, их тесная дружба и преждевременная, таинственная смерть, были предметом всеобщего внимания, даже воспеты современными им поэтами, между другими Державиным».

Николай Александрович Хвостов и Гавриил Иванович Давыдов познакомились уже после окончания Морского корпуса. Разница в возрасте не свела их в родном учебном заведении. Хвостов закончил его в 1792 году, когда ему исполнилось шестнадцать, Давыдов — в 1798-м — в четырнадцать.

Судьба свела их в 1802 году. Николай уже участвовал в морских сражениях, Гавриил приобрел опыт дальних плаваний.

Их представили друг другу на одной из вечеринок бывших воспитанников Морского корпуса.

Современники отмечали, что Хвостов был прекрасным специалистом в морском деле, много читал, изучал, хоть и бессистемно, историю, философию, химию, математику. Как отозвался Алексей Соколов: «Чувствительность и человеколюбие, развитые в нем философиею осемнадцатого века... боролись с порывами к бранным подвигам...».

Однако были и нелестные отзывы о Хвостове: заядлый картежник, кутила, сорвиголова... Но даже недоброжелатели соглашались, что он надежная опора своим родителям и младшим братьям и сестрам.

Гавриила Давыдова знакомые характеризовали так: поэт, прекрасно образован, пылкий, влюбчивый, отважный.

В тот год, когда Хвостов и Давыдов познакомились, во главе правления Российско-американской компании был зять Григория Шелехова камергер Николай Петрович Резанов. Забытое еще в XIX столетии имя этого талантливого организатора стало известно многим россиянам в 70-х годах XX века, после знаменитой театральной постановки спектакля «Юнона и Авось». История трагической любви Николая Петровича к дочери губер-

натора Сан-Франциско Марии Кончите вдохновило немало поэтов.

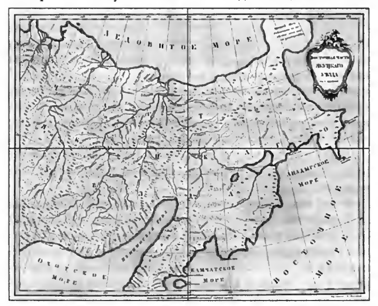
Резанов сумел добиться от Александра I разрешения принимать на службу в Российско-американскую компанию офицеров Военно-Морского флота. Одним из первых Николай Петрович пригласил Хвостова. Тот сразу согласился и уговорил Давыдова отправиться на Тихий океан.

На пути в Русскую Америку

Через несколько дней состоялись шумные проводы в столичной гостинице. Десятки флотских и армейских офицеров съехались отметить отъезд Хвостова и Давыдова к новому месту службы.

19 апреля 1802 года Николай и Гавриил отправились на Тихий океан.

О начале их долгого путешествия Давыдов вспоминал: «...я взглянул на Николая и увидел, что он старается скрыть свои чувства, может быть для того, чтобы меня



Карта восточной части Якутского уезда. 1772 г.

больше не растревожить; я пожал у него руку и сказал: у нас теперь остается одна надежда друг на друга. Тут поклялись мы в вечной дружбе».

Так же трогательно и романтично описал впоследствии эти минуты и Хвостов: «...мы поклялись быть друзьями, заменив этим всех и все...»

По дороге до Якутска друзья вели бесконечные разговоры о предстоящей службе в Новом Свете. Если на почтовой станции или в каком-нибудь селении им попадался человек, побывавший на Камчатке, на Алеутских островах, на Аляске, немедленно знакомились с ним, угощали и подолгу расспрашивали о житье-бытье, о делах на тихоокеанских землях.

В Якутск Хвостов и Давыдов прибыли в конце июня 1802 года. Этот город на берегу реки Лена с середины XVII века стал центром управления Восточной Сибири. Современник Хвостова и Давыдова Николай Щукин писал о Якутске: «Расположен более в длину, нежели в ширину. В нем считается до 300 обывательских домов ...и семь церквей. Гостиный двор каменный; в нем помещается и городовой суд...

Хотя город лежит на берегу величайшей реки, но летом и зимою умирает, так сказать, от жажды, весною же каждый почти год терпит от наводнения... Здесь господствует песок, камней нет даже на берегах Лены, а потому и мостить город нечем».

В Якутске Хвостов и Давыдов пробыли несколько дней. Получили разрешение покопаться в архиве в поисках документов об освоении русскими тихоокеанских берегов. Но времени для архивных исследований не оставалось: им надо было побыстрей попасть в Охотск, а затем, до наступления осенних штормов, отправиться в Америку.

После выезда из Якутска для Хвостова и Давыдова начались опасные приключения. Первый раз на них напали разбойники среди бела дня. Заряженные ружья и пистолеты все время находились рядом, и офицеры открыли огонь. Помогли и сопровождавшие якуты. Нападение успешно отбили.

В другой раз — Давыдова и Хвостова разбойники застали врасплох. Не было под руками пистолетов и ружей, и друзья схватились за сабли. Решительные действия офицеров остановили разбойников: кровопролития не произошло.

В середине августа Хвостов и Давыдов добрались до Охотска. В то время это был главный русский порт на Дальнем Востоке. Судно «Св. Елизавета» уже стояло на рейде Охотска, готовое к отплытию в Америку.

Первые встречи и разочарования в Новом Свете

На переход до острова Кадьяк, где в то время располагалось главное управление русской колонии, понадобилось два месяца. Судно «Св. Елизавета» несколько раз попадало в шторм и едва не погибло от пожара.

1 ноября все же удалось войти в гавань Святого Павла острова Кадьяк. Здесь Хвостова и Давыдова радушно встретил Александр Баранов.

Правитель Русской Америки устроил в своем доме настоящий пир в честь вновь прибывших офицеров. Он даже предложил им от имени Российско-американской компании большую сумму денег в подарок. Но Хвостов и Давыдов отказались, заявив, что еще ничего существенного не совершили в Новом Свете.

Баранова, привыкшего к купеческим нравам и образу мыслей, отказ офицеров от денег потряс. С восторгом он написал об этом случае Николаю Резанову.

Однако положение дел, жизненные условия русских и туземцев и на Камчатке, и в Новом Свете неприятно поразили молодых офицеров. Особенно болезненно восприняли они состояние флота Российско-американской компании.

Гавриил Давыдов писал: «Бывали примеры, что суда, из Охотска в Кадьяк, приходили на четвертый только год, потому что плавают самое короткое время, идут лишь с благополучными ветрами, а при противном лежат в дрейф... ибо не имеют понятия о лавировании...

Случалось, что суда были носимы по месяцу и по два по морю, не зная с какой стороны берег. Люди тогда до-

ходили до крайности, от недостатка пищи, а еще более воды, съедывали даже сапоги свои и кожи, коими обертывается такелаж...

Один мореход, три раза в лето ходил с Уналашки на Котовые острова, лежащие в 160 милях, и никак не мог отыскать оных. Другой мореход, в крепкий ветер, взошел на Камчатский берег столь счастливо, что после редкий вал доходил до судна. Разбудив начальника сказали ему, что судно на земле. Тогда недоуменье состояло только в узнании места, где оказались: в Японии или Америке? Но пришедший поутру солдат сказал, что они близь Большерецка (в Камчатке) ...всяк удобно себе представить может, какие трудности преодолевать, какие закоренелые предрассудки истреблять, каких привычных к буйству людей усмирять, и наконец, с каким невежеством должны мы были беспрестанно бороться».

Безалаберность и разгильдяйство многих служителей Российско-американской компании поразили привыкших к флотской дисциплине Давыдова и Хвостова. Но офицеры были готовы ко всевозможным трудностям и испытаниям.

Размолвки и ссоры

Дружба Хвостова и Давыдова все же иногда омрачалась разладами. Чем дальше от Санкт-Петербурга, тем чаще случались между ними ссоры. Спустя четыре десятилетия Соколов отмечал в записках: «Наши офицеры осматривали остров, наблюдали диких (местных жителей), охотились — особенно Давыдов...

Дружба их между собою, уже не раз была прерываема ссорами и довольно горячими: властолюбивый и крутой нрав Хвостова, раздражал его мягкосердаго и честолюбивого друга...»

Соколов приводил пример: «...подъезжая к Охотску, Давыдов как-то заупрямился при переправе через реку, и Хвостов погрозил переправить его силою; в море Хвостов, разгорячась однажды, хотел даже ударить приятеля — "поступок бешеный, говорит он в письме Давыдову, подлый, непростительный, но без намерения"...

Однакож они мирились. Извиняясь в своей горячности, называя себя сумасшедшим в иные минуты... (Хвостов) однажды ранил кортиком одного из собеседников и, раздраженный его спокойствием, воткнул кортик себе в ногу чуть не насквозь.

Хвостов со слезами вымаливал прощения — иногда сам не зная зачем, по его словам, и они по-прежнему оставались друзьями».

Личные дневники порой раскрывают автора с совершенно неожиданной стороны. Побывавший в морских сражениях, столичный кутила, человек буйного нрава, Николай Хвостов после очередной размолвки с другом на острове Кадьяк написал трогательные строки: «Теперь сижу один. Скучно. Гаврилы нет. Бог знает, где он и что с ним делается. Может быть, его нет на свете.

Все эти дни стояли крепкие ветры, и ежели он порисковал (поехав в байдаре на охоту), то легко может быть все дурное. Что тогда будет со мной? Он до сих пор был мне единственное утешение. Ежели он весел, я спокоен; ежели нет, то я мучусь, и мне кажется, что всякий его взгляд в чем-нибудь меня укоряет. Я тотчас думаю: не сделал ли чего-нибудь, не оскорбил ли его?..

Иду к нему, прошу прощения, он прощает, потом уже представляю по мере ума моего и большой опытностью; он не сердится, забывает, и в это время мы бываем веселее обыкновенного: шутим, говорим, один другого утешаем, и мне кажется, мы как будто нарочно сердимся один на другого, чтобы после помириться...»

Неизвестно, почему Хвостов не отправился с другом на охоту. Пока Гавриил Давыдов с туземцами в проливе Шелехова или в Аляскинском заливе добывал морского зверя, Николай гулял и буйствовал на острове Кадьяк.

Случалось, в разгар очередной попойки он вдруг спохватывался, замечая, что рядом нет друга. Хвостов начинал требовать от собутыльников сообщить, где находится Давыдов. Порой, с саблей в руке, он врывался в дома русских и туземцев с криками: «Куда, ироды, Гаврюху подевали?! Да я вас, басурмане и варнаки, всех порублю!..»

Кое-как удавалось усмирить буяна. Нередко этим занимался сам Александр Баранов. На другой день, после очередной выходки, раскаявшийся Хвостов приносил ему извинения. Затем лейтенант обходил тех, кому вчера грозил расправой, и просил прощения. Но проходило время, и Хвостов снова и снова кидался с саблей на поиски друга.

Необычные самоцветы

Однажды сильный шторм прервал охоту Давыдова. Волны унесли его байдару к материковому берегу. Гаврилу Ивановичу и его спутникам — алеутам — пришлось пережидать ненастье и бурю в незнакомой бухте.

Там он и повстречал индейцев, которые давно вели торговлю с русскими. Один из них сообщил, что у него есть важное дело к «бледнолицему начальнику».

Давыдов назвал свое звание и должность.

Индеец кивнул в ответ и передал ему небольшой кожаный мешок. Затем пояснил: «Несколько месяцев назад повстречал в лесу умирающего русского, совсем дикого беловолосого». Этот человек не сообщил своего имени, поскольку оно «опоганено» и у соотечественников вызовет гнев. Попросил «беловолосый» передать русским начальникам, что отыскал он в горах несметные запасы драгоценных камней.

Давыдов извлек из мешка две тонкие дощечки и целую жменю странных самоцветов. По их твердости он определил: это алмазы. Но вот цвет камней смутил его. Они были черными.

Давыдов знал о существовании прозрачных алмазов, голубого, красного, желтого, зеленого оттенков, но о черных — не слыхал. На двух дощечках неизвестный указывал местонахождение богатых россыпей необычных драгоценных камней. Кто был этот русский, за какие грехи стал одиноким скитальцем и чем «опоганено» его имя, — Давыдов так и не узнал.

Вернувшись на Кадьяк, первым делом он показал кожаный мешочек другу. Хвостов тут же предупредил Гавриила никому не рассказывать о черных алмазах. К тому

времени лейтенант крепко поссорился с Барановым, а больше в колонии он никому не доверял.

Друзья посовещались и решили о драгоценных камнях и карте доложить лишь в Санкт-Петербург, одному из приближенных к императору. Связи при дворе у них были. С того времени кожаный мешочек до возвращения в столицу Давыдов хранил при себе.

Недолгий отпуск в столице

В июне 1803 года по приказу Баранова друзья отбыли в Охотск. Они доставили из Русской Америки большую партию пушнины. Плавание прошло успешно. Осенью того же года Хвостов и Давыдов, получив соответствующий приказ, выехали в Санкт-Петербург.

Дорога в столицу заняла у них пять месяцев. На берегах Невы друзья насладились вниманием и интересом к их рассказам о Русской Америке — и в светских салонах, и в Адмиралтействе, и в кругу товарищей и родных.

Правительство, многие приближенные императора Александра I и руководство Российско-американской компании тепло встретило Хвостова и Давыдова. Вскоре им предложили вернуться на Тихий океан. Чтобы материально заинтересовать офицеров, Николая Александровича и Гавриила Николаевича сделали акционерами Российско-американской компании и вдвое увеличили жалованье.

Хвостову и Давыдову поручили, под руководством правителя русской колонии в Новом Свете, «улучшить тамошнее мореплавание, обустраивать укрепления, производить картографические работы и добрыми советами удерживать промышленных в повиновении у своих начальников».

Во время пребывания в Санкт-Петербурге друзья показали содержимое заветного мешочка одному своему знакомому. Тот сразу вынес суждение: черных алмазов не бывает в природе, и вообще драгоценные камни не могут рождаться в студеных землях Аляски. Их родина — только Африка и Индия.

В начале XIX века среди специалистов существовало мнение, будто самоцветы встречаются лишь в жарком климате.

Но что за камни были найдены на Аляске? Приятель не смог вразумительно ответить. Давыдов и Хвостов после его заключения не стали докладывать командованию о необычных американских самоцветах. Мешочек они оставили на хранение родственникам Хвостова.

В мае 1804 года друзья снова отправились в Америку.

Новое поручение

Николай Резанов назначил Хвостова капитаном корабля «Юнона», а Давыдова — капитаном тендера «Авось».

О положении дел в Русской Америке в первые годы XIX века и о том, как продолжалась служба закадычных друзей в Новом Свете, Алексей Соколов писал: «...наши колонии претерпели бедствия: шедший в Кадьяк бриг Елисавета разбился; Якутатское селение было истреблено Колошами; из двух промысловых партий множество людей погибло в море.

Ко всему этому, присоединились еще местные неприятности: часто возникавшие ссоры Хвостова и Давыдова, иногда ссоры их с Барановым и его помощником Кусковым, наконец ссоры Хвостова с самим Резановым, продолжительные и жаркие...

Резанов впоследствии рассказывал, что Хвостов приколотил Кускова и угрожал стрелять ядрами по селению Российско-американской компании на Ситхе, в которой находился Баранов; Хвостов обвинял Резанова в коварстве и дерзостях. Добрый Давыдов, забывая личные неприятности, вызывался "на коленях" просить примирения».

Николай Резанов считал необходимым развивать торговые связи с Японией и, несмотря на ссоры с Хвостовым, отвел именно ему важную роль в осуществлении этого замысла. В июле 1806 года он приказал капитану «Юноны» совершить секретную экспедицию к Сахалину и к Южно-Курильским островам, где господствовали японцы.

Сохранилось письмо, написанное в те дни Резановым Хвостову: «Начав вам, от лица всех акционеров, истинною благодарностию, за скорое вооружение вам вверенного судна и изготовление его к походу, должен сказать вам, что сперва постройка тендера, а потом медленность в вооружении его, так много отняли времени, что я, оставляя его, делаю во всем плане моему перемену».

Резанов в этом письме инструктировал Хвостова: «... на пути вашем стараться обозреть, на северной стороне 16-го Курильского острова гавань... буде благополучные ветры, в равной степени будут с искусством и попечением вашим, то зайти на Сахалин, в губу Анива, где Японцы водворились. Для сего последнего предмета, ежели нам и его достигнуть удастся, извольте принять здесь на экипаж ружья и патроны.

...многие, испытанные мною неприятности, обязывают меня предписать вам, чтоб на вверенном начальству вашему судне, хотя оно и под коммерческим флагом, но в разсуждении порядка, сохранена была, по всей строгости, вся военная дисциплина, и особа моя, уже доверенности Государя Императора удостоившаяся, и чины и отличия заслужившая, удалена была от грубости подчиненных, а тем еще паче от наглостей, которые к стыду производителей относятся».

Бурные события на Курилах и Сахалине

27 июля 1806 года суда «Юнона» и «Авось» вышли в море. Распоряжения Николая Резанова, подписанные в те дни, кажутся, на первый взгляд, противоречивыми. Он приказывал Хвостову «истребить» японские суда в сахалинском заливе Анива, а людей, пригодных по состоянию здоровья к работе, отправить в Ново-Архангельск, но тут же призывал: «...всюду сколько можно сохранять человечество, ибо весь предмет жестокости не против частных людей обращен быть должен, но против правительства, которое, лишая их торговли, держит в жестокой неволе и бедности».

Корабль «Юнона» прибыл в залив Анива в начале октября 1806 года. По приказу Николая Хвостова моряки

захватили на берегу четырех японских торговцев и сожгли их склады. Местному племени айнов командир «Юноны» вручил документ, в котором закреплялось право России на Южный Сахалин.

8 ноября того же года корабль Хвостова прибыл в Петропавловский порт. Там находился уже готовый к плаванию тендер «Авось» под командой Гавриила Давыдова.

Капитан «Юноны» за несколько дней до этого писал другу: «...ежели Россияне не освободят совершенно угнетенных островитян (жители Сахалина айны) от ига Японцев, то Аины должны быть их жертвою — сие говорили они мне со слезами, и даже самые Японцы, здесь находящиеся (подтверждали)».

Николай Хвостов со своей горячностью рвался в бой, грезил сражениями во имя освобождения айнов, на благо России. Давыдов, хоть и пытался поначалу остудить воинственный пыл друга, но вскоре сам загорелся его идеей — отправиться к берегам Сахалина и Курильских островов.

Хвостов призывал выйти в поход немедля. Однако зимние холода и штормы, необходимость ремонта судна заставили его отложить плавание до весны.

В мае 1807 года корабли «Юнона» и «Авось» наконец отправились в долгожданный поход. Суда шли по разным сторонам Курильских островов, чтобы сделать их описание. На одном из островов по приказу Хвостова были взяты в плен пять японцев. Вскоре троих из них отпустили на свободу, а двоих оставили в качестве переводчиков. На островах Кунашир и Уруп, непонятно зачем, команда «Юноны» сожгла японские склады. В том же месяце в заливе Анива была основана русская колония.

Сохранилось сообщение о захвате японской крепости и селений на Курилах в мае 1807 года. Высадившиеся на берег русские «...нескольких Японцев убили и многих ранили; но потом, расстреляв взятые с собою патроны, были принуждены возвратиться на судно. На другой день высадили новый десант, но уже все Японцы скрылись, оставив на месте два больших единорога, три мортиры, две пищали и несколько ружей... Магазинов (скла-

дов) было до десяти, наполненных пшеном и всякого рода товарами. Тот час же все лучшее стали грузить на судно, а между тем команда добралась до саги (хмельной напиток), перепилась и начала буйствовать».

Затем совершались высадки русского десанта на островах Уруп и Сахалин. Хвостов жаждал сражений, но японцы уходили от столкновений. Они оставляли не только селения, но и суда.

Из записей об этом походе «Юноны» и «Авось» можно узнать, что: «... 22 (июня) остановились... у островка Ріошери (Пик-де-Ланиль). Овладев здесь одним Японским судном, нагруженным пшеном и солью... взяли этот груз себе, а судно сожгли. Обогнув островок, на другой стороне его встретили еще судно, нагруженное рыбою, тоже оставленное командой, которое потопили, а потом еще два, также без людей; из них одно оказалось военным, с пушкою, нагруженное пшеном и разными припасами, а другое рыбою; их тоже сожгли, сняв лучший груз.

На берегу острова нашли Японское заведение, состоявшее из четырех казарм и нескольких сараев, но в котором также не было ни одного человека и которое также сожгли... 30-го июня, сделав поздравительный друг другу салют, наши суда оставили Японию и пошли к своим берегам».

«Юноне» и «Авось» предстояло летом того года отправиться в Русскую Америку. Прибыв в Охотск, Хвостов поспешил отослать в Санкт-Петербург победную реляцию. Но его поход был оценен совсем не так, как он ожидал.

Арест и бегство

Недобрая весть о самоуправстве и бесчинстве командира «Юноны» и участников его экспедиции облетели Русскую Америку и все поселения Дальнего Востока. Появились нелепые слухи о сотнях убитых и плененных японцах, о захвате и сожжении десятков городов, о присвоении сокровищ японского императора, о создании Хвостовым гаремов для себя и Давыдова.

Начальник Охотского порта капитан 2-го ранга Иван Бухарин принял решение арестовать обоих офицеров и допросить всех моряков «Юноны» и «Авось». Спешно была создана следственная комиссия. Как только Николая Хвостова и Гавриила Давыдова взяли под стражу, начальник порта приказал разгружать и тщательно досматривать экспедиционные суда.

Видимо, он поверил слухам и надеялся отыскать драгоценности японского императора. Однако бдительного служаку ожидало разочарование. По свидетельству участников события, при досмотре «Юноны» и «Авось» груз на этих судах, «...оцененный Бухариным примерно в 18 000 рублей, состоял главнейшее из пшена (2251 пуд), саги (144 ведра), соли (269 пудов), разных одеяний, кусков материй, домашних утварей, инструментов, нескольких картин и книг, одной большой пищали, двух пушек, трех мартирок, сорока пяти ружей и разных других воинских принадлежностей — сабель, стрел, лат, шишаков и проч.».

Но где захваченные командиром корабля «Юнона» драгоценности, о которых ходили упорные слухи?

Два месяца друзья содержались под стражей, а их подчиненные подвергались допросам. Наконец, с помощью жителей Охотска Гавриилу Давыдову и Николаю Хвостову удалось бежать.

От погони, посланной Бухариным, им приходилось прятаться в тайге, скрываться у местных охотников. В начале октября беглецы смогли добраться до Якутска. Там их снова взяли под стражу. Вскоре пришел приказ доставить Хвостова и Давыдова в Санкт-Петербург.

«Без орденов — зато на свободе»

В столице друзья оказались весной 1808 года. Началось следствие: донесение коменданта Охотского порта «о злодеяниях» Гавриила Давыдова и Николая Хвостова уже давно находилось в Санкт-Петербурге.

В тот год Россия вела войну со Швецией, и оба офицера, в качестве наказания, были отправлены в Финляндию, где проходили боевые действия.

Шлюп «Диана»

По отзывам командующего, друзья проявили там чудеса храбрости. Не расставались они и в сражениях. За подвиги их представили к наградам: Хвостова — к ордену Св. Георгия, Давыдова — к ордену Св. Владимира.

Но император Александр I вынес резолюцию: «Не получение награждения в Финляндии, послужит сим офицерам в наказание за своевольства противу Японцев».

«Без орденов — зато на свободе» — прокомментировал высочайшее решение Хвостов.

Теперь друзьям ничего не грозило за самоуправство и вооруженные конфликты на островах Тихого океана, а значит, можно было строить планы на будущее.

Правда, отчасти из-за бесчинства отряда Хвостова в японских селениях пленниками Страны восходящего

солнца оказались члены экипажа русского шлюпа «Диана». Командовал этим кораблем Василий Михайлович Головнин. Власти Японии приказали захватить русских моряков в 1811 году и продержали в плену около двух лет. России все же удалось доказать, что экипажи «Юноны» и «Авось» действовали без ведома царского правительства.

Капитан Василий Головнин и его подчиненные после долгих проволочек были отпущены японцами.

Загадочные встречи

Вернувшись из Финляндии, Николай и Гавриил некоторое время наслаждались столичной жизнью. Балы, вечеринки с приятелями, визиты к родственникам, посещение театра... Но знакомые подметили, что Хвостов и Давыдов стали равнодушно относиться к увеселениям, которые может даровать Санкт-Петербург.

Пошли разговоры о том, что друзья задумали снова отправиться в Русскую Америку.

Так ли было на самом деле?

Действительно, Хвостов и Давыдов в кругу близких высказывали такие мысли и даже намекали, что намерены в Новом Свете начать свое самостоятельное, независимое от Российско-американской компании, дело. К подобным заявлениям в правлении Компании, где они по-прежнему являлись акционерами, всерьез никто не отнесся. Мало ли что наговорят подгулявшие моряки, известные своими сумасбродными выходками?..

Хоть и держали Николай Хвостов и Гавриил Давыдов в тайне привезенные из Америки черные алмазы, слух об этих самоцветах все-таки стал достоянием многих. Отсюда и появились предположения, будто друзья собираются добывать в Северной Америке драгоценные камни.

Когда Хвостова и Давыдова спрашивали об этом напрямую, они лишь загадочно улыбались и неизменно отвечали: «Всему свое время... Настанет час, и мы вас посвятим в свои планы...»

Осенью 1809 года в Санкт-Петербург прибыл американский капитан и судовладелец Вольф. Он познакомился с Хвостовым и Давыдовым еще на острове Кадьяк.

В российской столице давние знакомые частенько проводили вечера втроем. О чем они говорили и какие планы строили, о том никому не рассказывали. Умалчивание, как известно, разжигает любопытство и рождает всевозможные слухи.

Правление Российско-американской компании всполошилось: что задумали Вольф, Хвостов и Давыдов?.. От этой троицы можно было ожидать любых авантюрных поступков.

Подкуп слуг Николая Александровича и Гавриила Ивановича не принес результатов. «Господа пьют ром, перекидываются в карты и шепчутся. Какие-то разговоры ведут — услышать нет возможности...» — подобные ответы получали от слуг агенты Российско-американской компании.

К тому времени в Санкт-Петербурге даже в научных кругах не отрицали существования черных алмазов и того, что самоцветы могут встречаться на Аляске.

Гибель или бегство?..

Есть несколько упоминаний современниками о роковой, для Хвостова и Давыдова, октябрьской ночи 1809 года. Согласно Алексею Соколову: «Вечер 4-го Октября они провели у общего их приятеля, естествоиспытателя Лангедорфа (Григорий Иванович Лангедорф), одновременно с ними бывшего в Америке, и возвращаясь в два часа ночи с Васильевского острова на другую сторону Невы, были остановлены разведенным Исаакиевским мостом. Торопясь переправою, они хотели воспользоваться шедшею в это время между неразведенных флашхоутов баркою, чтобы перескочить по ней, оступились, упали в воду и были унесены течением...

Было предположение, что они бежали, вместе с их приятелем Вольфом, в Америку; по другим, один Хвостов бежал, а Давыдов погиб. Не знаем ничего верного. Известно только, что ни трупов их не найдено, и никаких слухов о дальнейшей судьбе их не доходило».

Вскоре после гибели или исчезновения Хвостова и Давыдова исследователь Русской Америки Григорий

Лангедорф покинул Санкт-Петербург. Правда, вскоре он вернулся.

Куда ездил?.. Почему так поспешно отправился в путь?.. На праздные вопросы ученый отвечал: ездил навещать родных, и эта поездка никак не связана с Хвостовым и Давыдовым.

Поговаривали в Санкт-Петербурге, что именно Лангедорфу друзья показывали черные алмазы. Ученый отметал эти слухи и уверял, что ничего не знает ни о драгоценных камнях, ни о карте на дощечках. Родственники Хвостова, которым Николай Александрович якобы оставлял на хранение черные алмазы, уклонялись от разговоров на эту тему.

«И смерть не разлучила вас...»

В 1810 году была издана работа Гавриила Ивановича Давыдова «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, описанное сим последним». Предисловие к этой книге со стихотворным посвящением погибшим офицерам написал дядя Николая Хвостова вице-адмирал А.С. Шишков:

Чего не отняли ни реки, ни пучины,
Ни гор крутых верхи, ни страшные стремнины,
Ни звери лютые, ни сам свирепый враг,
То отнял все один... неосторожный шаг...

В своем предисловии Шишков поместил поэму Анны Волковой, посвященную Гавриилу Давыдову и Александру Хвостову:

... Успехи бедствия делили
Вы меж собой во всякий час,
Всей жизни неразлучны были,
И смерть не разлучила вас...

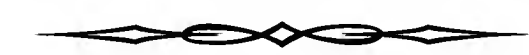
Когда с друзьями произошло несчастье, одним из первых откликнулся на это поэтическими строками Гавриил Романович Державин. Его стихотворение «В память Давыдова и Хвостова» было написано в декабре 1809 года.

Как заметил один из исследователей Русской Америки, друзья навсегда остались вместе. В западной части Алеутских островов есть два острова — Хвостова и Давыдова. Их разделяет лишь одна миля.

В конце XIX века на юго-востоке Аляски отряд старателей укрылся от ненастья в горной пещере. Проводник-индеец посоветовал бледнолицым не углубляться в нее: там обитают «властители черных сверкающих камней».

Так пришельцы, добытчики золота, услыхали об алмазах в этом северном краю. Но отыскать самоцветы на Аляске не удалось. В современной справочной литературе нет сведений о находках на полуострове драгоценных камней. Лишь от жителей селений с берегов Юкона и Маккензи еще можно услышать предания о россыпях черных алмазов, об их волшебных свойствах и о бедах, которые они могут принести людям.

НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ РУССКОЙ АМЕРИКИ



В 1810 году усмотрел почтенный Баранов, что бобровый промысел ежегодно уменьшается, а по сему и обратился он к берегам Калифорнии, где, как ему известно было, бобров (каланов) довольно. Помощник Баранова, Иван Кусков, плававший два года к Калифорнии, предложил завести там колонию, и с общего согласия с начальником своим, водворился в 1812 году в месте, лежащем на широте 38 градусов и 33 минуты. Новое селение сие названо было Росс, и расположено при речке Славянка.

Хронологическая история открытия Алеутских островов, или Подвиги Российского Купечества. Санкт-Петербург, 1823 год

БЛАГОСЛОВЕННАЯ СТРАНА

...поступать расселением российских артелей для примирения американцев и прославления российского государства по изъясненной Земле Америке и Калифорнии...

Из наказа Григория Шелехова своим преемникам

Обеспокоенность Испании

Индейцы племен толова, хупа, чилула калифорнийское побережье называли землей «ожидания больших перемен». Согласно преданиям, эти перемены принесут и буйные, и едва ощутимые ветры с Тихого океана.

Чего ожидали индейцы: лучшей судьбы или предстоящих неотвратимых бед и катастроф? Шаманы просили духов открыть тайну будущего. Но духи оставались равнодушными к их просьбам. Они лишь неопределенно предостерегали о загадочных пришельцах.

Разительные изменения в жизни индейцев, действительно, настали в XVI веке, когда испанские конкистадоры захватили земли от Мексиканского залива до Тихого океана и огромные территории в Центральной и Южной Америке. Завоеватели быстро осваивались на вновь открытых землях. Порабощались и вытеснялись индейские племена, возводились крепости и селения. Чужеземцы ревностно следили, чтобы у берегов захваченных территорий не появлялись корабли других стран. Они тоже предчувствовали ветры перемен с Тихого океана.

В конце XVII века тревогу у испанцев вызвал приход судна с двумя десятками вооруженных русских в Северную Калифорнию. Кто были эти люди? Из какого порта явились и куда ушли? Колонизаторы так и не смогли выяснить, хотя и поняли, что русские прибыли разведать места промыслов морского зверя и исследовать берега Северной Калифорнии.

Обошлось без конфликта и вооруженных стычек.

С середины XVIII века испанцы внимательно следили за освоением русскими островов в Тихом океане и материковой части Америки. В 1760 году были восстановлены дипломатические отношения между Россией и Испанией. Это позволило Мадриду получать больше информации о событиях и открытиях в северных водах Тихого океана.

В январе 1768 года первый министр Испании маркиз Гримальди писал: «Русские несколько раз пытались отыскать путь к Америке и недавно осуществили свое намерение... Мы уверены, что они добились успеха и достигли материка, но не знаем, на какой широте высадились... полагаем, что они снарядят новые экспедиции для продолжения своих открытий».

Гримальди требовал от губернатора Калифорнии информировать о любых появлениях русских на вверенной

ему территории и всячески мешать их общению с туземцами, продвижению вглубь континента, в исследованиях, в добыче пушнины, леса, полезных ископаемых.

Экспедиция Ивана Кускова

Среди русских колонистов в конце XVIII века ходили слухи о «Благословенной стране», богатой зверем, плодородной землей, лесом и золотом. Под этой страной подразумевалась Калифорния. Возможно, в слухах не было преувеличения. Вот только непонятно насчет золота. Драгоценный металл там нашли много лет спустя.

О заинтересованности Русско-американской компании в торговле с Калифорнией и освоении ее территорий писал в середине XIX века Петр Тихменев. Он отмечал, что Калифорния, как по плодородию земель, так и по близости русских колоний, может стать выгодным партнером в торговле. «На первое представление (Российско-американской) Компании, в 1808 году, о разрешении ей торговли с Калифорнией, государственный канцлер объявил: что со стороны правительства было сделано в то же время предложение Испании по этому предмету...».

В то время коренным жителям Калифорнии и колонистам запрещали торговать с русскими. Поэтому свою продукцию они тайно продавали контрабандистам.

В 1808 году Александр Баранов отправил в Калифорнию два судна. Экспедицию возглавил Иван Александрович Кусков.

Петр Тихменев писал, что Кускову, помимо переговоров о торговле, поручалось контролировать промысел русской артели, «следовавшей под прикрытием этих судов...

...Одному из них, шхуне «Николай» с частию промышленников, под предводительством передовщика Тараканова, было приказано употребить всевозможные старания к открытию торговых сношений с туземцами при устьях реки Колумбии, и затем соединиться с Кусковым, находившимся на корабле «Кадьяк», в порте Гавр-де-Грей (севернее Калифорнии). Вблизи этого места шхуна

разбилась, и туземцы, заметив ее крушение, напали на экипаж.

Один из матросов был убит, другие переранены, а четыре женщины, и в том числе жена командира шхуны, штурмана Булыгина, захвачены в плен. Остальные люди успели скрыться в лесе, где и скитались долгое время...

Прозимовав в возведенном из древесных сучьев шалаше, они построили с наступлением весны лодку, на которой намеревались добраться до колонии (в Русскую Америку), но изнуренные нуждой и болезнями были взяты туземцами без всякого сопротивления, и развезены по разным селениям в окрестностях залива Жуан-де-Фука. В начале 1809 года Булыгин, жена его, двое русских и двое кадьякцев умерли, а остальные люди были выручены из неволи, чрез несколько месяцев...».

Согласие правителя

Продвижение русских вдоль тихоокеанского побережья Америки к Калифорнии в начале XIX века сопровождалось немалыми человеческими потерями. Помимо экспедиций, снаряженных по приказу Александра Баранова, в земли, где находились поселения испанцев, русские промысловики отправлялись и по собственной инициативе. Одни из них погибали в стычках с индейцами, другие пропадали без вести, но те, кто возвращался на север, в Русскую Америку, рассказывали о плодородных землях и пушных богатствах Калифорнии.

Судно «Кадьяк» благополучно возвратилось в Ново-Архангельск. Иван Кусков доложил Баранову о результатах плавания и сообщил, что в заливе Румянцева (Бодего), неподалеку от основанного в 1776 году испанцами города Сан-Франциско, есть земли, удобные для поселений.

Александр Баранов не сразу решился на строительство русского форта. В 1810 году на корабле «Юнона» Иван Кусков снова отправился к берегам Калифорнии. Ему было поручено более детально изучить местность, где можно устроить селение.

Поход Кускова в тот раз оказался неудачным. У островов Королевы Шарлотты (в наше время входят в состав

Канады) на его промысловую артель напал большой отряд индейцев. Восемь промысловиков погибли. Эта трагедия расстроила планы Кускова, и он возвратился в Ново-Архангельск.

Однако в следующем году Ивану Александровичу все же удалось закрепиться в Калифорнии. Он щедро одаривал вождей местных племен, налаживал добрые отношения с рядовыми индейцами. Ему удалось добиться от туземцев разрешения на земельные участки, необходимые для будущей колонии.

В конце 1811 года Кусков возвратился в Ново-Архангельск. Александр Баранов, выслушав его доклад, наконец дал согласие на строительство в Калифорнии самого южного русского поселения в Северной Америке.

Из записок Петра Тихменева о Форте Росс

В марте 1812 года Иван Александрович приступил к созданию нового форта. Место для него выбрали в небольшой бухте (в 80 километрах к северу от современного Сан-Франциско), «...в 15-ти итальянских милях от залива Румянцова, под 38 градусами N (северной) широты и 123 градусами О (западной) долготы. — Ко дню тезоименитства Государя (30 Августа), укрепление со всеми службами было готово, и в этот день, со всевозможною торжественностию, освящено с наименованием его Россом», — писал историк и публицист Петр Тихменев.

Как служителю Российско-американской компании, ему приходилось бывать в Форте Росс. Он составил его подробное описание: «Укрепление было расположено на пригорке, выше горизонта воды около 110 фут и вооружено 10-ю орудиями. Пригорок, склоняясь к морскому берегу, оканчивался утесом высотою до 70 футов. На склоне его находились жилища алеутов, которые, подражая русским, отстраивали их, против обыкновения, с большим старанием, так что простых землянок было весьма немного.

Для всех построек употреблялась красная сосна (дерево, похожее на лиственницу). Чтобы не отнять у алеутов охоты к лучшему, по их мнению, устройству себе поме-

щений, Кусков предоставил расположение домов совершенно на волю каждого, не заботясь о правильности расположения улиц и об оригинальности самых строений.

К западу от селения предполагалось устроить различные заведения для скота, к содержанию которого не представлялось в то время затруднений, по возможности оставлять его на целый год на подножном корму...

При заселении не было хорошего рейда, так что суда могли стоять безопасно только при NW ветрах. Вблизи берега находилось много подводных камней. На половине расстояния между укреплением и заливом малый Бодего протекала река Славянка, по туземному Шабакай...

По реке, на большое расстояние от морского берега, находилось много надводных и подводных, избитых сильным волнением камней, из числа которых один, замечательный по огромности, имел в середине как-бы нарочно устроенные ворота, получившие названия Славянских.

Пристань располагалась в малой губе к югу от укрепления. Возле нее были устроены верфь (в течение 1818—1819 гг. на ней под руководством Ивана Кускова построены бригантин "Румянцев" и бриг "Булдаков") и сарай, в котором хранились байдары и производились в дурные погоды работы по судостроительной части. В некотором отдалении от них была кузница. Ложбина между пристанью и укреплением как бы окаймлялась огородами... В них разводилось достаточное количество овощей, для снабжения жителей заселения...

Прочая пища русских состояла из мяса сивучей и местной птицы Ар... В реке Славянке добывалась иногда рыба, похожая на осетрину. В окрестностях-же ее промышляли зубров, диких коз, баранов и нерп.

Для размножения скотоводства Кусков запасся лошадьми и рогатым скотом от ближних туземцев и наконец привез несколько штук, и в том числе овец, на судне "Ильмень" из Калифорнии.

По учреждении заселения Росс промысел пушных зверей шел неуспешно, потому-что при производстве разных построек людей отделялось для промысла весьма

мало, и то на недальное расстояние. Ловить бобров в самом заливе С.-Франциско испанцы, несмотря на старания Кускова, не дозволяли».

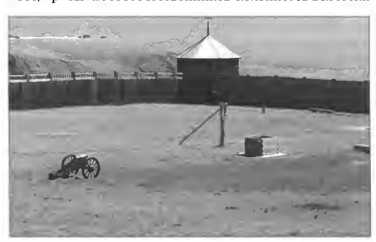
Отзывы путешественника

Русскую крепость в Калифорнии посещал знаменитый мореплаватель и исследователь Василий Михайлович Головнин. Всегда сдержанный на похвалу и восторги, он все же восхищался этим краем. «Калифорния есть одна из тех благословенных стран земного шара, на которые природа излила все дары свои, могущие споспешествовать народному богатству, величию и счастью...

В Калифорнии все для человека нужное есть и быть может в чрезвычайном изобилии, кроме дорогих металлов; но и те со временем, вероятно, откроются», — писал Головнин.

Красота природы этого уголка Америки не укрыла от опытного путешественника бедности местных жителей и того, как испанские колонизаторы угнетают калифорнийских индейцев.

Головнин, как и другие русские, посещавшие Форт Росс, призывал соотечественников-колонистов всячески



Форт Росс

укреплять добрые взаимоотношения с аборигенами. Это не всегда удавалось. Племена калифорнийских индейцев сами нередко враждовали друг с другом и порой втягивали в свои конфликты «бледнолицых». Случалось, что испанцы подговаривали аборигенов совершать провокации против русских.

Рядом с Фортом Росс обитало племя кашайа. Несколько миль на восток располагались селения индейцев — южные помо. Южнее форта жили береговые индейцы племени мивок.

Русские колонисты налаживали с ними торговлю и нередко устраивали официальные встречи, переговоры представителей Российско-американской компании с вождями племен.

В сентябре 1818 года в Форт Росс прибыл шлюп «Камчатка» под командованием капитана Василия Головнина. Прославленный путешественник и исследователь встречался с калифорнийскими индейцами. О своих наблюдениях и выводах он писал из Форта Росс в Санкт-Петербург морскому министру: «Дружеское расположение сего народа, до сего времени продолжающееся к русским, ясно свидетельствует, что они не насильно завладели сею землею.

Русские промышленники по одному и по двое ходят стрелять в леса диких коз, часто ночуют у индейцев и возвращаются, не получив от них ни вреда, ни обиды. Напротив того, испанцы в малом числе и без оружия показаться меж ними не смеют, иначе все будут биты. Индейцы сии охотно отдают своих дочерей в замужество за русских и алеутов, поселившихся у них; и в крепости Росс теперь их много. Через сие составились не только дружество, но и родственные связи».

В записках Головнина о Русской Америке были не только положительные оценки. Он критиковал и Александра Баранова, и его помощников, и руководство Российско-американской компании за состояние дел в колонии. Нелестно Василий Михайлович отзывался о действиях англичан, американцев и испанцев на Тихом океане, на островах и западном побережье Америки.

Он писал о вреде, который наносят иностранные контрабандисты Российско-американской компании в Новом Свете: «Неужели урон, который Компания терпит от сих контрабандистов, и зло, какое они колониям и служителям ее наносят... господам директорам неизвестны?

Кажется, можно быть уверену, что если бы главное правление Компании представило о сем зле куда следует и просило бы о защите Высочайше дарованное Компании (Российско-Американской) привилегии и пособия к обороне ее имущества, то прозорливое и попечительное правительство не отказало бы в просьбе онаго».

Калифорнийский индеец

Головнин также отмечал, что правлению русских колоний в Америке недостает «...трех вещей: определенных должностей, различия чинов и единообразной одежды или мундира, и что иностранцы, посещающие колонии и не находя в них что-нибудь похожее на области и укрепления места, российскому скипетру принадлежащие, т.е. ничего подобному регулярному гарнизону, могут скорее заключить, что эти места ничто иное, как временные оборонительные укрепления, сделанные промышленниками для защиты себя против диких, следовательно и никакого к ним уважения иметь не могут. ... польза самой Компании требует, чтобы люди, занимающие различные должности в ее службе, имели не только разное жалованье, но и другие преимущества, соразмерные их занятиям, и сверх того была бы им открыта дорога к наградам от правительства по мере заслуг, кои они, посредством Компании, могут оказать отечеству».

Многие замечания Головнина были учтены правлением Российско-американской компании. Конечно, не все удалось исправить, но его предложения и советы во многом помогли Русской Америке.

Во время своего кругосветного плавания в 1817—1819 годах Головнин побывал на Камчатке, на Алеутских и Командорских островах, посетил Калифорнию, Гавайские, Мариинские острова и большинство поселений Русской Америки.

После возвращения в Санкт-Петербург Василий Михайлович был назначен вначале помощником директора Морского корпуса, а затем — генерал-интендантом флота. На этом высоком посту Головнин сумел значительно преобразовать и укрепить русский флот, подготовить для него достойных офицеров и специалистов разных профессий. Им было написано много книг и статей, в том числе и о Русской Америке.

Недоброжелатели русской южной колонии

Возникновение в Северной Калифорнии русского укрепления заставило испанцев принимать более решительные меры против конкурентов. Осенью 1812 года на

разведку в Форт Росс они отправили отряд под командованием лейтенанта Морага. Он и его солдаты были тепло приняты в крепости-поселении.

В донесении Ивана Кускова сообщалось, что испанцев «настращали... американские корабельщики, уверяя, что россиян цель есть выгнать испанцев из Калифорнии».

В 1815 году губернатор Верхней Калифорнии испанец Висенте де Сола потребовал ликвидации Форта Росс. А спустя некоторое время в Санкт-Петербурге испанский посол заявил протест по поводу пребывания русских в Калифорнии.

Однако недовольство Испании не переросло в конфликт на берегах Тихого океана. Как полагал академик Н.Н. Болховитинов, в этом помогла сделка с российскими кораблями, в продаже которых был заинтересован Мадрид.

Руководство Российско-американской компании на протест испанского посла ответила обстоятельным письмом. В нем доказывалось право на пребывание в Северной Калифорнии русских, на добычу морского зверя и на существование Форта Росс.

Недоброжелатели этого укрепленного селения находились не только среди испанцев. В Санкт-Петербурге некоторые высокопоставленные чиновники также высказывали мнение, что необходимо оставить Форт Росс.

Первые десять лет колония в Северной Калифорнии не принесла Российско-американской компании выгоды. Однако, по мнению Петра Тихменева, существование Форта Росс помогало судам, направленным из Ново-Архангельска в Калифорнию, доставлять товары и вывозить оттуда продовольствие.

В начале 1820 года правитель Русской Америки капитан 1-го ранга Леонтий Андреевич Гагемейстер писал в Санкт-Петербург министру иностранных дел графу Нессельроде: «Хотя употребленный на заведение сей оседлости (Форт Росс) немаловажный капитал не возвратился компании пользами от него ожидаемыми, по кратости времени, и потому, что у компании нет еще таких людей, кои-бы там поселились прочно с семействами,

и обзавелись домами и землею, и имея их в неотъемлемой собственности, плоды трудов своих передавали бы компании, но при всем том испанское правительство Новой Калифорнии настоятельно требует уничтожения той оседлости и удаления русских людей почитая землю под оною занятую, и даже все берега Нового Албиона принадлежащими испанской короне по первооткрытии Америки Колумбом и может быть, до сих пор, употребило бы уже насильственные меры, ежели бы в состоянии было оные произвесть».

«Деревцо крепло и возрастало»

Хоть и возникали в Калифорнии территориальные споры, все же через пару лет после возникновения Форта Росс между испанскими и русскими колонистами сложились добрые неформальные отношения. Испанцы охотно приобретали металлические изделия, одежду, инструменты, изготовленные в русских колониях Нового Света. Жители Форта Росс, в свою очередь, нуждались в продовольствии, которое поставляли испанцы, а на Аляску они отправляли дубовый лес в виде брусьев и досок.

Агенты Мадрида сообщали, что первые в Калифорнии судостроительные верфи, ветряные мельницы, фруктовые сады и виноградники появились благодаря колонистам из России.

Один из русских моряков в начале 30-х годов XIX века, побывав в Калифорнии на реке Славянка, заявил, что в «Благословенной стране» взошло новое деревцо, именуемое Форт Росс. Несмотря на трудности, это «деревцо» крепло и возрастало. Многие русские поселенцы верили тогда, что ему уготована долгая жизнь и процветание.

В 1825 году известный русский мореплаватель и ученый Отто Евстафьевич Коцебу, побывав в Калифорнии, писал: «Сознаюсь, я не мог не подумать о том, как счастлива была бы данная страна (Калифорния) под защитой нашей великой империи и какие выгоды получила бы от этого сама Россия».

Спустя пять лет после посещения Коцебу в окрестностях Форта Росс появились новые русские поселения. На

южном берегу реки Славянка было построено ранчо Петра Костромитинова, состоявшее из дома хозяина, дома для работников, амбара, пекарни, молотилки, загона для скота, кузницы, винного погреба, табачного склада.

В нескольких километрах к востоку от залива Бодегу основал свое хозяйство Василий Хлебников. Еще одно русское ранчо в окрестностях Форта Росс принадлежало Егору Черных. Он выращивал пшеницу, овощи, фрукты.

К 1836 году русская колония в Калифорнии насчитывала 260 человек.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Границами округа российского заселения около Росса, со стороны Калифорнии, судя по местным обстоятельствам, желательно бы было назначить речку Ливантулу, впадающую в залив Большой Бодего. Вдоль берега к северу полезно было бы выговорить протяжение земли на два градуса... начиная от Росса, пространство северо-западного берега Америки даже до реки Колумбии не занято еще ни одною державою.

Кирилл Хлебников

Новые объекты на карте Калифорнии

В середине прошлого века журналист Арт Шилдс писал, что вряд ли можно установить, сколько на самом деле экспедиций организовали русские в Северной Америке в период с 1800 по 1867 год.

Администрация русских колоний в Америке понимала, что для укрепления своего влияния в Калифорнии, для существования Форта Росс необходимы исследования земель, экспедиции вглубь континента.

В первые годы жители крепости осваивали на побережье Калифорнии пространства от мыса Барро-де-Арена до Сан-Франциско. Со временем русские колонисты стали исследовать земли все дальше от Форта Росс. Они открывали неизвестные реки, озера, горы, долины, мор-

ские заливы. Так были нанесены на карту две реки, впадающие в залив Сан-Франциско.

Как отмечал Василий Михайлович Головнин, «...русские ездили верст на сто и нашли там высокую горящую огнедышащую гору (вулкан Шаста), о существовании которой испанцы и не слыхивали».

Помимо Форта Росс, в то же время в Калифорнии были основаны еще два русских селения. Одно из них — Порт Румянцев, состоявший из складских помещений, бани и нескольких жилых домов. Другое селение находилось на Фараллонских островах. Там располагалась артель, добывавшая котиков, сивучей, каланов.

Как отмечали американские исследователи, на карте Калифорнии не были обозначены десятки одиноких русских жилищ, затерянных в глухих уголках этого штата. Даже в тридцатых годах прошлого века в лесах Калифорнии встречались полусгнившие избы времен Русской Америки.

Незавершенная работа

Деятельный Кирилл Хлебников часто навещал и Порт Румянцев, и артель на Фараллонских островах. Он также посещал испанские селения Калифорнии и католические миссии: Санта-Клара, Санта-Круц, Сан-Рафаэль и другие. Хлебников постоянно вел дневник, описывал жизнь и нравы калифорнийских индейцев, испанских колонистов и своих соотечественников. А еще он собирал предания туземцев, с их слов рисовал карты американских земель, куда ему самому не удалось добраться.

Небогатый кунгурский купец Кирилл Хлебников был достойным соратником Александра Баранова. Он стал правителем конторы Российско-американской компании в Ново-Архангельске. После многолетней деятельности в Новом Свете его назначили директором Российско-американской компании и избрали членом-корреспондентом Академии наук. Современники не зря называли Хлебникова «подлинным летописцем Русской Америки».

В 30-х годах XIX века он много писал о природе Аляски, Тихоокеанских островов и Калифорнии, о быте русских в Новом Свете, о традициях индейцев Северной Америки, аборигенов Перу, Бразилии, Сандвичевых островов. Особое внимание в записках Хлебников уделял своим друзьям и соратникам по Русской Америке: «... Увидев Петербург и Кронштадт, я представляю великого их зиждителя (он имел в виду Петра I); при воззрении на Юный Свет следую за Колумбом; в Перу вспоминаю Пизарро и Лас-Казаса; в Чили — Вальдивию; взглянув на Чимборазо — прославляю Гумбольда; но с первых шагов в Сибирь приветствую Ермака; в Кадьяке — Шелехова, и на северо-западных берегах Америки — Баранова...»

За несколько дней до гибели Александра Сергеевича Пушкина Хлебников отправил ему свою рукопись «Введения в историческое обозрение российских владений в Америке...». Великий поэт в то время работал над статьей об освоении русскими Камчатки. Завершить ее он не успел.

Последняя воля

Хлебников ненамного пережил Пушкина. В апреле 1838 года директор Российско-американской компании встретился в Санкт-Петербурге со своими соратниками — штурманом Михаилом Васильевым и известным ученым и мореходом Фердинандом Врангелем. Конечно же, друзья вспоминали Русскую Америку, обсуждали планы будущих экспедиций в Новом Свете.

Во время той встречи Хлебников сообщил Врангелю и Васильеву, что в ближайшие дни передаст им для ознакомления записки никому не известных русских путешественников. Свои экспедиции они проводили от Форта Росс — на восток и северо-восток континента. В силу разных причин эти путешествия совершались без ведома руководства Российско-американской компании.

Кирилл Хлебников объяснил, что записки он заполучил, еще находясь в Калифорнии. Но до сих пор не успел их по-настоящему исследовать. Врангель и Васильев за-

интересовались неизвестными документами русских экспедиций вглубь Северной Америки.

Друзья расстались, условившись встретиться через несколько дней. Но едва Хлебников сделал несколько шагов, как рухнул без сознания прямо на мостовую. В ту же ночь, почти не приходя в сознание, он скончался в доме Фердинанда Врангеля.

В предсмертном бреду Хлебников отдавал непонятные распоряжения и еще просил друзей забрать часть его архива у какого-то сибирского купца. Имя назвать не успел, но сообщил: этот человек недавно прибыл в Санкт-Петербург.

Врангель и Васильев поняли, что у купца находятся и записки неизвестных русских экспедиций по землям на восток и северо-восток от Калифорнии.

Удалось ли исполнить волю умирающего? Об этом в научной литературе нет упоминаний. Исследователи архива Кирилла Хлебникова ничего не сообщали о материалах, связанных с загадочными экспедициями жителей Русской Америки. Отрывочные сведения об этих путешественниках хранились у старейшин некоторых родов калифорнийских индейцев. В самом начале XX века скудная информация об экспедициях, упомянутых Кириллом Хлебниковым, попала к американским журналистам.

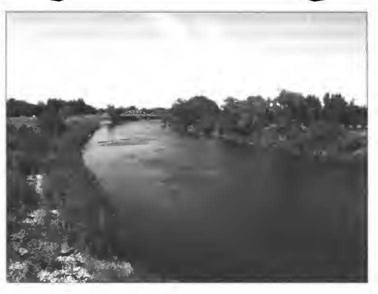
НЕВОЗВРАТНЫЙ МИР

...Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злому,
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном.

Константин Бальмонт

«Не препятствовать предначертанному»

Двое бывших матросов покинули тайком Форт Росс. Пару дней это событие не тревожило русских колонистов. Не раз случалось, что соотечественники отправля-



Река Сакраменто

лись в гости к индейцам или к испанцам на денек-другой, а оставались там на неделю.

Забеспокоились в Форте Росс, когда в крепость явились туземцы с реки Отане, притока Сакраменто. Доставили они для обмена пушнину и сообщили: ночевали недавно у них в поселке двое русских — Большой Иван и Малый. Куда точно и зачем они держали путь, — не сообщили.

Но индейцы видели, как гости подолгу рассматривали карту на куске высохшей кожи.

Что намеревались искать русские за рекой Сакраменто, — туземцам выяснить не удалось. Бледнолицые интересовались тропой, проходящей на восход солнца, южнее горы, в которой обитают «подземные громы и молнии». Так в те времена индейцы называли вулкан Лассен-Пик.

Тропу бледнолицым они показали, но предостерегли: через пять-шесть дней пути выведет она в «невозвратный мир» песчаных пустынь и соленых болот. Даже звери боятся приближаться к тем пустынным местам. А для

человека нет возможности выбраться оттуда. Когда «подземные громы и молнии» покидают свою гору, они мчатся в затерянный мир пустыни и соленых болот и там снова уходят в землю. Так говорилось в предании.

Предостережения не подействовали на бледнолицых гостей. Они как будто уже знали о гибельных местах на востоке от вулкана Лассен-Пик.

И объявили старейшины своим соплеменникам: эти двое пришельцев еще не получили удара молнии, их души еще не оглушены громом, но им предначертано пройти через это. Их уже не остановить. Так не стоит препятствовать тому, что предначертано.

На следующий день Большой и Малый Иваны поблагодарили хозяев за ночлег, подарили вождю племени нож и отправились в путь.

Разные предположения

Жители Форта Росс, услышав очередное предание туземцев, и о том, что два соотечественника ввязались в рискованное дело, не удивились. Русские колонисты пришли к единодушному выводу: попала двум Иванам старинная карта, где указаны золотоносные места. Вот и отправились непутевые головы на поиски богатства...

Подобных карт в середине XIX века немало ходило по рукам колонистов. Правда, невозможно было понять, какие из них настоящие, а какие сработаны ловкачами — испанцами или туземцами.

Кое-кто из Форта Росс уже уходил искать сокровища в неизведанные земли. Однако в лучшем случае после всяких передряг возвращался в колонию с пустыми руками. Случалось, охотники за драгоценным металлом пропадали бесследно или об их обнаруженных в лесах останках сообщали туземцы.

В те суровые времена ушедших за сокровищами колонистов не искали. Отправлялись на выручку лишь тем, кто оказывался в плену у индейцев.

Об исчезновении Большого и Малого Иванов сообщили в столицу Русской Америки — Ново-Архангельск. Были осмотрены их вещи. Но в скромном содержимом

сундучков моряков отгадка, — за чем и куда они отправились, — не обнаружилась.

Население Форта Росс знало, что оба Ивана любили подолгу беседовать с индейцами. Расспрашивали о птицах и зверях, о традициях туземцев, слушали их предания. Кто-то даже посмеивался над приятелями Иванами: «Ишь ты, едва читать умеют, а надумали книги писать...»

Нашелся в Форте Росс мудрец, который оповестил колонистов: снизошло на Ваньку Большого и Малого повеление разгадать великую тайну. Пронзила их души страсть к открывательству.

Что за великая тайна? От кого снизошло повеление? Почему избранниками стали два Ивана? Форт-Росский мудрец толком не смог объяснить.

После рассказа индейцев с реки Отан больше никаких известий о двух пропавших Иванах не было.

Укус гремучей змеи

Примерно в самом конце XIX столетия во Фланиган, Герлак, Джанго и в другие городки и селения северо-запада Невады стал наведываться странный бродяга. Он не клянчил денег, не соглашался, если ему предлагали работу. Сид — так звали этого человека — зарабатывал на жизнь своими рассказами. Исполнял он их как песни, аккомпанируя на самодельном инструменте, напоминающем банджо. В репертуаре его были индейские предания, сказочные и похожие на правду истории.

Переселенцы из разных штатов в Северо-Западную Неваду охотно слушали Сида.

В конце выступления они частенько задавали одни и те же вопросы:

— А это правда?..

— Неужто и в самом деле так было?..

Бродяга неизменно усмехался:

— Всё правда... Я только чуть-чуть приукрашиваю то, что видел или сам пережил...

Самые простодушные поклонники Сида поддерживали:

— В Америке и не такие чудеса происходят!..

Однажды среди слушателей разгорелся нешуточный спор. Доверчивые схлестнулись со скептиками. Случилось это после рассказа Сида о его приключениях в «гиблых песках», расположенных севернее Фланигана и Герлака.

О загадочной и опасной пустыне он знал от индейцев и не собирался побывать там. В тот раз путь бродяги пролегал от реки Сакраменто в Северо-Западную часть Невады, неподалеку от «гиблых песков». Ему подсказали, как обойти их.

Очередное странствие началось без приключений. Но однажды, устроившись на ночлег под открытым небом, он вдруг заметил в северной стороне огоньки. Вначале бродяга подумал, что это светятся глаза койотов. Однако вскоре услышал завывание, совсем не походившее на голоса хищников. Непонятный звук скорее напоминал песню ветра в узком ущелье. Сид и в самом деле почувствовал теплое дуновение, а затем — солоноватый запах. Вспомнил, что ощущал такой запах на калифорнийских солеварнях. Но откуда он взялся на севере Невады?..

В ту ночь бродяга не смог уснуть. Пляска непонятных огней и странное завывание вызвали беспокойство. Лишь на рассвете удалось задремать. Но покой длился недолго. Резкая боль в ладони заставила вскочить на ноги. В утреннем полумраке он увидел уползающую гремучую змею.

Сид поднес ладонь к глазам. Вокруг едва приметной ранки появилась краснота. Боль ослабла. Но бывалый бродяга знал, как обманчиво это ослабление. Он выхватил нож и дважды полоснул по месту укуса змеи. Из крестообразной раны хлынула кровь. Сид присел на корточки и уперся поврежденной рукой в землю. Это вызвало резкую боль и усилило кровоток. Выждав в таком положении несколько минут, он достал из мешочка табак, разжевал его и приложил к ране.

Вскоре кровь остановилась. Бродяга решил продолжить путь. Однако с первых шагов почувствовал нелад-

ное. С гремучими змеями он уже имел дело и знал, как воздействует их яд.

Почему появилось головокружение, мир вдруг затуманился?.. Откуда вдруг полились однообразные, унылые, ни с чем не сравнимые звуки?..

Даже такой бывалый человек не смог найти объяснения.

«А если укусила не гремучая, а какая-то неизвестная змея, у которой яд воздействует на человека подругому? — размышлял он. — Если это и так, то все равно ничего не изменить... Искать людей! Вот единственный шанс выжить!.. У местных индейцев наверняка есть снадобье против яда любой обитающей здесь твари».

«Не свернуть, не обратиться вспять...»

Ноги, хоть и с трудом, но пока еще подчинялись воле. Сид был убежден, что выбрал верное направление. Однако, вместо ожидаемой цветущей речной долины, он вскоре оказался в пустыне.

От песчаной пыли и яркого солнца, а может, и от воздействия яда, появилась боль в глазах. Все трудней становилось дышать.

Через какое-то время Сиду стало безразлично, дойдет ли он до людей, получит ли спасение или рухнет среди безжизненных соленых песков и станет добычей стервятников.

Наконец, бродяга наметил для себя последнюю точку пути: невысокий холм. «Вот поднимусь на него и упаду... Там и будет конец моим земным странствиям и мучениям...».

Кое-как он взобрался на песчаную высотку. Глубоко вдохнул и перед тем, как сдаться, напоследок огляделся по сторонам.

Внезапно мир преобразился. Он словно крикнул уставшему путнику: всмотрись, что ты собираешься покинуть, чего хочешь лишить себя!.. Совсем рядом Сид увидел речку, лес, чистое озерцо, а за ним — селение: бревенчатые дома, опрятные веселые люди... Они заметили его и стали приветливо махать руками. Бро-

дяге даже показалось, что его зовут по имени, приглашая в гости...

Возможно ли такое?.. Видение или явь?!

Изумленный человек ринулся с холма к селению. Прошли боль, жар и ломота в мышцах, стало легко дышать. Он бежал к людям и чувствовал, как пустыня отпускает его. Ноги уже не вязли в песке, а легко отталкивались от твердой почвы.

Река, лес, озеро, дома становились все ближе. Сид уже мог разглядеть лица людей, а бег его все убыстрялся. Казалось, еще чуть-чуть, и он взлетит выше песчаных холмов и верхушек леса...

Но вдруг лица жителей неизвестного селения показались ему знакомыми... Так и есть!..

Стоп! Поздно!.. Бег навстречу к ним уже не прервать... Не свернуть... Не обратиться вспять...

Давно умершие, все, кого он когда-то знал, теперь смотрели на него с ухмылками, а их лица становились зловещими...

Сид очнулся от пристального взгляда и бормотания. Косматая голова склонилась над ним. Несмотря на темноту, он хорошо разглядел незнакомца.

Высокий старик смотрел участливо и продолжал бормотать слова на непонятном языке. От него не ощущалось опасности.

Бродяга приподнялся на локтях:

— Где я?.. Что со мной?..

Старик приветливо кивнул, но промолчал, словно не мог сообразить, как доходчивее ответить.

— Где я?.. — снова спросил Сид.

— Попал ты, парень, в гиблые места, откуда не всякий выберется. Ну, да не робей, спас тебя один раз, спасу и во второй, — наконец ответил старик.

Хоть и заговорил он по-английски, Сид с трудом понял его.

Пленник легендарной страны

Звали спасителя Большим Иваном. Много лет назад покинул он вместе с другом Форт Росс и направился на

поиски сказочной страны — Элену. Много веков назад погубили ее подземные громы и молнии. Жителям Элену был предоставлен выбор: либо погибнуть вместе со своим городом-государством, либо остаться в живых в песках — среди соленых озер.

Люди сделали выбор. Богатейшая древняя страна погибла под ударами подземного огня. Людям не было позволено унести ни драгоценностей, ни мудрых писаний, ни технических изобретений. Все это осталось в покинутых домах и дворцах. Город-государство после катастрофы опустился в земные глубины. Затем был покрыт вулканическим пеплом, а со временем занесен песком.

Когда была уничтожена Элену? В легенде лишь упоминается, что произошло это не одно тысячелетие назад. Индейцы, обитающие на территории штатов Калифорния, Невада, Орегон в XVIII—XIX веках, редко рассказывали бледнолицым о древней стране Элену. Но тех пришельцев, с кем наладились дружеские отношения, предостерегали появляться в «гиблой пустыне», среди соленых озер.

Запретное, таинственное всегда влекло мятежные, авантюрные души, и сотни людей уходили на поиски древней страны. Были такие и среди русских колонистов. В архивных материалах пока не обнаружено, сколько человек отправилось на поиски Элену и не вернулось.

Удалось ли романтическим странникам отыскать что-либо, связанное с легендарной страной? Да и существовала ли она вообще? Где нет документальных свидетельств, можно лишь обращаться к преданиям и мистическим слухам.

После того как ему удалось вырваться из «гиблых мест», Сид еще много лет удивлял своих слушателей рассказами о древней стране, о ее жителях, навечно обреченных маяться в песках, среди соленых озер, о чарующих видениях, заманивающих путников, о Большом Иване — пленнике легендарной Элену, который спасал попавших в беду людей.

Среди слушателей Сида находились удальцы, желавшие испытать судьбу. Отправлялись они на поиски древ-

ней страны, да только потом никаких вестей от них не было. То ли эти отчаянные головы передумали искать Элену и ушли в другие земли в надежде на счастье и удачу, то ли сгинули в пустыне...

Среди первых строителей железной дороги, тянущейся через Северо-Запад Невады к Тихому океану, существовало поверье: если на участке Джанго — Фланиган происходит нечто необъяснимое, надо нацарапать гвоздем на рельсе: «Отведи беду, Большой Иван. Не дай заманить нас в "невозвратный мир"...»

«ОТЧАЯННАЯ СТРАНА КОЛОМА»

Кто отправился в Колому, назад возвращается совершенно другим человеком... Кажется, та же голова на плечах, руки — ноги на месте, не изменились цвет глаз и походка... И все-таки это лишь подобие того, кто уходил добывать золото в Колому...

Предание калифорнийских старателей

Новое предложение

Весной 1839 года руководство Российско-американской компании просило у правительства Николая I разрешения на ликвидацию русских поселений в Калифорнии. Правление Компании сообщало, что эти колонии не принесли ожидаемой экономической выгоды, и нет оснований «для дальнейшего занятия селения Росс».

В обращении к правительству также отмечалось: «Даже в политическом отношении обладание Россом сопряжено с неудобствами: оно не подкреплено никаким актом, ни признанием других держав...

Занятие Росса какою бы ни было нацией не может иметь влияния на безопасность наших колоний: англичане имеют свои гавани у самых наших границ; мексиканцы и калифорнийцы владеют превосходным заливом С.-Франциско возле Росса, граждане Соединенных Штатов толпами заселяют берега этого залива и не имеют надобности в недоступной скале Росс».

Российско-американская компания предложила правительству свой план: убрать из селения Росс гарнизон, упразднить там контору, вывезти орудия и снаряды, а постройки на территории Форта и хозяйственное оборудование продать жителям Калифорнии.

План долго ходил по рукам петербургских сановников.

Дело затянулось на несколько лет. Серьезных противников предложения отказаться от Форта Росс в Санкт-Петербурге не нашлось. Руководство Российско-американской компании лишь слегка упрекнули, что оно бездействует в добыче недавно открытого калифорнийского золота.

Император Николай I в начале 1850 года подписал документ, в котором говорилось: «...объявить Российско-Американской Компании, что полезно бы оной заняться по примеру других частных лиц добыванием золота в Калифорнии».

«Лишь несколько дневных переходов»

Вероятно, после присоединения Калифорнии к Соединенным Штатам Америки Россия не смогла бы сохранять там свою колонию.

Петр Тихменев писал: «В 1841 году все земледельческие заведения компании, с находящимся при них скотом и строениями, были проданы владетелю поселения при реке Сакраменто, швейцарцу Суттеру за 30 тысяч пиастров...»

Тихменев также отмечал жизненно важные проблемы, возникшие у Русской колонии в Калифорнии: «...без пособия туземцев соседних заселению Росс, нельзя было снимать посеянного там хлеба, по недостатку рабочих сил. На содействие же их в этом случае, при водворении американцев в Калифорнии, было весьма трудно рассчитывать.

...если бы заселение не было упразднено ко времени открытия, в его соседстве, золотых приисков, то, по всей вероятности, самые искусные рабочие и жители Росса, увлеченные желанием обогатиться самым легким образом, хлынули бы, несмотря ни на что, всею массою к разра-

ботке золотых россыпей, и заселение (Форт Росс), оставшись совершенно без рук, не могло бы далее содержать себя. Кто из работников стал бы возделывать землю, или ходить за скотом, когда за ближайшим хребтом гор каждый мог иметь участие во вновь открытых сокровищах, и что особенное могло привязать его к тому месту, где работа его могла удовлетворять только необходимым нуждам с небольшим избытком, но никак не всем житейским удобствам, которые он надеялся извлечь впоследствии из богатства, накопленного работой при приисках золота».

Драгоценный металл был совсем рядом с Фортом Росс. Первые объявленные находки золотоносного песка совершились за горным кряжем, отделяющим приморскую полосу.

Всего лишь несколько дневных переходов — и вожделенная «страна чарующего сияния» перед тобой!.. Для жителей Русской Америки, привыкших к трудностям и невзгодам, такое расстояние — пустяк. Немало из них соблазнилось. В открытую и тайком от начальства вчерашние охотники на морского зверя становились старателями.

Открытие плотника

На Руси издавна говорили: хоть и любит золото молчание, а ежели само подало знак людям, — никакая сила не заглушит молву о нем.

В первые годы возведения Форта Росс о драгоценном металле в Калифорнии колонисты уже были наслышаны. Зная страсть бледнолицых к «тяжелому песку», индейцы иногда приносили в крепость золото. Обмен с русскими совершали тайком. Шаманы калифорнийских туземцев утверждали, что белые пришельцы теряют разум при виде «тяжелого песка» и ради него могут пойти на все. Поэтому индейцы, хоть изредка и приносили золото в поселения испанцев и русских, но места залежей не выдавали.

Примерно в сорока пяти километрах от Форта Росс находилась горная местность, которую туземцы называли Колома. Русские переименовали ее на свой лад: Ко-

ломна. В январе 1848 года плотник Джемс Маршалл, отправленный туда хозяином для строительства лесопилки, нашел целую жменю золотого песка.

Через пару дней о находке плотника прослышали во многих селениях северной Калифорнии. На разных языках говорили аборигены и колонисты, но слово «золото» читалось в их глазах одинаково — на языке азарта, страсти, желания быстрее разбогатеть.

Вскоре об открытии драгоценного металла появились сообщения в газетах. В мало кому до того известную горную местность Колому потянулись тысячи людей.

О плотнике Джемсе Маршалле толковали, спорили во всех селениях тихоокеанского побережья Калифорнии.

Какова цель — таковы и нравы. Вчерашние законопослушные строители, моряки, охотники за пушниной, китобои, фермеры быстро преображались в лихих головорезов, готовых за щепотку золотого песка убить друга или родственника.

Помимо приспособлений для промывки драгоценного металла, старатели обязательно обзаводились ружьями и пистолетами. С каждым днем в окрестностях Коломы появлялись деревянные бараки, шалаши, палатки.

Бессилие властей

«Золотая лихорадка» всегда орошалась реками спиртных напитков. В лагеря старателей тянулись повозки, груженные ромом, водкой, виски. Ловкие торгаши сколачивали из бревен и досок заведения, где можно было весело отметить находку золота или залить спиртным неудачу.

Азартные игры, скандалы, заключение безумных пари, поножовщина, перестрелки стали обычным явлением в этих заведениях. Никакие власти не могли справиться с криминальными симптомами «золотой лихорадки». У интернациональной, стремительно возникшей, дикой страны Коломы был лишь один правитель, которому все подчинялись, — золото!..

Этот «правитель» диктовал свои законы, правила поведения, особые мораль и традиции. Даже самые бесша-

башные охотники за драгоценным металлом вскоре поняли: необходимо устанавливать свой порядок в «стране Колома». Этого требовал инстинкт самосохранения. Любой старатель мог стать жертвой так называемой «второй армии чарующего сияния». Она сформировалась из тех, кто не успел захватить участки с драгоценным песком, кто не желал с рассвета до заката возиться в ледяной воде, из тех, кому не повезло в поисках золота.

В окрестностях Коломы орудовали банды, состоящие, как и отряды старателей, из бывших солдат, моряков, китобоев, крестьян, охотников за пушниной, чиновников.

Отчаянные мысли, что добытый золотой песок не довезешь до ближайшего от Коломы городка, заставляли старателей просаживать добычу в питейных заведениях. Изредка случалось, что охотники за драгоценным металлом бунтовали против торговцев спиртными напитками. Трудно было терпеть грабительские цены. За рюмку самых дешевых виски, рома или водки владельцы заведений требовали несколько грамм драгоценного песка. Стоимость алкоголя порой была в сто раз больше, чем в русских и испанских колониях Калифорнии до начала «золотой лихорадки».

С торговцами спиртным иногда жестоко расправлялись. Их находили в окрестностях Коломы утопленными, с перерезанными глотками, с отрубленными кистями рук. Но подобные изуверства не помогали.

На смену убитым торговцам спиртным тут же появлялись другие. Старатели проклинали и мертвых, и живых «кровососов» и продолжали пропивать золото.

«Ушел в прошлое...»

Нехватка рабочих рук, истощение ценных видов пушнины, конкуренция, трудности с продовольствием подтачивали жизненные силы русских колоний.

«Золотая лихорадка» в Калифорнии окончательно погубила Форт Росс. Такого мнения придерживались жители Русской Америки и те, кто ее посещал.

Сергей Марков приводит в своей книге воспоминание русского эмигранта, побывавшего в двадцатых годах

прошлого века в Форте Росс: «...добрался до Русской реки (Славянка). Вниз по течению до Великого океана. Отсюда по берегу на Север, через бездорожье: крутые горы, опасные спуски и повороты, прогнившие мостики над пропастями, глубокие рвы. Двенадцать миль от реки... и черными крыльями, точно вороньими, распахнувшимися по малиновому закату, над пенящимися волнами, на крутой скале вырисовался крест...

Помимо хорошо сохранившейся церковки, пара развалившихся избушек... обгрызанные бревна когда-то высокого частокола с полукруглыми башенками. Ни души, тихо. Лишь вдалеке маяками несколько светящихся окон да шум прибоя...»

Другой русский, на семь десятилетий раньше, осмотрев ветхие сооружения крепости на реке Славянка, печально заметил: «Ушел в прошлое Форт Росс, а вслед за ним исчезнет вся Русская Америка... Золотая страсть вскоре погубит и наших людей, и наши селения...»

Может, это пессимистическое заявление дошло и до Санкт-Петербурга.

Так или иначе, царское правительство и правление Российско-американской компании посчитали, что после открытия золота в Калифорнии и присоединения ее к Соединенным Штатам Америки сохранять там свои колонии невозможно.

ПРОЩАНИЕ С РУССКОЙ АМЕРИКОЙ

Что думали они, увидев чужой флаг, взвившийся над Ново-Архангельском?.. ...Что испытывали мои соотечественники в минуты, когда им огласили: «Нет больше Русской Америки»? А может, они сказали себе: Русская Америка навсегда сохранилась в наших сердцах как этот океан, земля и все, что мы возвели здесь своими руками.

Борис Волков. Русский эмигрант, поэт

ИНТРИГИ, ПРОТИВОСТОЯНИЯ, СПОРЫ

Продажа Аляски, несмотря на множество официальных документов и свидетельств современников этого события, оставила немало тайн... В этой истории и горечь утраты, и печаль, и невысказанные обиды русских жителей Тихоокеанских островов, Аляски, Калифорнии...

Арт Шилдс, американский журналист

«Тревожная тень прощания»

В 1849 году генерал-губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев писал: «...существование Российско-американской компании для правительства, по крайней мере, до времени, необходимо, ибо взять на себя управление северо-американскими нашими владениями было бы сопряжено с весьма значительными издержками единовременными и ежегодными, а между тем управление наше и силы в Охотском море и Кам-

Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев

чатке в таком еще положении, что распространиться на американский берег было бы преждевременно.

Смею думать, с другой стороны, что оставить североамериканские наши владения, если компания не в состоянии была бы ими управлять, не соответствовало бы правительственным видам. Оба эти соображения приводят к заключению, что правительству придется оказать содействие компании в настоящем, как мне известно, трудном положении».

В то время, когда Муравьев доказывал необходимость сохранения Российско-американской компании и экономической поддержки со стороны правительства, положение русских колоний на Аляске и Тихоокеанских

островах ухудшилось. Этому способствовала и международная политическая обстановка, интриги английских и американских компаний, изменения на пушном рынке в Азии, а также участившиеся конфликты с туземцами. Вероятно, как и в предыдущие годы, столкновения между русскими и аборигенами были на руку англичанам и американцам.

Как заметил один из чиновников генерал-губернатора Восточной Сибири: «Тревожная тень прощания с нашими колониями витает над Русской Америкой».

Вооруженные конфликты с туземцами

О вооруженных столкновениях в 50-х годах XIX века на Аляске и близких от нее островах сообщал Петр Тихменев: «...в 1851 году племя куюканцов, т.е. жителей р. Куюка, напали на нулатовскую одиночку (русское поселение), убили управляющего ею служителя компании Дерябина и смертельно ранили находившегося там в то время лейтенанта английской службы Бернарда и одного алеута, и затем выжгли и разграбили туземное население Нулато. Причиною такого нападения было, как оказалось впоследствии, покровительство, оказываемое русскими нулатовцам, находившимся во вражде с куюканцами».

Тихменев писал, что подобное происшествие произошло в 1855 году: «Дикари, из так называемого разбойничьего жила, разграбили находящуюся к югу от Михайловского редута, в трех верстах от устья реки Нычыглик, Андреевскую одиночку и убили состоящих при ней двух служителей компании, бывших в то время в бане.

Третий служитель, остававшийся в одиночке, успел убежать, но, изнемогая от голода и холода, также сделался бы, конечно, жертвою разбойников, если бы один из встретившихся ему туземцев не принял его к себе и потом не доставил в редут».

Управляющий Михайловским редутом Андриянов тут же приступил к розыску напавших на русское поселение. Вскоре их отыскали, взяли в плен и вернули награбленное имущество.

В том же 1855 году случился вооруженный конфликт русских с колошами острова Ситха. Туземцы пытались украсть дрова, принадлежащие Российско-американской компании. При этом они ранили копьем часового. Правитель колонии капитан 1-го ранга Степан Васильевич Воеводский потребовал выдать виновных. Но колоши не послушались и не сложили оружие.

Воеводский приказал сделать из пушек предупредительные выстрелы вдоль залива. Но это не угомонило туземцев.

Согласно описанию Тихменева, «вооруженная толпа дикарей бросилась к крепостной ограде и начала рубить полисад, а один из них выстрелил в находившегося на батарее компанейского служителя и ранил его смертельно.

Тогда уже был открыт против них пушечный и ружейный огонь, но и тут колоши не остановились. Некоторые из них старались пробраться в порт, но к счастью безуспешно; другие заняли деревянную церковь, построенную для богослужения на туземном языке, и начали стрелять из окон».

Перестрелка длилась около двух часов. Понеся большие потери, колоши наконец сдались. Во время этого столкновения двое русских погибло, девятнадцать — ранено. Убито и ранено было около шестидесяти колошей.

«Флот — держать в порядке и наготове»

Последний правитель Русской Америки князь Дмитрий Максутов не раз повторял: «Какие бы ни были трудности в наших колониях, а флот компании надобно держать в порядке и наготове».

В 50—60-х годах XIX века флотилия Русской Америки значительно пополнилась судами нового поколения. Были уже среди них и винтовые, и колесные пароходы. Корабли строились в Русской Америке и покупались у иностранцев.

Так, с новоархангельской верфи сошли бот «Камчадал» и шхуна «Клинкит». Там же осуществлялся ремонт многих судов Русской Америки.

По заказу Российско-американской компании в Нью-Йорке был построен винтовой пароход «Император Александр II», а в Нью-Кестле — «Великий князь Константин».

Колесные пароходы: «Император Николай I» в 60 сил — корпус изготовлен в Ново-Архангельске из местного кипариса, а машина выписана из США; «Баранов» в 30 сил — построен в 1860 году там же и из того же дерева, а машина сделана в Америке.

Во флотилию Русской Америки входили парусники: корабль «Император Николай» — построен по заказу Компании в Нью-Йорке; корабль «Камчатка» — построен в Гамбурге; корабль «Цесаревич» — построен в Любеке; корабль «Царица» — построенный в Портсмуте; корабль «Князь Меншиков» — построенный в штате Массачусетс; корабль «Нахимов» — построенный в штате Мерилэнд; бриг «Шелехов» — построенный в Гамбурге; бриг «Великий князь Константин» — построенный в Бостоне; шхуна «Аян» — построенная в Аяне; шхуна для китового промысла, построенная в Або.

Названные кораблестроительные верфи в середине XIX века считались лучшими и дорогостоящими. Но Российско-американская компания на свой флот денег не жалела. Затраты на качественные корабли стоили того.

Однако суровый, трудно предсказуемый Тихий океан брал свою дань. И самые совершенные для того времени суда погибали во время штормов. Расследования кораблекрушений показали, что нередко не только грозная стихия, но и ошибки экипажей приводили к катастрофам.

В пятидесятых годах, в разгар Крымской войны, по селениям Русской Америки поползли слухи, что в гибели некоторых судов виноваты англичане. Их военные и китобойные корабли якобы совершали нападения на суда Российско-американской компании, топили их, а экипажи или брали в плен, или убивали.

Но серьезных доказательств подобным слухам не было.

Кораблекрушения и исчезновения судов

По каждому крушению русского судна составлялся подробный рапорт для Российско-американской компании и для Адмиралтейства. Вот как описана гибель корабля «Кадьяк». В 1860 году на этом судне доставляли из северных русских колоний в Сан-Франциско лёд. Груз был принят на острове Лесном. «Кадьяк» наткнулся на подводные камни, едва выйдя из гавани. В носовой части корабля образовался большой пролом. Вода ворвалась в трюм, и судно стало быстро погружаться носом.

Капитан «Кадьяка» шкипер Архимандритов приказал спустить гребные шлюпки, чтобы экипаж мог вернуться на остров Лесной. Как отмечалось в документах: «Сам же Архимандритов оставил судно последним, когда вода уже наполнила трюм, но держался однако-же вблизи его на шлюпке, изыскивая все средства спасти что только было возможно.

Несмотря на старания отбуксировать корабль в гавань, — предпринятые как командиром, так и кадьякской конторой, выславшей... все состоявшие в ее распоряжении баркасы и байдары, — большое волнение и свежий ветер воспрепятствовали привести это в исполнение. На третий день корабль потонул в расстоянии 100 сажень (морская сажень — 1,83 м) от острова Елового, на глубине, при полной воде, более 10 сажень».

В 50-х годах XIX столетия в северных водах Тихого океана потерпело крушение более 30 русских кораблей.

Случалось, что суда Русской Америки пропадали бесследно. И тогда среди колонистов возникали всевозможные версии причин гибели кораблей.

В 50-х — начале 60-х годов XIX века морские офицеры постоянно напоминали руководству Российско-американской компании о необходимости иметь современный, хорошо оснащенный флот. Без такого флота Русская Америка прекратит свое существование, — заявляли они. Конечно, дирекция Компании соглашалась с этим, но содержать флот, полностью удовлетворяющий нужды колонии в Северной Америке, не могла. Не хватало финансов.

«Британский лев поджал хвост»

Зарубежные политики были уверены, что после поражения в Крымской войне корабли Российского военного флота еще много лет не появятся в Атлантическом и Тихом океанах.

Но эти ожидания не оправдались. В 1863 году император Александр II принял решение оказать поддержку Северным Штатам в войне с рабовладельческим Югом и охладить агрессивный пыл Англии и Франции по отношению к России. Для этого были снаряжены две эскадры.

Одна, под командованием контр-адмирала Василия Попова, отправилась в Тихий океан, другая, под командованием контр-адмирала С.С. Лисовского, — в Атлантику. В Тихоокеанскую эскадру вошли корветы «Богатырь», «Боярин», «Калевала», «Новик», «Рында», клиперы «Абрек», «Гайдамак».

Русские эскадры почти одновременно (сентябрь 1863 г.) прибыли к месту назначения. Одна — в Нью-Йорк, другая — в Сан-Франциско. Наши корабли крейсировали у атлантических и тихоокеанских берегов Соединенных Штатов Америки до лета 1864 года.

В 30-х годах прошлого века знаток истории русского флота Дмитрий Никитин в журнале Русского исторического общества (США) писал: «Все эти корабли, приняв достаточное количество пресной воды в цистернах и бочках, запас сухарей и солонины, могли месяцами держаться в море под парусами, не заходя в порты и уничтожая тем временем всякое судно, идущее под флагом неприятельской страны. Вполне понятно, каким ударом для английского правительства было известие об одновременном появлении в 1863 году двух русских эскадр на двух океанах, как раз на самых бойких путях британского торгового мореплавания.

Этой морской демонстрацией Россия, оказав помощь С.Ш.А., разом отклонила для Англии и Франции возможность объявить нам войну...

Оголить в это время от военных судов свои собственные берега и бросить весь русский военный флот к бере-

гам далекой Америки для борьбы с владычицей морей — Англией, было несомненно решением, полным героической смелости. Блестящий успех был тогда достигнут без единого выстрела. Британский лев скромно поджал хвост...»

Обустройство Ново-Архангельска

Во время Крымской войны 1853—1856 годов укреплению столицы Русской Америки придавалось особое внимание.

Как выглядел расположенный на острове Ситка Ново-Архангельск в преддверии продажи Аляски и Алеутских островов Соединенным Штатам Америки? Побывавшие там в середине XIX века отмечали: порт весьма удобен для торговли и мореплавания. Рейд столицы Русской Америки круглый год был свободен ото льда, имел «несколько безопасных входов» и мог вместить целый флот, оберегая суда от ветров разного направления.

О военном оснащении Ново-Архангельска сообщалось, что он мог противостоять вооруженным кораблям, а пушек на всех его укреплениях и батареях «до 60-ти... в запасе при порте состоит еще 87 орудий от 2-х пудовых бомбических пушек до однофунтовых фальконетов включительно».

Главное укрепление Ново-Архангельска находилось на высоком мысу. Там же находился дом правителя колоний. В этом укреплении размещалось еще 17 пушек.

Петр Тихменев писал, что порт Ново-Архангельска «отделяется от колошенского селения высоким полисадом, идущим от морского берега к северу до Лебяжьего озера и продолжающимся на противоположном берегу еще сажень на 30-ть.

При начале полисада с морской стороны, порт защищается блокшифом, вооруженным тремя орудиями, — и так называемою колошинскою батареею о 6-ти орудиях. В исходящих углах полисада находятся четыре трехъярусные башни, в среднем ярусе которых расположены от 3-х до 6-ти орудий, смотря по величине башни. На

пристани поставлена батарея из 12-ти орудий, от одного пуда до 6-ти фунтов... Гарнизон порта составляет взрослое мужское население его, числом 550 душ (в том числе, до 180-ти солдат сибирских линейных батальонов и до 90-та казенных и вольных матросов). Каждый из них имеет на случай тревоги свою определенную обязанность при укреплениях и на батареях и снабжен разным огнестрельным и ручным оружием».

К середине XIX века в Ново-Архангельске, помимо оборонительных сооружений и жилых домов, располагались три православных храма и лютеранская церковь, училище для мальчиков и пансион для девочек, женская и мужская лечебницы, две школы для детей и сирот служителей и работников Российско-американской компании, духовное и колониальное управления. Кроме того, там находились складские помещения и верфь для строительства и ремонта судов, рынок, колодцы, лесопильный завод.

Исследования не прекращались

Как и в предыдущие годы, в середине XIX века Российско-американская компания продолжала организовывать и поощрять исследовательские экспедиции. Русские путешественники почти ежегодно отправляли в Санкт-Петербург нанесенные на карту, еще не известные земли северо-западной Америки и участки Тихого океана.

Шкипер Иван Архимандритов дал подробные описания Ситхинака, Тугидака, Кадьяка и других островов, а также части берега в Кенайском заливе. Шкипер Кашеваров составил карту залива Воскресенский. Поступивший на службу Российско-американской компании прапорщик и штурман Николай Бенземан обследовал Афогнак, Еврашичий, Атту и другие острова, нанес на карту несколько заливов и береговых участков, в том числе и западного берега острова Ситка. Штурман Василий Курицын составил описание островов Акун, Акутан, Унимак, Умнак, Уналашка и других. Ученик штурмана Саламатов дополнил карту всех Андрея-

новских островов, от Горелого до Сигуама. Шкиперы Гарднер, Клинковский, Павлов внесли важный вклад в гидрографические исследования в северной части Тихого океана.

На основании этих и других исследований капитан Михаил Тебенков (правитель Русской Америки в 1845—1850 гг.) составил «Атлас северо-западных берегов Америки от Берингова пролива до мыса Корриэнтес и островов Алеутских с присовокуплением нескольких мест северо-восточного берега Азии».

В первой половине XIX века русские моряки совершили 41 кругосветное плавание — намного больше, чем провела за тот же период «владычица морей Англия».

Русские кругосветные экспедиции не только проводили научные исследования и повышали мастерство и опыт моряков, но и охраняли колонии соотечественников в Новом Свете, доставляли необходимые грузы.

Даже недруги России отмечали, что в 1837—1867 годах русские исследователи внесли большой вклад в познание северо-западной Америки и прилегающих к ней островов. О путешествиях Андрея Глазунова, Ивана Васильева, Федора Колмакова, Лаврентия Загоскина слагали предания, а их имена вписаны в историю географических открытий.

Первые упоминания в прессе

В середине 1853 года в английских газетах появились сообщения, что Россия собирается продать свои американские владения в США. Поначалу мало кто воспринял их всерьез. Хотя слухи о такой сделке уже возникали за пару лет до этих публикаций. Но официальный Санкт-Петербург опровергал такой поворот событий.

Один из приближенных императора Николая I незадолго до Крымской войны заявил, что никаких перемен по отношению к Аляске и Алеутским островам не предвидится.

В июле 1854 года появилась статья в газете «Нью-Йорк геральд», в которой утверждалось, что продажа Русской Америки США совершится в ближайшее время. Россия

опасается захвата английским флотом ее тихоокеанских владений и потому намерена совершить грандиозную сделку.

Вслед за «Нью-Йорк геральд» эту мысль стали все чаще высказывать видные политики США.

Академик Н.Н. Болховитинов в своей книге приводит отрывок из воспоминаний, записанных в 1878 году: «Во время Крымской войны, когда английские и французские суда отправились на север для нападения на русские владения на Тихом океане и когда казалось очевидным, что Петропавловск будет захвачен, барон Стекль, русский посланник в США, пришел к г-ну Гвину (сенатор от Калифорнии) и попросил его быть посредником между ним и американским правительством при открытии переговоров по продаже русских владений на тихоокеанском побережье Америки Соединенным Штатам. Г-н Гвин пришел к президенту Пирсу и сообщил о цели своей миссии. Президент сразу же стал горячим сторонником покупки; но его государственным секретарем был г-н Марси, и президент уже имел некоторый опыт в отношении упрямства этого джентльмена...

Было известно, что он решительно против присоединения территории к США. Беседа между государственным секретарем и г-ном Гвином была бурной. Ничего не могло произвести какого-либо впечатления на г-на Марси. Он пригрозил выйти из кабинета, если любое подобное предложение будет благоприятно принято президентом и остальными его конституционными советниками. Г-н президент не был тверд в своей позиции в отношении данной или любой другой меры, если в его кабинете имелось расхождение во мнениях, и поэтому отклонил предложение русского посланника».

Отпор на Камчатке

Возникновение замысла о продаже Аляски Соединенным Штатам Америки отчасти зависело от Крымской войны, официально объявленной Англией и Францией России в марте 1854 года. Поводом для развязывания войны

послужила якобы «защита независимости Турции». На самом деле цель была иная.

Она отразилась в военной программе английского министра Пальмерстона. Он призывал расчленить Россию, отторгнуть от нее Бессарабию, Кавказ, Крым, Польшу, Прибалтику, Финляндию. В этой программе не остались без внимания и Дальний Восток, и американские территории России.

В 1854 году англо-французская эскадра под командой адмирала Прайса попыталась захватить Петропавловск-Камчатский. Командование эскадры намеревалось после быстрой победы на Камчатке направиться в пределы Русской Америки. Неизвестно, готовилось ли уничто-

Младший брат императора Александра II великий князь Константин Николаевич

жение русских колоний или их подчинение английским компаниям.

Однако несколько сот русских моряков, казаков, солдат и офицеров под командованием адмирала Василия Завойко разбило неприятельский десант.

В обороне Петропавловска-Камчатского принимал участие будущий главный правитель Русской Америки князь Дмитрий Петрович Максутов. Двадцатидвухлетний офицер русского флота в июне 1854 года был назначен командиром батареи.

В документе того времени отмечалось, что Максутов, «командуя батареею № 2, из 11 орудий при 127 нижних чинах, подавал пример неустрашимости, в течение 8 часов, в бою 20 Августа 1854 г., при отражении нападения на Петропавловский порт Англо-Французской эскадры, состоявшей из 3 фрегатов с 156 пушками и парохода, вооруженного бомбическими орудиями, причем меткими выстрелами нанес неприятельским судам значительные повреждения».

Флот противника поспешно убрался от берегов полуострова. После поражения у Петропавловска-на-Камчатке англо-французская эскадра прекратила боевые действия в северных водах Тихого океана, но продолжала курсировать в этом пространстве в поисках русских судов. Все же в годы Крымской войны англо-французские корабли не принесли никакого урона селениям Русской Америки.

Споры о предстоящей «сделке века»

После окончания Крымской войны вопрос о продаже Аляски Соединенным Штатам Америки не отпал. Наоборот, об этом еще настойчивее заговорили в политических кругах Санкт-Петербурга и Вашингтона.

Влиятельным сторонником сделки был младший брат императора Александра II великий князь Константин. «...В случае войны с морскою державою мы не в состоянии защитить наши колонии», — считал он.

В письме министру иностранных дел Александру Горчакову великий князь изложил свою точку зрения: «Северо-Американские штаты, следуя естественному

порядку вещей, должны стремиться к обладанию всею Северною Америкою и поэтому рано или поздно встретятся там с нами, и не подлежит сомнению, что овладеют нашими колониями даже без больших усилий, а мы никогда не будем в состоянии возвратить их».

Министра иностранных дел А.М. Горчаков

Великий князь Константин предложил продать США заокеанские русские колонии.

По подсчетам американских специалистов, таким образом, во владение Соединенным Штатам переходило 580 107 квадратных географических миль. Из них: острова Берингова моря — 3963 квадратных географических мили; Алеутские острова — 6391; Кадьякский архипелаг и острова Шумагина — 5767; Чугатские и другие острова — 1032; Архипелаг Александра с островом Ситха — 14143; материковая часть — 548 902 квадратные географические мили.

В докладе императору Александру II высокопоставленные сторонники продажи русских колоний за океаном выдвигали три основных довода: необходимость сконцентрировать военные и экономические силы на Дальнем Востоке и особенно в Амурском крае; укрепление союза с США в противовес Англии; неудовлетворительное состояние дел Российско-американской компании, существование которой необходимо финансировать государством.

Слухи о продаже русских территорий за океаном волновали не только политиков, но общественность и прессу. Газеты Старого и Нового Света отмечали, что Россия видит в лице США союзника в борьбе за отмену Париж-

ского договора по итогам Крымской войны. «Нью-Йорк геральд» в начале 1867 года писала, что предложенная продажа Русской Америки указывает «...на вероятность политического, торгового и военного союза, оборонительного и наступательного, между Россиею и Соединенными Штатами против Англии и Франции, при предстоящем в будущем прилаживании равновесия власти в обоих полушариях».

Примерно в те же дни газета «Голос», издаваемая патриотически настроенным публицистом Андреем Краевским, писала: «Сегодня слухи — продают николаевскую железную дорогу, завтра — русские американские колонии; кто поручится, что послезавтра не начнут те же самые слухи продавать Крым, Закавказье, Остзейские губернии?

За охотниками-де до покупки дело не станет».

Когда спустя несколько недель был подписан договор о знаменательной сделке, та же газета «Голос» с горечью сообщала: «Сегодня, вчера и третьего дня мы передаем и передавали получаемые из Нью-Йорка и Лондона телеграммы о продаже владений России в Северной Америке...

Мы и теперь, как и тогда, не можем отнестись к подобному невероятному слуху иначе, как к самой злой шутке над легковерием общества».

Далее газета «Голос» писала: «Неужели трудами Шелехова, Баранова, Хлебникова и других самоотверженных для России людей должны воспользоваться иностранцы и собрать в свою пользу плоды их?»

Как и в России, в США не было единодушия по поводу знаменитой сделки. Газета «Нью-Йорк трибун» писала о покупке Аляски: «Этот договор государственный секретарь стыдливо и боязливо публикует в своем обращении и просит сенат подтвердить, а народ одобрить. Мы уверены, что сенат скажет — нет, мы знаем, что народ скажет — нет».

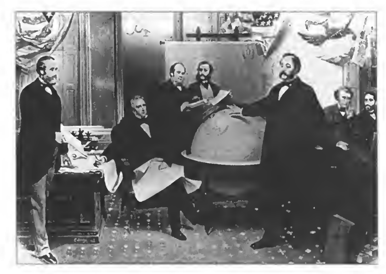
Сразу после Крымской войны вновь назначенный министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков провозгласил: «Россия сосредотачивается». Этот

девиз стал для него незыблемым политическим принципом. Горчаков призывал отказываться от внешнеполитических амбиций в пользу преодоления внутренних проблем России.

Не все современники понимали его, впрочем, как и многие нынешние «политикуны». Линии мудрого Александра Михайловича, истинного патриота, держались и некоторые приближенные императора Александра II. Эти сановники напоминали, что колонии за океаном — не государственная собственность, и, по существу, они принадлежат Российско-американской компании, которая задолжала Министерству финансов 725 тысяч рублей. А такой солидный долг она вряд ли сумеет погасить в обозримом будущем.

Цена вопроса

Подписанию документа о продаже заокеанских колоний предшествовали встречи русского посланника в Вашингтоне барона Эдуарда Стекля и госсекретаря США Уильяма Сьюарда в марте 1867 года.



Подписание американскими политиками договора об уступке Русской Америки США 30 марта 1867 г.

О ходе этих переговоров Эдуард Стекль писал министру иностранных дел Александру Горчакову: «Приехав в Вашингтон, я поднял вопрос о колониях со Сьюардом. Я сказал ему о трудностях, которые вторжение американцев могло бы создать между двумя правительствами, о предложениях, которые делались в прошлом о продаже наших колоний, и добавил, что в настоящее время императорское правительство расположено вступить в переговоры, если нам будет сделано такое предложение. Сьюард мне ответил, что этот вопрос следует обсудить и что он переговорил бы о нем с президентом (США). Наша беседа была строго конфиденциальной».

В том же письме Горчакову Стекль информировал о своей следующей встрече с госсекретарем, посвященной продаже колоний: «...Я сказал Сьюарду, что предполагаю прозондировать мнение некоторых сенаторов и членов палаты по этому вопросу, но он обязал меня ничего не делать.

"Эти переговоры, — сказал он мне, — должны вестись в строжайшей тайне. Давайте сначала посмотрим, сможем ли мы договориться. После этого настанет время проконсультироваться с конгрессом".

В качестве цены он назвал 5.000.000 долларов, но, поняв, что это не произвело на меня никакого впечатления, добавил: "Мы могли бы дойти до 5.500.000 долл., но не более". Я ответил, что обсудим этот вопрос, когда несколько продвинемся вперед. Я буду стремиться получить 6.500.000 или, по крайней мере, 6.000.000».

Окончательной ценой за русские колонии в Америке стала сумма в 7,2 миллиона долларов. В IV статье договора между Россией и США говорилось: «На основании выше установленной уступки Соединенные Штаты обязываются заплатить в казначействе в Вашингтоне в десятимесячный срок со времени обмена ратификацией сей конвенции дипломатическому представителю или иному Е. в-вом (Его величеством) императором Всероссийским надлежаще уполномоченному лицу семь миллионов двести тысяч долларов золотой монетой».

Только в 1868—1890 годах на Аляске и на ближних к ней островах было добыто золота, серебра, пушнины, мамонтовой кости, китового жира на 75,2 миллиона долларов. В XX веке на полуострове началась добыча нефти. Цена ее запасов превысила все то, что добывалось на Аляске.

Россия за продажу заокеанских колоний из 7,2 миллиона долларов недополучила 165 тысяч. Эти недостающие деньги были потрачены на подкупы должностных лиц и влиятельных политиков США, от которых зависела сделка.

Ратификация договора

30 марта 1867 года в 4 часа утра был подписан документ о продаже Аляски. Эдуард Стекль и Уильям Сьюард поспешили уведомить об этом своих глав государств. Спустя 6 часов президент США Эндрью Джонсон направил договор на рассмотрение и утверждение в сенат.

3 мая (по старому стилю) документ был ратифицирован Россией. Вскоре весть о продаже Аляски дошла до жителей Русской Америки.

Американский флаг над Аляской

Как отмечали современники, главный правитель колоний Дмитрий Максутов, получив это известие, «пришел в бешенство». Но служебный долг не позволил ему проявлять эмоции, и он был вынужден исполнять приказ и договор, доставленные из Санкт-Петербурга.

Во втором из семи пунктов «Высочайше ратифицированного договора об уступке Российских североамериканских колоний» говорилось: «С территориею, согласно предыдущей статье, верховной власти Соединенных Штатов связано право собственности на все публичные земли и площади, земли, никем не занятые, все публичные здания, укрепления, казармы и другие здания, не составляющие частной собственности.

Однако постановляется, что храмы, воздвигнутые российским правительством на установленной территории, остаются собственностью членов православной церкви, проживающих на этой территории и принадлежащих к этой церкви. Все дела, бумаги и документы правительства, относящиеся до вышеозначенной территории и ныне там хранящиеся, передаются уполномоченному Соединенных Штатов, но Соединенные Штаты во всякое время, когда встретится надобность, выдают российскому правительству, российским чиновникам или российским подданным, которые того потребуют, засвидетельствованные копии с этих документов».

Для многих и в XIX веке, и в наше время было непонятно, зачем передавать архивы и документы русских колоний Соединенным Штатам.

Нелепые подозрения

Продажа Аляски привлекла внимание многих европейских политиков, общественных деятелей, ученых и публицистов. Уже известный в то время немецкий экономист и публицист Карл Маркс критиковал памфлет Лилиенфельда, в котором говорилось о сделке века: «Еще пример грубого невежества автора памфлета! В его глазах уступка русской части Северной Америки была не чем иным, как дипломатической хитростью русского

правительства, которое, замечу кстати, было в большом денежном затруднении.

Но здесь дело не в том: американский конгресс опубликовал недавно документы об этой сделке. Там имеется, между прочим, отчет американского поверенного, в котором он прямо пишет в Вашингтон: с экономической стороны приобретение это пока ровно ничего не стоит, но Англию благодаря этому янки отрежут с одной стороны от моря и ускорят приобретение всей британской Северной Америки Соединенными Штатами. Вот в чем дело то».

Во второй половине 1867 года подданные Российской империи, находившиеся в европейских странах, писали, что за границей небывалый интерес к продаже Аляски. Даже далекие от политики иностранцы расспрашивали их о знаменитой «сделке века».

Многие пытались выяснить, в чем же «истинный смысл продажи» и какие тайны кроются в ней. В европейских газетах того времени приводились нелепые догадки и домыслы: «Русские и американцы сговорились захватить весь мир, а уступка Аляски — политическая игра для отвлечения внимания Европы и притупления бдительности...» и т.п.

«Книга закрылась»

6 апреля 1867 года (по старому стилю) за покупку Аляски проголосовало большинство сенаторов Соединенных Штатов. 3 мая договор о сделке ратифицировал император Александр II. А 8 июня в Вашингтоне произошел обмен ратификацией.

Спустя четыре месяца на остров Ситха прибыли официальные представители России и Соединенных Штатов. Специальным правительственным комиссаром для передачи русских колоний Соединенным Штатам был назначен капитан 2-го ранга Алексей Алексеевич Пещуров. Его кандидатуру одобрил император Александр II.

Пещурову поручалось: «Наблюдать, чтобы колонии были обеспечены всеми потребностями по день сдачи

каждой отдельной местности американскому правительству». Ему также вменялось: «содействовать скорейшему вывозу русских на родину» и «защищать интересы, имущество и права собственности находящихся в колониях русских подданных».

6 октября (по старому стилю) 1867 года в 15 часов 30 минут в Ново-Архангельске началась церемония передачи Соединенным Штатам Русской Америки. На площади, рядом с домом главного правителя колоний Дмитрия Максутова, были построены рота сибирских пехотинцев и военное подразделение США. На площади собралось все население Ново-Архангельска. Из разных селений колонии на торжественное мероприятие прибыли русские офицеры, солдаты, матросы, чиновники, ремесленники, промысловики. Гостями торжества стали также алеуты, индейцы, эскимосы. Не все присутствующие понимали смысл происходящего, но чувствовали важную значимость события.

Жители и гости Ново-Архангельска были в праздничных одеждах. На рейде у острова стояли корабли под Андреевскими и звездно-полосатыми флагами. Между ними и берегом скользили сотни байдар, украшенных разноцветными кожаными и матерчатыми лоскутами.

В доме правителя Русской Америки и в избах простых обитателей Ново-Архангельска готовились праздничные столы. Однако не все участники исторического события высказывали радость.

Тревожный вопрос — что ожидать от громких перемен? — волновал многих колонистов.

Представитель Российской империи Алексей Пещуров и представитель Соединенных Штатов генерал Л.Х. Руссо обменялись трогательными речами. Потом наступила недолгая пауза. Несколько минут ждали, когда наступит обозначенный в договоре час.

Он настал. Пещуров встал лицом к генералу Руссо и торжественно и громко, так, чтобы слышали все на площади, произнес: «По повелению Его Величества императора Всероссийского передаю вам, уполномоченным Северо-Американских Соединенных Штатов, всю тер-

риторию, которою владеет Его Величество на американском материке и на прилегающих островах, в собственность Штатов, согласно заключенному между державами договору».

Прозвучали салюты из пушек и ружей, крики «ура». По знаку Пещурова начали спускать с установленной на площади мачты русский флаг. Сразу это сделать не удалось. Флаг застрял где-то у середины мачты.

Из толпы раздались голоса:

— Знает свое законное место!..

— Не желает расставаться с Америкой!..

Чтобы устранить конфуз, на мачту приказали взобраться матросу. Он и сбросил русский флаг. Полотнище опустилось прямо на штыки сибирской роты...

— Хорошо, что не на иностранные!.. — прокомментировал один из участников знаменательного события.

Книга под названием «Русская Америка» закрылась, но осталась навсегда на полке истории человечества.

Проблемы процедуры передачи

На следующий день после торжественной церемонии Пещуров, Максутов и Руссо приступили к нелегкому делу. Им предстояло окончательно определить все объекты и имущество Российско-американской компании, передаваемые Соединенным Штатам.

Селение Порт Чичагов на острове Атту; селение Атхинское на острове Атха; селение Гаванское (позднее Доброго Согласия), Иллюлюк, Уналашка; крепость Трехсвятительская и Павловская гавань на острове Кадьяк; Николаевский редут в заливе Кука; Воскресенская гавань на Кенайском полуострове (сегодня город Сьюард); Константиновский редут на острове Нучек; селения на островах Св. Павла и Св. Георгия; крепость Якутат и селение Славороссия (позднее Новороссийск); Михайловская крепость; Дионисьевский редут на острове Врангеля; Ново-Александровский редут в Бристольском заливе; Колмаковский редут на реке Кускоквим; Михайловский редут в заливе Нортон; столица Русской Америки Ново-Архангельск и другие селения на острове Ситка... Вот да-

леко не полный список объектов, передаваемых Россией Соединенным Штатам.

К протоколу, подписанному Пещуровым и Руссо, прилагались и так называемые списки «А» — «Е». В списке «А» перечислялись строения, передаваемые Соединенным Штатам: общественные здания, укрепления, верфи, казармы, склады, батареи, госпиталь и школа в Ново-Архангельске. В список «В» были внесены церкви и дома священнослужителей, которые оставались собственностью прихожан. «С» включал колонистов, сохранивших право собственности на свои дома и земли. Таких на острове Ситха оказалось всего два десятка. В «D» перечислялись домовладельцы без земли. В список «Е» была внесена недвижимость Российско-американской компании на острове Кадьяк, передаваемая Соединенным Штатам.

Процедура передачи породила немало проблем. В середине октября 1867 года Алексей Пещуров писал Эдуарду Стеклю: «...Генерал Дэвис (представитель США), начальник гарнизона, и часть офицеров находятся еще на пароходе, хотя мы успели очистить все здания, назначенные к передаче американскому правительству.

Это быстрое очищение лучших домов весьма затруднило Главного правителя колоний и тех лиц, которым приходилось в здешнюю дождливую погоду выбираться из домов и большей частью на суда. Я просил князя Максутова торопиться с этим делом, чтобы избежать неприятностей с генералом Дэвисом и его офицерами. Несмотря на часто повторяемые предупреждения, что на Ситхе нет свободных помещений, американцы наслали сюда целую толпу официальных лиц и до сих пор еще не принимались за возведение домов... которые, по их уверениям, должны были устранить все затруднения в размещении понаехавших гостей. Напротив, затруднения эти увеличиваются еще тем, что американцам хотелось иметь различные отдельные канцелярии и конторы».

В другом письме Стеклю Пещуров сообщал, что прибывшие на Ситху американцы вели себя беспорядочно, в особенности солдаты. Они частенько устраивали драки,

скандалы, занимались воровством. Властям приходилось в отдельные дни сажать под арест до 30 военнослужащих.

А споры о «сделке века» не утихали еще долгие годы в обеих странах. В 1867 году газета «Санкт-Петербургские ведомости» с долей сарказма писала: «Обыкновенно бывает так, что государства усиливаются, всеми мерами расширяя свои владения. Это общее правило не применяется, безусловно, только к России. Ее владения так обширны и растянуты, что ей приходится не присоединять земли, а, напротив».

Несколько месяцев спустя о приобретении Соединенными Штатами Аляски высказался влиятельный американский государственный деятель, адвокат Уокер: «Театром наших величайших триумфов призван стать Тихий океан, где у нас скоро не будет ни одного опасного европейского соперника. Конечным итогом станет политический и коммерческий контроль над миром».

Разные судьбы

Но как отразилась продажа Аляски и северотихоокеанских островов на простых жителях русских колоний? Их было в Новом Свете менее одной тысячи человек.

У многих положение ухудшилось в первые же дни после торжественной передачи власти. Люди теряли работу и свои жилища.

К концу 1867 года немало из них стали покидать Русскую Америку. В первых числах ноября десятки бывших служащих отбыла на пароходе из Ново-Архангельска в Сан-Франциско, чтобы оттуда отправиться на родину. Спустя несколько дней на корабле «Царица» Америку покинуло 168 русских. 22 января 1868 года из колоний было вывезено 69 русских солдат. Через десять месяцев с острова Ситха в Санкт-Петербург выехало еще несколько десятков бывших колонистов.

Не сохранилось точных данных о количестве русских и креолов с русскими именами и фамилиями, оставшихся после 1867 года в Новом Свете. Одни из них не покинули Америку по своей воле, другие попросту были забыты

Российско-американской компанией. А сама Компания формально существовала до 1881 года, хотя ее реальная деятельность в Новом Свете завершилась 14 лет назад.

По-разному сложилась жизнь русских колонистов, оставшихся в Америке. Они добывали золото, охотились на морского зверя, становились военнослужащими и чиновниками, занимались торговлей, нанимались на морские суда и даже открывали свои фирмы и предприятия.

Бедствовали и процветали...

Разные судьбы...

После 1867 года бывших русских колонистов в основном объединяла православная вера и любовь к России. Церковные общины и приходы помогали не забывать родной язык, культуру и традиции предков.

Часть великой истории

Не стоит осуждать поступки и деяния людей, живших в далеком прошлом...

Куда важнее наводить порядок и справедливость в своем времени.

Удел скудоумных — любовь к сослагательному наклонению в истории. «Ах, если бы Россия не оставила Аляску, тихоокеанские острова, Калифорнию!..».

Современные исследователи скрупулезно подсчитали, сколько добывается там рыбы, ценного меха, драгоценного металла, древесины и т.д. Дескать, вот что потеряла Россия!.. Но никто не попытался прикинуть, сколько русской крови пришлось бы пролить за эти богатства и в XIX веке, и в наше время.

Ограниченность или провокация?.. Хотя одно не исключает другое.

Как надо презирать свой народ, чтобы предлагать: лейся, русская кровь за океаном, на земле, где никто не ждет русского человека!..

Стоит ли удивляться? При всех правителях простые россияне были для них пушечным мясом и лагерной пылью!..

Не смогли создать мир и лад в европейском славянском доме, наладить достойную жизнь своему народу, обуздать коррупционеров, жуликов-чиновников, рачи-

тельно использовать природные богатства Восточной Сибири, — подавай заокеанские земли!.. Каждый год срывается так называемый «Северный завоз» на Камчатку, Чукотку, Сахалин, Курилы и другие уголки России. Каждый год разворовываются в неимоверном количестве лесные богатства Сибири, тысячи иностранных браконьеров, словно у себя дома, добывают животных, бесконтрольно вывозят неисчислимое количество древесины. Сотни чужеземных судов ведут незаконный лов у наших тихоокеанских берегов...

Вот о каких утерянных богатствах России надо беспокоиться, а не вздыхать о заокеанских землях...

Император Александр II однажды отозвался о продаже Аляски: многие забывают, что Крымская война завершилась чуть более десяти лет назад, и сейчас важнее всего укрепить армию и флот и наши дальневосточные границы.

Александра II во многом упрекали и в его, и в наше время. Вот только никто из этих критиканов, в отличие от государя, не сделал ничего полезного для России.

Русская Америка...

Неужели напрасно совершали подвиги, страдали, жили в неимоверно тяжелых условиях в далеких землях наши предки — землепроходцы и мореходы, ученые и священнослужители, офицеры и рядовые, промысловики и ремесленники?

От каждого поколения россиян отчасти зависит, не будут ли забыты имена и деяния Ивана Федорова, Михаила Гвоздева, Витуса Беринга, Алексея Чирикова, Григория Шелехова, Александра Баранова, Кашеварова, Лаврентия Загоскина, Кирилла Хлебникова, Иоанна Вениаминова, Германа Аляскинского и многих других, которые совершали открытия, просвещали, строили в малообжитом, суровом краю, создавали Русскую Америку.

В чем истинное значение Русской Америки?..

Хоть и недолгим был ее век, а все же она явилась значимым опытом встречи, содружества, совместной деятельности и мирного сосуществования на одной территории двух цивилизаций. Опытом — для всего человечества.

Интерьер аэропорта в Ситке

Встречи цивилизаций в разных уголках мира часто превращались в вооруженные, кровавые столкновения. Приход русских в Северную Америку тоже не обходился без конфликтов. Однако он не принес столько трагедий, человеческих жертв, разрушений, как это происходило с появлением европейцев в Азии, Африке, Австралии, Америке.

Несмотря на свое недолгое существование, Русская Америка обогатила культуру и способствовала научно-техническому прогрессу алеутов, эскимосов, индейцев. А многочисленные экспедиции, организованные Российско-американской компанией, стали огромным вкладом в развитие географии, зоологии, ботаники, этнографии, геологии и других наук.

И все же значимость Русской Америки для нашего Отечества до конца не раскрыта. Нет ответов на многие ее загадки. Не все ее документы найдены. Интерес к ним не ослабевает.

Поиски продолжаются... Ибо недолгая история Русской Америки — неотъемлемая часть великой истории России.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание
Русские за границей

Бурлак Вадим Никласович

РУССКАЯ АМЕРИКА

Выпускающий редактор *В.А. Ластовкина*
Корректор *Б.С. Тумян*
Дизайн обложки *Е.А. Бессонова*
Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48а.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 29.04.2009. Формат 84 × 108 $^1/_{32}$.
Гарнитура «BalticaC». Печать офсетная. Бумага LUX CREAM.
Печ. л. 12. Тираж 3000 экз. Заказ № 0904380.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

В.Н. Бурлак

РУССКАЯ АМЕРИКА

Для чего нужно было создавать русские колонии в Новом Свете? Почему потом их уступили Соединенным Штатам Америки, к тому же на невыгодных для России условиях? Как сложилась судьба русских на Аляске после знаменитой сделки 1867 года? Автор книги, известный путешественник, писатель и журналист В.Н. Бурлак, делает попытку раскрыть истинный смысл Русской Америки для нашего Отечества. Но нет ответов на многие ее загадки. Не все ее документы найдены. Интерес к ним не ослабевает.

Поиски продолжаются... Ибо недолгая история Русской Америки — неотъемлемая часть великой истории России.